

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЕЛЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ И.А. БУНИНА»
КАФЕДРА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ «БУНИНСКАЯ РОССИЯ»

ЕЛЕЦ
В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ
РОССИИ

Сборник научных трудов

Елец – 2016

УДК 82
ББК 26.89+83.3(2=Рус)5
Е 50

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина
от 29.01.2016 г., протокол № 1*

Редакционная коллегия:

Н.А. Трубицина, кандидат филологических наук, доцент
(научный редактор);
С.В. Логвиненко, кандидат филологических наук
(ответственный редактор)

Е 50 Елец в историко-культурном пространстве России: сборник научных трудов. – Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2016. – 113 с.
ISBN 978-5-94809-867-8

Сборник научных трудов «Елец в историко-культурном пространстве России» посвящен изучению культурного феномена города Ельца и включает в себя гуманитарные исследования по филологии, литературоведению, лингвистике, педагогике, философии, фольклору, этнографии.

Издание адресовано студентам, учителям, преподавателям, ученым-филологам.

За содержание материалов несут ответственность авторы статей. Редакционная коллегия разделяет не все точки зрения исследователей.

УДК 82
ББК 26.89+83.3(2=Рус)5

ISBN 978-5-94809-867-8

© Елецкий государственный
университет им. И.А. Бунина, 2016

ГОТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ ИРРЕАЛИЗАЦИИ ТОПОНИМИИ В РАННЕЙ ПРОЗЕ И.А. БУНИНА

В статье раскрывается роль аллюзий и цитат в прозе И.А. Бунина 1892-1901 годов из романов представителя французского сентиментализма и предромантизма Ф.Г. Дюкре-Дюмениля. Готические традиции угадываются в глубокой многоплановой художественной картине мира Бунина при анализе хронотопа и конкретно – в уяснении ирреализации российской топонимии, сохраняющей ее подлинную полнокровную жизнь со всеми мельчайшими подробностями. Дюкре-Дюмениль старался писать именно так, в несуетной «задумчивости без размышлений, чрезмерно стараясь раздробить свои впечатления», как делал и его герой – наставник Дюмон со своими незабвенными «Беллевильскими холмиками, тропинками <...> маленькими дорожками» [3, 51].

Ключевые слова: *российская топонимия Бунина, ирреализм, готический роман, документальность, ономастика, сказка, христианское мировоззрение.*

Несмотря на то, что предромантизм, переименованный в «готицизм» [7], явление переходное, черты его уловимы даже в стилизованном виде. Находясь между сентиментализмом и романтизмом, то есть, согласно П.Н. Сакулину, на пересечении разных типов творчества – реального и ирреального, «готицизм» привлек внимание молодого И.А. Бунина редким сочетанием наивности и таинственности, чувствительности и рассудительности, нравоучения, бытописания и фееричности, естественности и набожности. Бунин был единственным автором, который, несмотря на подлинный аристократизм, не стеснялся симпатизировать воспитателю провинциальных барышень – Дюкре-Дюменилю, осмеянному в начале XX века Л.Н. Андреевым, В.В. Сиповским, и даже пространно цитировать романы «Алексис, или домик в лесу», «Виктор, или дитя в лесу».

Именно готические черты способствуют ирреализации столь скрупулезно, как доказано в исследовании Т.В. Красновой, воссозданной Буниным российской топонимии. Противопоставление столичному разврату деревенского уклада жизни не поднимается в романистике Дюмениля до уровня космогонической оппозиции природы и цивилизации, как в романтизме, зато практически применяется в частной жизни: «Воспитание приводит весьма часто к тщеславию, к ревности, к пронырствам и показывает, как тебе поступить, чтобы занять место в бурном обществе городов; воспитание, которое подает тебе в полях природа, влечет тебя к воздержанию,

добродетели и благочестию» [3, 5]. Церковь, в которую крестьяне «ходят по обыкновению», а «не по принуждению и ниже из благопристойности», «средства для прогнания скуки и болезни – труды и сон» способствуют соблюдению чистоты нравов [3, 4]. Рассказчик «Антоновских яблок» поведал читателю: «... мне порою казалось на редкость заманчивым быть мужиком. Когда, бывало, едешь солнечным утром по деревне, все думаешь о том, как хорошо косить, молотить, спать на гумне в ометах <...> к этому прибавить здоровую красивую жену <...> да поездку к обедне, а потом обед...» [1, 412]. Подробности заманчивого для рассказчика крестьянского труда постоянны и у французского «Философа»: «Его крепкие члены влекут плуг, его мозолистые руки втыкают заступ, тащат борону, или, ухватив цепь, бьют по зернам...» [3, 4]. Сам же, пока не приобщенный к труду «Философ», вполне приобщается к природе: «Ах! Возможно ли ему было забыть прогулку! Он видел природу, размышлял, наслаждался!..» [3, 7]. «Чувствительный, несчастный» «философ-скиталец» из «Антоновских яблок» своим постоянным меланхолическим «помню» также переживает разлуку во времени и пространстве с невозвратимым «сельским старосветским благополучием» [1, 412] и «домовитостью».

Риторические вопросы, фигуры умолчания, восклицания, «аханья» и прочие признаки «сих излиятий сердца» [4, 32] в задушевных диалогах с читателем на лоне природы в прозе И. Бунина также часты, как и два века назад у Дюмениля, едва избегнувшего расправы передового Парижа, или русских сентименталистов, напротив, и в быту праздно-идиллических баблуней золотой екатерининской поры: «...старинная мечтательная жизнь встанет перед тобою... Хорошие девушки и женщины жили когда-то в дворянских усадьбах!» [1, 417].

Природа обычно одухотворяется И. Буниным не по античному или иному языческому образцу, как в стилизованной «северной легенде» «Велге» 1895 года, а монотеистично, как настаивает И.Г. Минералова, с утверждением присутствия в ней Божьей благодати [6]: «Показалось, что свету Божьего не видно <...> глянул в поле <...> над ним, как два алмазно-голубых глаза, две ярких, широко расставленных звезды...» [2, 275]. Настойчиво повторяется у рекомендованного в русских духовных академиях сентиментального француза эпохи безбожных революций хвала Творцу: «Ах! Кто не испытал сего душевного спокойствия и удивления, возбуждаемого Высочайшим Существом, когда кто один прогуливается по сельским тропинкам!.. В сих минутах исступления глаза бывают устремлены на чудеса природы, уста растворяются для пения оных, руки возвышаются к Высочайшему Творцу оных» [3, 6]. Образ «думанья без размышлений» [3, 7], родственник Бунину, подчеркивает состояние более высокое, нежели медитативно-созерцательное, причастное Божественному сознанию, ход которого не похож на быстрое течение мелко рвущихся человеческих мыслей, ход, который бунинский студент-дворянин Воронов определяет

по движению созвездий («Венера, Марс и Арктур искрились высоко на западе»), также как и рассказчик «Антоновских яблок» («... блещет бриллиантовое семизвездие Стожар <...> над головой белеет Млечный Путь»), «с захождения солнца до восходу Авроры» проживает жизнь и Алексис. Ирреализуется вместе с географией история, превращая социально-экономическую стадию развития России в некое полумифическое «царство мелкопоместных» [1, 418], хотя и «у самом у том, к каком мы живем» [1, 434].

Забавно и трогательно старомоден круг чтения семьи Примо все с тем же Дюменилем в «Вестнике Европы» [1, 356], Воронова [2, 275], почти совпадающий с завещанными Алексису наставником господином Дюмоном «книгами нравственными, важными и весьма высокого содержания, как то Юнговы ночи, размышления Гервея, Зодиак Палингенов» [3, 50]. Церковно-земледельческие месяцесловы («на Лаврентия вода тиха и дождик», «афанасьевские морозы» [1, 436]), доморощенные гороскопы, гадания, толкования снов, девичьи альбомы, моральные еженедельники, «грамматики любви» и другие проявления самодеятельности, народного творчества и, как сейчас принято говорить, массовой культуры словно освящаются высоким бунинским словом и слогом «под старину».

В отличие от романтиков, многие из которых так или иначе «заигрывали» с разного рода демонизмом, бунтарей и страдальцев, сентименталисты – набожные, послушные воле Господней и, если в готической тени становились «несчастными», то видели своей целью культивировать не отверженность, а веру в чудесное избавление от бед. Готические злодеи не абсолютизируются, в отличие от романтических, а вписываются в социальную картину страны. Место разбойников, сыгравших заметную роль в судьбах Алексиса и Виктора, в прозе Бунина начала века занимают охотники, похожие на цыган: «... едешь с шумной ватагой Арсения Семеновича, возбужденный музыкальным гамом собак, брошенных в чернолесье, в какой-нибудь Красный Бугор или Гремячий Остров, уже одним своим названием волнующий охотника» [1, 415]. Переход эпитетов в состав имен собственных – общеевропейская традиция, отмеченная фольклористикой и ономастикой. Многие сказочники, Толкин, например, впоследствии тоже так создавали свою ирреальную топонимию [8]. Бунин, приближая нарицательное «чернолесье» к именам собственным, ирреализует местность, основываясь на реальной ономастике, народной этимологии, эпосе, однако, по сказочному принципу («Серебристых гаваней», «Изумрудных городов»), свертывая в назывании характеристику или сюжет. Образ леса у Бунина «готичнее», чем в готических романах, близок сказочному: «Чем не сказочный бор? <...> Да и человечьи ли это хижины? Не в такой ли же черной сторожке жила Баба-Яга?» Однако над кажущимся мороком в бунинской прозе почти всегда неусыпная Божья зоркость: «Лес гудит, точно ветер дует в тысячу эоловых арф, заглушенных вьюгой. «Ходит сон по се-

ням, а дрема по дверям», и, намаявшись за день, поевши «соснового» хлебушка с болотной водицей, спят теперь по Платоновкам наши былинные люди, смысл жизни и смерти которых ты, Господи, веши!» [1, 434].

Завороженность охотой и стариной героя «Антоновских яблок» выдает в нем человека эпохи декаданса, от чего рассказчик «Без роду-племени» того же периода и не отрещивается. Во многом еще руссоистские герои Дюмениля, судя по недовольству Виктора в «Очарованном лесу» [4], цыганского и иного волхвования «и очарований не любят <...> они расстраивают только голову, нимало не просвещая разума человеческого», и разбойников, подобных суходольскому Герваське, они тоже, несмотря на родство, «презирают <...> со всеми преимуществами, кои добродетель имеет пред пороком [4, 21].

В связи с полнокровной и притягательной силой художественной образности¹ русские Выселки, Знаменские, Малиновы, Платоновки, как и французские Босы, Беарны [3, 3], воды Студенки, Большой Сосны, Сухого Семенька [5, 95] или Порт-Аббаро, явлены не «местечковыми», а уместными среди космических океанов, хранящими тайну ненужности и в то же время значительности всего земного <...> сдержанно и немолчно говорящими о какой-то вечной, величавой жизни...» [1, 440].

Примечания

1. Бунин И.А. Полное собрание сочинений в 13 томах + 3 дополнительных. М.: Воскресение, 2006. Т. I. 561 с.

2. Бунин И.А. Полное собрание сочинений в 13 томах + 3 дополнительных. М.: Воскресение, 2006. Т. II.

3. Дюкре-Дюминиль Ф.Г. Алексис, или Домик в лесу. Переложил с Французского на Российской язык Алексей Печенегов. М: Губернская типография А. Решетникова 1794.

4. Дюкре-Дюминиль, Ф. Г. Виктор, или дитя в лесу. Сочинение Дюкре-Дюминилья, автора Лолотты и Фанфана, Алексиса, или Домика в лесу и проч.: пер. с фр. подлинника. М., 1800. 291 с.

5. Краснова Т. В. Российская топонимия в художественной прозе И. А. Бунина: монография. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2005. 246 с.

6. Минералова И.Г. «Он красоту от смерти уносил...» [Электронный ресурс] <http://thezis.ru/on-krasotu-ot-smerti-unosil.html>

7. Чекалов К.А. Своеобразие готического универсума в романах Ф.-Ж. Дюкре-Дюминилья // Другой XVIII век. М.: Эконинформ, 2002.

8. Shippey T. A. The Road to Middle-Earth: How J. R. R. Tolkien created a new mythology. NY: HarperCollins Publishers, 2003.

¹ Именно живописующей, показывающей образности, а не доказывающей идейности, которую Дюмениль в «Целине» называет скучной, Бунин тоже не приветствует теоретизирований.

ЕЛЕЦКОЕ ЗЕМЛЯЧЕСТВО

В работе рассматривается феномен «елецкого землячества», созданного по благословию елецкого старца о. Нектария (Николая Александровича Овчинникова). Автор статьи подчеркивает значимость этой неформальной организации для духовной культуры Ельца. Деятельность елецкого землячества способствует развитию международных связей и укреплению дружественных отношений с видными представителями различных стран.

Ключевые слова: елецкое землячество, онтологическая модель России, Елец.

Елец, древнейший город нашей Родины, связывает в своем пространстве-времени трагически-высокие вехи Руси-России. Провинциальный и одновременно таящий в себе множество историко-культурных загадок и феноменов, Елец можно назвать онтологической моделью России.

Город талантлив, что отражено в редком даре таких его представителей, как Бунин, Пришвин, свят. Иннокентий Херсонский и Таврический, Тихон Хренников. Среди знаменитых ельчан – поэты, прозаики, художники, музыканты, политики (Н. Семашко, С. Маслов). К ним я отношу и Нину Васильевну Попову, которая неоднократно утверждала, что все самое лучшее в ее жизни было связано с нашим городом.

Отмечая сегодня столь знаменательный юбилей – 870-летие Ельца, хочется вспомнить удивительный феномен – елецкое землячество, созданное по благословию елецкого старца о. Нектария (Николая Александровича Овчинникова) и благодаря хлопотам Нины Васильевны Поповой, одной из выдающихся женщин XX столетия, блистательной представительницы народной дипломатии. Попова – бессменный председатель Комитета Советских женщин, вице-президент Международной Демократической Федерации Женщин, руководитель Союза Советских обществ дружбы – структуры, являющей собой образец народной дипломатии в лучших своих проявлениях.

С миссией мира она побывала во многих странах, в 1960 году ее визит в США, встречи с Кеннеди, Элеонорой Рузвельт, со многими политиками, выступление в ООН придали новый импульс в развитии политического диалога двух стран, оказавшихся из-за карибского кризиса на пороге ядерной войны. Ее дружбой дорожили Индира Ганди, Эжени Коттон, Элеонора Рузвельт, королевские особы Европы.

Тихон Николаевич Хренников называл ее одной из самых удивительных женщин: «Я счастлив, что мне приходилось общаться с Ниной Васильевной, вместе работать. Это была замечательно красивая женщина, обаятельная, энергичная, деловая. Какая красивая женщина! Когда я поближе познакомился с ней, узнал что она моя землячка, ельчанка! Елец ей был необыкновенно дорог. Общение с ней доставляло огромную радость. Она была необыкновенно привлекательной, ей было легко работать с людьми, смотреть на нее было счастьем» (из архива Р. Григорьевой).

Отец Нектарий и Нина Попова стояли у истоков рождения удивительного союза – Елецкого землячества, которое, преодолевая пространство и время, соединило, казалось бы несоединимое: людей разных континентов – бывшего мэра Нью-Йорка – Нэнси Сейпфер, написавшую книгу о Ельце – «Песнь русской души». Алену Адамкову, родом из Словакии, философа и санскритолога, неоднократно принимавшую участие в научных конференциях ЕГУ им. И.А. Бунина, сербского поэта Зорана Костица, переводчика поэзии Бунина на сербский язык, математика и лингвиста Ферруфино Консепсьон из Гондураса. Ферруфино Консепсьон, профессор Департамента математики Национального автономного университета Гондураса впервые приехал в Россию (в Советский Союз) в 1968 году и был направлен на учебу в Университет дружбы народов им. П. Лумумбы (сейчас Российский университет дружбы народов – РУДН) на физико-математический факультет. Посещал лекции выдающегося ученого-математика и педагога Л.Д. Кудрявцева.

В 1975 г. К. Ферруфино уехал в Гондурас и работал там в Национальном автономном университете, в Департаменте математики. В 1977 г. вновь приехал в Москву для продолжения образования в Университете дружбы народов на философском факультете. В 1985 г. Ферруфино в соавторстве с московским физиком Л.И. Сотниковой написал книгу «Родство – основа системы слова».

В 1982 году К. Ферруфино крестился в Москве с именем Константин. В это время его духовно окормлял А.А. Суховский, ученый, доктор Института психиатрии в Москве (сейчас это Всероссийский центр психического здоровья), впоследствии настоятель церкви в честь Покрова Божией Матери в с. Усть-Кокса Республики Алтай. Отец Андрей был духовным чадом елецкого старца иеросхимонаха Нектария (Николая Овчинникова). Через него, а также через Р.А. Григорьеву, дочь Н.В. Поповой, которая стояла у истоков создания университета Дружбы народов, Ферруфино познакомился с иеросхимонахом Нектарием. А в 1990 г. снялся в фильме Р.А. Григорьевой и Ю.В. Григорьева «Мальчики». Тогда он побывал в Ельце.

Совсем недавно, 1 сентября 2016 года, он еще раз посетил Елец. Вместе с Р.А. Григорьевой они побывали в школе № 1 им. М. Пришвина, в

Филологическом институте ЕГУ им. И.А. Бунина. К. Ферруфино подарил студентам свою книгу «Родство – основа системы слова».

В настоящее время Ферруфино Консепсьон – профессор Департамента математики Национального автономного университета Гондураса.

В рамках приезда Ферруфино Консепсьон в Елец состоялась встреча ученого с ректором ЕГУ им. И.А. Бунина – профессором Е.Н. Герасимовой, были намечены перспективы дальнейшего сотрудничества.

Елец занимал значительное место в судьбе русских писателей Валентина Распутина, Владимира Куприна, академика Тюрюканова, филолога Макарова, журналистки и кинорежиссера Аллы Доценко. Думаю, что в наш век агрессивно наступающего глобализма Елецкое землячество представляется уникальным соборным единением людей, воспитанных разными культурами, но призванных к сотрудничеству, сопряжению национальных культур на единой духовной основе. Каждый из членов елецкого землячества по-своему внес немалый вклад в культурное развитие города.

В первую очередь – его бессменный председатель Ренита Андреевна Григорьева, кинорежиссер и крупный общественный деятель. В Ельце она снимала фильм «Мальчики» по мотивам романа Достоевского «Братья Карамазовы». Множество культурных и научных форумов были организованы ею на базе нашего университета. Я помню ее выступление в Москве в момент принятия решения о присвоении Ельцу звания «Города воинской славы» - яркое, эмоциональное убедительное. Сколько усилий было направлено на работу, связанную с организацией еще одного пока неофициального статуса города, - *города мира*.

Она подарила Ельцу множество дорогих (в том числе имеющих немалую материальную ценность) артефактов, фотографий, документов. 9 сентября 2001 года в Ельце открылась постоянная экспозиция, посвященная жизни и творчеству Поповой Нины Васильевны. На стендах – подарки из разных стран мира – материальные знаки прожитой жизни. Они о многом могут рассказать внимательному посетителю.

На стенде, посвященном Елецкому землячеству, стихи Зорана Костича о Ельце, книга Сейпфер «Песнь русской души», альбом фотографий исторических памятников Липецкой области, в работе которых принимал участие фотограф Андрей Клюев, книга известного натурфилософа академика Тюрюканова, неоднократно читавшего лекции в нашем университете, для которого Елец стал одним из самых «русских городов страны»: «Я потрясен городом Ельцом. Будучи немного эмоциональным, я бы сказал так – передо мной третья столица России, в силу своего историзма, своего расположения, того, что я здесь вижу. Здесь восстанавливаются многие культурные, церковные и другие ценности нашей Руси. Это меня просто потрясло. Я горжусь, и уезжать буду с особым состоянием – я был в России» (из архива Р. Григорьевой).

Здесь же книги В. Распутина и Владимира Куприна, которых о. Нектарий благословил быть крестовыми братьями. Валентин Григорьевич Распутин пережил в Ельце духовное преображение: «Большая радость для меня принять крещение в Ельце. И эта радость в тайниках моей души остается постоянной. Это свечка: нельзя сказать, что уж такой большой огонь, который разгорелся, разошелся... А тут и не нужно большого огня, тут необходима была свечка – и утешение она приносит, и сил добавляет, и принуждает к работе...» (из архива Р. Григорьевой).

Членом Елецкого землячества является Доценко Алла Николаевна, журналист, член Союза журналистов России. В настоящее время живет в Казахстане. Известна ее книга «Святые лики над Ельцом» (2006 г.), и документальный фильм «Гонец» (2009 г.) о русском писателе-эмигранте Г.Д. Гребенщикове, который дружил с И.А. Буниным.

В 2015 г. А. Доценко вместе с ЕГУ им. И.А. Бунина создала фильм «Помышляя о поколениях грядущих» о святителе Иннокентии (Борисове), архиепископе Херсонском и Таврическом, уроженце Ельца. Фильм стал лауреатом I кинофестиваля духовно-нравственного и семейного кино «Святой Владимир» (Симферополь-Севастополь, 2015 г.), автору вручен приз Крымской епархии – икона святого равноапостольного князя Владимира.

Хочется верить, что работа Елецкого землячества будет по-прежнему служить процветанию Ельца, его настоящего и будущего.

А.А. Дякина
Елец

ПУБЛИЦИСТИКА Е. НАЗАРОВА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ

В статье рассматриваются особенности исторической публицистики Е.И. Назарова. Обращается внимание на методiku его анализа и трактовки исторических фактов, связанных с Ельцом и округой. Приводятся краткие замечания по поводу отдельных публикаций Назарова, вышедших в свет в Трудах Орловской ученой архивной комиссии. На этой основе определяется значимость исторической публицистики Назарова не только для краеведения своего времени, но и для нынешней науки, занимающейся изучением самобытности родной земли.

Ключевые слова: *Егор Назаров, историческая публицистика, краеведение, Елец.*

Егор Иванович Назаров – один из ярких представителей краеведения города Ельца. Современные исследователи исторической публицистики все чаще обращаются к его творческому наследию, справедливо считая весьма существенным его вклад в развитие исторического изучения Елецкой земли [1].

С 1894 года Назаров состоял членом Орловской ученой архивной комиссии (ОУАК). Созданное десятью годами ранее, это местное научно-историческое общество в конце XIX века считалась одним из лучших в России и вносило заметный вклад в реализацию общей задачи по изучению и сохранению памятников истории и культуры, организации музеев, архивов и библиотек в российской провинции. Статус подобных организаций подтверждается тем, что попечительство над ними осуществляли губернаторы, а научно-методическое руководство (до 1912 г.) – Петербургский археологический институт.

Будучи разносторонне одаренным человеком, хотя и не получившим систематического образования, Назаров увлекался не только историей, но и музыкой, литературой, сам писал стихи и прозу. Это сочетание талантов сделало его историческую публицистику заметным явлением региональной словесности. Имя Назарова-краеведа, бесспорно, должно стоять в одном ряду с именами М.А. Стаховича и Н.А. Ридингера, чьи традиции в деле сохранения и трансляции знаний о социокультурных особенностях Ельца и елецкой округи он развивал. Прежде всего от предшественников им было взято понимание древности как совокупности летописных сведений, легенд, данных археологии и этнографии, требующих не только сохранения, но и изучения в качестве самостоятельного объекта.

Как историк, архивист и исследователь родной земли Е.И. Назаров опубликовал около 30 работ, в числе которых тщательно выверенные документы, имеющие важное значение и для современной науки. Среди его трудов наиболее известны такие, как «О названии города Ельца», «О постройке красных рядов», «К истории Ельца», «Табель повинностей за 1817 год» и другие. Они публиковались в Трудах ОУАК, а также выходили отдельными брошюрами.

Особенность исторической публицистики Назарова заключается в комплексном изучении природы, населения, хозяйства, этнографии, истории, археологии, культуры елецкой земли, их динамики. Все эти компоненты рассматривались во взаимосвязи и развитии, соотносились с общероссийскими явлениями и в этом контексте характеризовались как типичные или специфические. Автор обращал особое внимание на уникальные памятники, явления и процессы, протекавшие на территории елецкой земли. Использование четких статистических сведений позволяло Назарову раскрыть особенности состава населения (половые, возрастные, национальные, религиозные), размещения и расселения, а также состояние хозяйства края в целом и отдельных его отраслей; рассмотреть населенные пункты, в которых сосредоточена хозяйственная и культурная жизнь края,

отдельные предприятия и учреждения (фабрики, заводы, сельскохозяйственные предприятия, железнодорожные станции, научные учреждения, учебные заведения). Учет природных, социальных и хозяйственных взаимосвязей позволял осуществлять серьезный комплексный анализ состояния Елецкого уезда, его становления и развития.

Наиболее заметной публицистической работой Назарова представляется "Историко-статистический очерк бывшего Талецкого острожка" (1899 г.). Используя всю совокупность знаний о данном географическом объекте, автор стремится определить его роль на исторической карте Елецкой земли. При этом он опирается на письменно зафиксированные сведения и сочинения крупнейших российских историков – В.Н. Татищева и С.М. Соловьева. Краевед обращается также к труду М.А. Стаховича «История, этнография и статистика Елецкого уезда», а в качестве подтверждения своих выводов представляет ранее неизвестный документ Сената от 1727 года, адресованный местной администрации. Сказанное дает основания Назарову считать Талецкий острожек древним поселением, выполнявшим в силу своего расположения важнейшую задачу по охране переправы через реку Быстрая Сосна.

Одним из ключевых аспектов в данной работе Назарова становится широкое привлечение археологических данных, позволяющих обоснованно говорить о местоположении курганов, обнаруженных при раскопках предметах быта, орудиях труда. Именно на основе научных сведений краевед воссоздает расположение поселения, даже особенности местности. Так, он утверждает, что в центре поселения находилась Казанская церковь, окруженная крепостью, которая не сохранилась, но ее существование подтверждает наличие характерного рва вокруг бывшего храма. Особое внимание автор обращает и на другие культовые сооружения, которые считает более древними. К ним относятся Георгиевская и церковь св. Савватия и Зосимы, о существовании которых напоминают каменные плиты и надгробья. В этой связи Назаров подчеркивает актуальность проблемы сохранения церковной истории, связанной нередко с уникальными по своей значимости событиями. В отношении Казанского храма, в частности, упоминается о хранившемся там Евангелии, подаренном Михаилом Федоровичем Романовым.

Наряду с научно выверенными сведениями в данной и других работах Назаров обращается к народным преданиям, рассказам старожилов. Такого рода источники информации не только имеют определенную историческую ценность, но и дают представление о том, какими были быт и нравы жителей елецкого края. Наиболее интересен в этом плане «биографический очерк» «Разбойник Засорин», опубликованный в трудах ОУАК за 1895 год. Героем произведения Назарова становится печально знаменитый в Орловской, Воронежской, Харьковской губерниях некий Андрей Засорин. Уроженец Ростова на Дону, Засорин, по словам горожан, не был головорезом и разбойником, грабил только богачей, был таким "отечест-

венным Робин Гудом". Однако образ «вора», укорененный в сознании жителей, давал о себе знать: его боялись и даже считали колдуном.

Назаров, вопреки распространенному мнению, ставит перед собой иные цели, нежели поиск темных сторон биографии Засорина. Он напротив стремится подчеркнуть положительные качества личности этого человека и ссылается на свидетельства встреч с разбойником, поведенные очевидцами. В каждой из них раскрываются такие моральные составляющие Засорина, которые вызывают явную симпатию публициста. К примеру, приводится история с силачом Н.А. Зотовым, который в честном поединке сумел победить разбойника, и тот достойно принял поражение, проявив тем самым порядочность, уважение к традиции ведения подобных состязаний. Совершенно очевидно, что Назаров, учитывая существующие мнения о тех или иных исторических событиях, имел свою точку зрения и выражал ее в публикуемых материалах. В небольшой статье «О названии города Ельца» он обращается к вопросу, много раз поднимавшемуся исследователями и выведенному в названии работы. Автор анализирует распространенное мнение, связывающее именование Ельца с символами, обозначенными на его гербе: «ель» и «елень» (олень). Отчасти соглашаясь с этой версией, Назаров между тем склонен придерживаться точки зрения Н. Ридингера, который соотносил слово «елец» с обозначением «дубового кустарника или вообще не удобного для пахоты места» [2]. Но автор предлагает и свою версию происхождения топонима, возводя его к татарским корням. Назаров предполагает, что название города может быть соотнесено со словом «елань», в переводе с татарского означающее «котловина». По его мнению, котловина присутствует в рельефе Ельца и является доказательством подобной версии названия города.

Назаров достаточно внимательно относился к разного рода источникам, которые давали хоть какую-то дополнительную информацию о родном крае. В 1894 году он публикует труд под названием «Записки сторожила Ивана Ивановича Исаева о городе Ельце», в котором дается множество ценных сведений не только о самом городе, но и о его жителях. Так автор детально описывает внешний облик горожан, обращая особое внимание на детали костюма, головные уборы мужчин и женщин. Много места в публикуемых материалах отводится описанию различных елецких сооружений, одни из которых сохранились, а другие к концу XIX столетия уже были разрушены. Тем не менее Назаров склонен доверять автору "Записок..." и утверждает, что "из его описаний можно легко составить и даже в настоящее время план города, существовавшего в XVI веке"[3].

Важное место в публицистике Назарова отведено описанию архивных находок. Он представлял документов XVII – начала XIX в.в., хранившиеся в Министерстве юстиции, в Управе, Духовном правлении города Ельца. В Трудах ОУАК ежегодно публиковались подобные работы Назарова, что свидетельствует об устойчивости интереса автора, его понимании значимости архивистики для изучения истории края. К наиболее инте-

ресным публикациям следует отнести выписки из документов, касающихся Елецкого Знаменского епархиального женского монастыря, землевладения Елецкого Свято – Троицкого мужского третьеклассного монастыря. Также Назаров публиковал статистические материалы, связанные с хозяйственной деятельностью, населением, строительством Ельца.

Значимым вкладом в историческое краеведение послужили публикации Назарова, связанные с царскими и церковными указами и грамотами. Одной из важнейших проблем, поднятых автором в этой связи, становится вопрос сохранения и восстановления древних храмов. С этой целью краевед публикует копии указа Орловской духовной консистории от 24 марта 1824 года о восстановлении бывшего в городе Ельце Знаменского девичьего монастыря.

Назарова не зря называли «елецким самородком», его историческая публицистика яркое тому подтверждение. Он весьма достойно представлял город в краеведческих исследованиях Орловской губернии. К сожалению, в настоящее время труды Егора Назарова практически не известны широкому кругу читателей, да и в научной сфере не нашли должного комментария и широкого применения. Между тем для нынешних исследователей края полезна была бы и сама методика комплексного анализа, систематизации исторических сведений, предпринятая в публицистике Назарова.

Примечания

1. Тропин Н.А. Общественная деятельность Елецкого краеведа Е.И. Назарова в сохранении и изучении археологических древностей // Российская государственность в лицах и судьбах её создателей IX – XXI в.в. Липецк, 2013. С.141 -145.

2. Назаров Е.И. О названии города Ельца // Труды Орловской ученой архивной комиссии. 1894 год. Вып. 1. Орел: типография С.А. Зайцевой, 1894. С. 34-36.

3. Назаров Е.И. Записки старожилы Ивана Ивановича Исаева о городе Ельце (около 1825-1830 гг.) // Труды Орловской ученой архивной комиссии 1895 года. Вып. 2. Орел: типография С.А. Зайцевой, 1895. С. 44-47.

А.А. Кравченко
Елец

ОБРАЗ ПОЭТА-САМОУЧКИ В РАННЕЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ ИВАНА БУНИНА

В статье рассматривается образ поэта-самоучки, выведенный в ранних публицистических произведениях И.А. Бунина, и комплекс проблемных аспектов с ним связанных. Контекстуальное пространство данного образа вслед за писателем определено следующими моментами: зарождение и развитие таланта, истоки мастерства, среда, питающая и вдохновляющая творчество, личность художника, ответственность человека за плоды своего труда, отношение общества к таланту. На материале

первых литературно-критических работ писателя раскрывается процесс формирования его эстетических и философских ориентиров, в которых уже прочерчены значимые для всего творчества писателя грани.

Ключевые слова: *И.А. Бунин, публицистичность, литературно-критическая статья, поэт-самоучка, Е. Назаров, Н.Успенский, Т.Шевченко.*

Формирование и становление личности, а также начало творческого пути Бунина – художника неразрывными нитями связано с отечественной периодикой. С 1887 года он начинает сотрудничать с петербургским иллюстрированным журналом «Родина», выходящим в качестве приложения к одноименной газете политики и общественной жизни. На страницах этого издания Бунин дебютировал стихотворением «Над могилой Надсона». А спустя несколько месяцев опубликовал здесь свое эпическое произведение «Два странника», имевшее подзаголовок «очерк». Во многом закономерно в контексте творческой динамики Бунина появление и первой статьи общетеоретического характера – «Наброски. Несколько слов к вопросу об искусстве».

Начавшие оформляться эстетические представления молодого автора находят отражение в его первой литературно-критической статье «Поэт-самоучка. По поводу стихотворений Е.И. Назарова», опубликованной в журнале «Родина» (июнь, 1888 г.). Незадолго до этого он прочел сборник стихов и познакомился в елецком трактире с его автором – поэтом Егором Назаровым. В статье приводятся биографические факты, почерпнутые из живой беседы, и весьма деликатно разбираются произведения поэта-самоучки, который в силу сложившихся жизненных обстоятельств обладал только «задатками истинного искусства», не имевшими возможности «вполне развиться».

Бунин призывает литературных критиков не обходить вниманием произведения таких сочинителей, и тем более не иронизировать над ними. Он отмечает в числе наиболее удачных, «очень хороших» стихотворения «Памяти Надсона», «Встреча Нового года», «Море житейское», а как доказательство «качества» художественного слова приводит полный текст последнего. Молодой рецензент совершенно убежден, что при иных обстоятельствах, необходимой поддержке и помощи со стороны интеллигенции, которая «могла бы не упускать из виду подобных личностей, вводить их в круг широких, умственных интересов, стараться развивать эстетический вкус», из Назарова «вышел бы хороший поэт» [1].

В этой связи молодой критик ставит общественно значимую проблему о необходимости «сплоченной и объединенной корпорации» «семьи литераторов» - организации литературных обществ, в рамках которых, авторы, особенно молодые, могли бы развиваться, получать помощь и под-

держку в творческом плане. Удивителен, по мнению Бунина, тот факт, что в России, где литература достигла значительной высоты, «в этом направлении сделано крайне недостаточно» [1, 290].

Кроме того в русле все чаще «раздающихся голосов» «о необходимости интеллигенции прийти на помощь народу», Бунин предлагает вполне конкретные формы такой помощи, жизненно важные для начинающих авторов, которые не принадлежат «по происхождению и материальным достаткам к интеллигентному и привилегированному классу». Он видит их в возможности «направлять на истинный путь и способствовать совершенствованию тех проблесков народной мысли, которые сами собой начинают обнаруживаться», помогать «интеллектуальному развитию наиболее талантливых людей из народа» [1, 290].

Рассмотрение вопросов художественного творчества в непосредственном соотношении с соответствующими социальными проблемами, как правило, культурного плана, добавляет публицистические ноты в текст бунинской статьи, позволяет говорить о традиции демократической и народнической критики (Белинского, Добролюбова, Писарева, Михайловского) в ней. Эта составляющая творческого подхода к рассмотрению литературных явлений будет успешно развиваться в дальнейших «нехудожественных» произведениях писателя.

Весьма характерным показателем раннего Бунина-критика и публициста является пристальное внимание к истокам творческого сознания, к жизненным фактам, обстоятельствам, сформировавшим талант. Уже в первой статье «Поэт-самоучка. По поводу стихотворений Е.И. Назарова» данный подход проявился со всей очевидностью. Произведения Е.И. Назарова становятся своего рода иллюстрацией тех жизненных испытаний, которые выпали на долю поэта-самоучки. Тональность произведений Назарова («безысходная скорбь» [1, 294]; «крайне грустный отпечаток» [1, 293]) , как утверждал молодой критик, связана с тем, что «на своем жизненном пути он почти вовсе не встречал таких людей, которые бы сочувственно отнеслись к его творческим стремлениям, – большинство, напротив, насмеялись над подобными порывами, считая их ребяческими затеями, не ведущими ни к какой цели» [1, 293]. Так постепенно молодой автор подходил к проблеме, которая и в дальнейшем будет его волновать и выливаться на страницы произведений – жизненный путь художника: соразмерность «данного» ему Богом и «отданного» им людям.

С 1889 по 1892 год Бунин – сотрудник газеты «Орловский вестник». Этот небольшой промежуток времени во всех отношениях был судьбоносным для писателя. Прежде всего, серьезные перемены происходят в его личной жизни, идет активное творческое развитие, принципиально меняется отношение с газетно-журнальным миром. К этому этапу творческого пути Бунина принадлежат его литературно-критические работы «К будущей биографии Н.В. Успенского», «Памяти Т.Г. Шевченко», в которых

развивается образ «поэта-самоучки» и весь комплекс литературных и общественных проблем, с ним связанный. Каждое из произведений имеет самостоятельное значение, вместе с тем оно может рассматриваться как часть формирующейся художественно-эстетической и нравственно-философской системы писателя.

Поводом к написанию первой статьи становится самоубийство Н.В. Успенского в октябре 1889 года. Личность и творчество «одного из первых и крупнейших народных писателей, совершенно особой, своеобразной школы, зародившейся в шестидесятых годах» [2] и прежде привлекала внимание Бунина. Кроме того, молодой автор был с ним, как любил сам выражаться, «из одних квасов»: Успенский происходил из села Шипово Тульской губернии, находившегося неподалеку от родных мест Бунина и связанного с именем Лермонтова. Статья, цель которой состояла в передаче «очень характеристических фактов ...интимной жизни», так необходимых будущему биографу писателя, была опубликована «Орловским вестником» в мае 1890 года (№125). Совершенно очевидно, что ее появление «не по горячим следам» предусматривало достаточно длительный этап подготовки.

Как становится ясно из самого текста, для сбора сведений о жизни Успенского Бунин предпринял поездку в село Лобанова Ефремовского уезда Тульской губернии, где писатель часто бывал и где проживал его «тесть и друг детства... священник А.И.У., человек очень образованный и развитой» [2, 496]. Но надежды на него как основной «источник информации» не оправдались. Автор упоминает о том, как и где ему пришлось собирать материал: его собеседниками были посетители питейных заведений, куда часто заезжал Успенский, мужики лобановского винокуренного завода, с которыми он общался, кабанчик, на которого Успенский написал заявление в полицию, другие жители села. Полученные сведения Бунин считал достоверными, ручался за их подлинность («Их каждый может проверить в том же Лобанове», [2,501]; «..не верить таким рассказам было невозможно: во-первых, – не могут же все врать, и одинаково, а во-вторых, за правдивость говорила и сама бесхитростная передача, не бившая на эффект или на «поражение» слушателя» [2, 499]. Опросы, проведенные Буниным в селе, показали, что Успенского все воспринимали как «обыкновенного бродягу-пьянчугу». Никто не верил в его «учение», потому что грамотность и образованность в сознании селян не соотносились с тем образом жизни, который вел Успенский – «шлялся нищевродом» [2, 499].

Единственным человеком, который не осуждал и не посмеивался над опустившимся писателем, был его тесть. Вероятно, в силу своего воспитания и священнического сана он видел в писателе «слишком недюженного человека, слишком глубокую натуру» [2, 496]. Вслед за своим собеседником Бунин смотрит на жизнь Успенского как «оригинальную и печально

своеобразную», «одинокую, загубленную» [2, 501]. Он не пытается объяснить те или иные поступки писателя, оправдать или осудить его поведение, он только приводит факты, которые помогли бы разгадать тайну его «ненормальной тяжелой участи» [2, 495]. Конечно, для рядового читателя эта загадка была трудно разрешимой, ведь жизнь Успенского никак не соотносились с логикой и тем более с прагматизмом. Действительно, как понять и оправдать беспечность, с которой он распорядился подаренной Тургеневым землей, существованием своей малолетней дочери, ставшей бродягой вместе с отцом, наконец, – своим выдающимся талантом. Думается, самому Бунину, который в эти годы только пробивался в большую литературу, искал знакомства в писательской среде, заявлял о себе в газетно-журнальном мире также сложно было понять выбор Н. Успенским своего жизненного пути. Двадцатилетний автор статьи, однако, обладал достаточным тактом, чтобы не разделять мнения жителей села Лобаново о писателе: «Зарезался, слава богу, как пес какой...» [2, 500], «не улыбаться вместе с другими» [2, 501], а лишь думать «горькую думу» [2, 500]. Тема «загубленного таланта» будет всплывать не однажды в разных жанрах его творчества. Есть ее отголосок и в образе Якова Савельевича (очерк «Мелкопоместные»), и в образе учителя Ромашкова (роман «Жизнь Арсеньева»). Но в статье «К будущей биографии Н.В. Успенского» эта тема звучит как-то «болезненно напряженно» для самого автора, верящего, однако, в то, что биограф писателя-народника сумеет разгадать загадку его души.

Спустя три года после смерти Н. Успенского Бунин вновь обращается к его трагической судьбе. В газете «Русская жизнь» (1892, № 333, 8 декабря) выходит его статья «Забытый человек». Гораздо позже (в записях 1927 года) Бунин отмечал: «Увлекался я в молодости и Николаем Успенским, и опять не только в силу его дарования, но в силу и личной судьбы его, во многом схожей с судьбой Левитова: страшные загадки русской души уже волновали, возбуждали мое внимание» [2, 274]. Заключительная фраза писателя многое объясняет в выборе героя его ранних статей. Но не только загадка души Успенского привлекает внимание писателя, но и отношение общества к его судьбе. Бунин с горечью констатирует, что российская печать фактически проигнорировала трагическую смерть «одного из первых русских писателей, сердечно, но беспристрастно посвятивших свой талант изображению деревенской народной жизни и вообще «мелкого», серого люда» [1, 310]. Но и спустя три года ситуация не изменилась: Успенского забыли. Между тем Бунин выделяет его как «человека с большой наблюдательностью, большим знанием деревни, сочинения которого, в ряду других произведений народнической литературы, всегда будут отмечаться в истории развития русского общества» [1, 311].

С другой стороны, совершенно очевидно, что Успенский отдал меньше, чем ему было дано его талантом. Эту печальную несообразность Бунин объясняет тем, что «Николай Васильевич принадлежит к числу рус-

ских писателей «неудачников», которые «унесли с собой в могилу тайну своей горькой участи» [1, 311]. С тем, чтобы напомнить читателям о судьбе писателя – народника, Бунин излагает факты его биографии. В этой работе представлены по сути те же сведения, к которым писатель уже обращался в статье «К будущей биографии Н.В. Успенского», но поданы они иначе – более емко. Самое значимое обобщение заключено в названии статьи, которое по сути может быть отнесено к характерным явлениям русской жизни и национальной ментальности.

Обе статьи, посвященные Успенскому, казалось бы не связаны напрямую с образом поэта-самоучки, но между ними по хронологии стоит работа «Памяти Т.Г. Шевченко» («Орловский вестник», 1891, № 56), в которой данный образ находится в апогее своего звучания. Выбор героя, конечно же, не случаен: еще в ранней юности, а особенно во время и после своего путешествия по Украине (летом 1890 г.), Бунин увлекся поэзией Шевченко, читал его произведения на языке оригинала, знал наизусть и был уверен, что великого Кобзаря переводят не всегда удачно, «много ниже подлинника» [3]. «Глубокая поэтическая грусть», «музыкальность звучания» [3, 24] стихов Шевченко восхищали молодого автора. Но вместе с творчеством его привлекала личность, «нравственный образ поэта-самоучки» [1, 301]. Вспоминая «задушевные песни и думы, полные самой простой высокой поэзии и красоты» [1, 301]. В 30-летнюю годовщину смерти Шевченко Бунин «посвящает его памяти несколько слов» и раскрывает перед читателем «грустную историю» жизни поэта.

Главный акцент автор делает на простоте образа жизни Шевченко, который привлекал людей: «все знакомые любили поэта за его искренность, задушевность и малороссийский юмор» [1, 303], его особенно любили дети, дамы подчас подшучивали над его мешковатостью, а он отвечал им доброй улыбкой и стихами-прибаутками [1, 303].

Как верно заметил А.С. Логвинов, «несмотря на узкие рамки газетной статьи, Бунин обнаружил в ней хорошее знание биографической литературы о Шевченко, которая могла быть тогда доступна ему; статья свидетельствует также о незаурядном знании автором поэзии Шевченко и о серьезном, вдумчивом к ней отношении» [1, 301]. Хотя, справедливости ради, уточним, что о поэзии Шевченко автор статьи говорит только в заключительной части и делает это, словно в подтверждение сказанного о его личности и судьбе. Бунин пишет: «Вообще то, что светило в песнях и думах Тараса Григорьевича, было сразу заметно и в его характере. Только в первых, как в выразителях его лучших поэтических минут, было больше грусти, оставленной невеселой судьбой» [1, 302]. В статье цитируется только два произведения Шевченко, но с каждым из них автор обращается к читателям, побуждает вспомнить и другие стихи великого Кобзаря. Такой прием делает тон повествования доверительным, располагает к лирическому раздумью, которым Бунин завершает свою работу. Он мысленно

возвращается на могилу Шевченко, поэтизирует простоту и величие места ее расположения: «Говорят – хорошо там: веет вольный степной ветер, далеко разлился Днепр, далеко стелятся степи, синеют «могилы», греет южное жаркое солнце, да зеленеет высокая трава» (с. 304).

Заключительные строки напрямую соотносятся с записями В.Н. Муромцевой, рассказывающими о впечатлениях писателя от его посещения Канева: «Он признавался, что ни одна могила великих людей его так не трогала, как могила Шевченко, находившаяся близ старинного города Канева, «места крови», где почивают на старинных кладбищах герои и защитники казачества. Могила находится на горе, откуда вид на Днепр, на далекие долины, на рассыпанные села, на то, что так любил украинский поэт. Могила простая, с белым крестом...» [4]. В этой простоте и величии, соединенном в одном человеке, выходе из народа, вероятно, и скрывалась та удивительная притягательность Шевченко, к которой Бунин прикоснулся еще в юности и попытался приблизить своего читателя. Именно в нем образ "поэта-самоучки" достигает того высочайшего уровня, о котором мог только мечтать первый встретившийся на пути Бунина поэт-самоучка Егор Назаров.

Рассмотрение ранних литературно-критических работ Бунина позволяет говорить о формировании системы его эстетических и философских ценностей, в которой уже прочерчены значимые для всего творчества писателя грани. Первая из них связана с тем, что начинающего автора интересуют вопросы зарождения и развития таланта, истоки мастерства. В этой связи он обращается к изучению среды, питающей и вдохновляющей творчество. Бунин внимательно всматривается в родословную писателя, изучает факты его жизненного пути и приходит к выводу о том, что истоки творчества могут быть совершенно разными, но сами по себе они не определяют способность к творчеству. Всякая сфера жизни достойна внимания художника, потому Бунин ратует за тематическое и проблемное многообразие творческих поисков. С другой стороны, среда либо содействует, либо тормозит развитие таланта, создавая препятствия на пути творческой мысли. Но даже в последнем случае талант может развиваться и укрепляться – все зависит от степени дарования (Назаров – Шевченко). Кроме того, неблагоприятная среда в конечном итоге обогащает человека сложным жизненным опытом, глубокими переживаниями, придающими произведениям искусства силу притягательной печали (Шевченко).

Еще одно пространство, исследуемое Буниным, - личность художника, ответственность человека за свой талант. Здесь фактически две противоположности: Успенский, имевший все возможности для творческого развития, но растративший свой талант на бродяжничество и питейные заведения, потерявший к концу жизни всякие приличные связи, сыскавший среди людей презрительную усмешку и прозвище Мефистофель и Шевченко, крепостной крестьянин, упорно шедший к просвещению, развивав-

ший и укреплявший свой дар к слову, рисованию, ставший выдающимся мастером, оставивший по себе добрую и светлую память.

Наконец, одной из серьезных проблем, рассматриваемых Буниным-критиком, становится вопрос отношения к талантливому человеку общества в самом разном его выражении: собратья по перу, критика, читательская и обывательская среда. Начинающий писатель столкнулся с отсутствием в современной ему критике четких критериев оценки произведений искусства, а значит наличие возможности произвольного, весьма субъективного истолкования тех или иных произведений (Фофанов). Такая критика, по мнению Бунина, не способна сформировать у читателя верное представление о ценности опубликованного, т.е. не способна воспитывать и развивать у него художественный вкус. Что касается отношения между писателями, то Бунин постоянно подчеркивает значимость таковых и для начинающих авторов, и для авторов из народа, не имевших возможности постоянного приобщения к развитой интеллектуальной среде, и для взаимного обогащения писателей разных уровней в процессе творческого и личного общения.

Примечания

1. Бунин И.А. Литературное наследство. Т.84. Кн.1. М.: Наука, 1973. С. 295.
2. Бунин И.А. Собр. соч. В 9 т. М.: Худож. литература, 1967. Т. 9. С. 495.
3. Бунин И.А. Письма 1885 - 1904 годов. М.: ИМЛИ РАН, 2003. Т.1. С.23.
4. Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М.: Советский писатель, 1989. С.110.

М.В. Климова, Т.В. Голубчик
Елец

О СЕМАНТИКЕ ЕЛЕЦКОЙ ТОПОНИМИКИ (НА ПРИМЕРЕ ГОДОНИМИИ ГОРОДА)

В статье рассматриваются особенности топонимики города на примере линейных объектов города (улиц). Авторы приходят к выводу, что елецкая топонимика является неотъемлемой частью общерусской топонимической системы, представляющей собой один из значительных пластов лексики русского языка, который является ценным источником познания языка и культуры народа.

Ключевые слова: *Елец, топонимика, годоним, язык, лексика.*

Топонимика является одним из основных и самых разработанных разделов ономастики. Она исследует географические названия (топонимы), их функционирование, семантику и этимологию, структуру и изменение во времени. Топонимика занимается всеми вопросами, связанными с возникновением, изменением, нынешним состоянием географических названий. В понятие топонимики входит смысловое значение названия, изучение его языковой принадлежности, изменение названия при переходе из одного языка в другой, определение функции названия и содержащейся в нем информации, сбор названий и их систематизация. Поэтому развитие топонимики, топонимические исследования немыслимы без привлечения языковых, исторических и географических знаний. Внутри топонимики выделяют виды, которые также имеют свою классификацию. Так, урбаноним как один из видов топонимов делится на агоронимы, годонимы, хоронимы и др.

В данной работе рассматриваются годонимы одного из старейших городов России – города Ельца. Годоним (от греч. «путь, дорога, улица» + оним) означает название линейного объекта в городе, в том числе улицы, проспекта, переулка и т.д.

В настоящее время годонимия города Ельца содержит 370 онимов. Из них 41% составляет отонимные образования и остальная часть – отапеллятивные. Трансонимизации подверглись в основном антропонимы (100 единиц), а также топонимы (50 улиц).

Каждая эпоха приносила с собой переосмысление унаследованных имен в соответствии с духом и социальным кодом времени. В топонимии появляются символические именованья, данные в честь идей, исторических событий, а также в честь деятелей современности, безотносительно к конкретным объектам. В годонимии Ельца особое место занимают:

- имена революционеров и советских деятелей (*ул. Карла Маркса, ул. Ленина и пл. Ленина, пер. Клары Цеткин, пер. Свердлова и ул. Свердлова, пл. Вермишева, ул. Калинина, ул. Крупской, ул. Орджоникидзе, ул. Фрунзе и др.*);
- имена русских писателей и деятелей культуры (*пер. Грибоедова, ул. Белинского, ул. Булгакова, ул. Бунина, пер. Пришвина, пер. Тихона Хренникова, пер. Тургенева, ул. Пушкина, ул. Крылова, ул. Ломоносова, ул. Лермонтова, ул. Пришвина, ул. Чехова и др.*);
- имена героев, заслуженных людей России и Советского Союза (*пер. Александра Матросова, ул. Барковского, ул. Гагарина, ул. Жукова, ул. Зои Космодемьянской, ул. Нади Гусевой, ул. Огнева, ул. Тимирязева и др.*).

В годонимии достаточно распространенными являются аффиксальные образования от топонимов, например, в Ельце 50 таких онимов: ул.

Новолипецкая, Московское шоссе, ул. Брянская, пер. Томский, ул. Волгоградская, ул. Данковская, ул. Воронежская, ул. Елецкая, ул. Задонская, ул. Ленинградская, ул. Липецкая, ул. Ростовская, ул. Тамбовская и др.

Большая часть отапеллятивных годонимов принадлежит номинациям, обозначающим местонахождение объекта на данной улице или вблизи чего-л. (81 улица, 37%): *Железнодорожный поселок, пер. Береговой, пер. Дачный, пос. Известкового завода, ул. 1-ая Речная, ул. 2-ая Речная, ул. 2-ая Станционная, пер. Заовражный, пер. Парковый, пер. Школьный, ул. Вокзальная, ул. Заовражная и др.*

Немногочисленны наименования улиц Ельца, указывающие на:

- стороны света (*ул. Западная, ул. Северная, ул. Южная, ул. Восточная*);
- ключевые понятия советского периода (*ул. Коммунаров, пл. Революции, пер. Интернациональный и ул. Интернациональная, ул. Пионеров, ул. Комсомольская, ул. Профинтерна и др.*);
- профессии (*ул. Энергетиков, пос. Электрик, ул. Кузнецкая, ул. Учительская, пос. Строитель и др.*);
- юбилейные даты и события российской истории и истории г. Ельца, а также на государственные праздники (*ул. 40 лет Победы, ул. 50 лет Победы, ул. Куликовская, ул. 9-го Декабря, ул. Спутников, пер. 8-го Марта, пер. Первомайский, ул. Первомайская и др.*);
- качественную характеристику объекта (*ул. Новая, пер. Тупиковый, ул. Зеленая, ул. Новоселов, пер. Узкий, ул. Товарная и др.*);
- абстрактные понятия, относящиеся к основному лексическому фонду русского языка (*ул. Юности, ул. Дружбы, ул. Свободы, ул. Солнечная и др.*).

Незначительное количество именовании имеет затемненную мотивацию: *пер. Балочный, ул. Моздовская, пер. 1-ый Ламской, пер. 2-ой Ламской, пер. 3-ий Ламской, пер. 4-ый Ламской, ул. Пронская.*

Годонимы, как и другие имена собственные (ИС), обладают смысловой структурой, состоящей из денотативного и сигнификативного компонентов. Единичность функции как характерная черта денотативного аспекта семантики ИС свойственна и годонимам. В акте номинации любой объект может быть назван любым годонимом. Когда же название закреплено за объектом, то становится очевидной его функция - функция единичного обозначения объекта. Здесь равная «приложимость» ИС к любому объекту исчезает: улица может быть или *Пушкина*, или *Чехова*.

Своеобразна у годонимов специфика сигнификативного компонента. Для данного разряда онимов понятийное содержание оказывается нужным и даже запрограммированным в названии, выполняющем информационную, мемориальную функцию. Здесь внутренняя форма является обяза-

тельным компонентом семантической структуры ИС, подчиняется традиционной либо даже специально разработанной регламентации и в соответствии с развитием общества регулярно обновляется путем переименований. В частности, почти все ИС данного разряда, оставшиеся со времен царской России, после революции были заменены новыми названиями, соответствующими советской эпохе, а в постсоветское время во многих городах возвращаются исконные наименования улиц, площадей, скверов. В процессе номинации в сигнификативное значение годонимов переносится определенный объем содержательного значения соответствующего производящего. Так, Пушкин для нас «великий русский поэт, основоположник русского литературного языка». Этот сигнификат фамильного имени Пушкин входит в сигнификат производного годонима. В структуре отонимных годонимов обнаруживаются как бы два денотата – обозначаемый объект и другое лицо, признаки которого переносятся. Однако объем интеллектуальной информации у разных имен неодинаков и качественно различен.

В антропонимии выделяются целые классы имен, для которых весьма характерна оценочность. Например, *Колюня*, *Машка*, прозвища. В топонимии же экспрессивно-оценочные наименования встречаются реже. Оценочность топонима достигается в основном теми же средствами, которые используются для создания экспрессивности и в апеллятивной лексике. Выделяется разговорная группа годонимов Ельца, эмоциональная окрашенность которых достигнута словообразовательными средствами, в частности, при помощи суффикса –к-(а). Однако данный суффикс используется для именования населенных пунктов (сел, деревень), а не его частей (улиц). Ср. офиц. *Рублевское шоссе* – разг. *Рублевка*, офиц. *Каширское шоссе* – разг. *Каширка*, но офиц. село *Каширка*. Представляется целесообразным названиям улиц придать принятую, нейтральную форму с точки зрения стилистики: ул. *Воробьевка* – *Воробьевская*, ул. *Морозовка* – *Морозовская*, ул. *Плотинка* – *Плотинная*, ул. *Цельковка* – *Цельковская*. Встречаются в названиях диалектные единицы, находящиеся за рамками литературного языка, например: ул. *Одноличка*.

В настоящей работе анализировались официальные ономастические единицы. Многие улицы и площади все еще сохраняют наименования советской эпохи, носят имена сиюминутных лидеров и даже деятелей культуры, тогда как современная общественно-историческая оценка отдельных личностей имеет негативный характер. Однако отрадно констатировать тот факт, что в Ельце, в центральной его части, наряду с официальными названиями улиц, есть указатели, исторически сложившихся номинаций старинного города. Например: ул. *Манежная* - ул. *Ленина*, ул. *Дворянская* - ул. *Комсомольская*, ул. *Мясницкая* - ул. *Лермонтова*, ул. *Архангельская* – ул. *Свердлова*, ул. *Успенская* – ул. *Советская* и др. Возможно, в ближайшее время исторические топонимы получат статус официальный именований частей города.

Таким образом, географическое название, как правило, не бывает случайным, оно всегда обусловлено исторически, продиктовано уровнем социально-экономического, социально-политического и культурного развития. Елецкая топонимика является неотъемлемой частью общерусской топонимической системы, представляющей собой один из значительных пластов лексики русского языка, который является ценным источником познания языка и культуры народа.

О.К. Крамарь
Елец

ЕЛЕЦ, ЕЛЬЦУ, ЕЛЬЦА, ЕЛЬЦОМ... (ОБРАЗ ГОРОДА В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ)

Предметом рассмотрения в статье являются литературные проекции древнего провинциального города, зафиксированные в произведениях современных российских авторов. Устойчивые представления исторического и бытового характера трактуются как «порождающая матрица» литературного образа.

Ключевые слова: *современная отечественная литература, Елец, литературная проекция города, топографическая эмблематика, провинциальный хронотоп.*

Данные, полученные путем несистематической выборки из произведений современной российской словесности, несмотря на их вынужденную неполноту, способны создать представление о тех рецептивных плоскостях, в которых расположены литературные проекции рассматриваемого локуса.

Одна из концептуально значимых ипостасей города традиционно определяется тем, что Елец вошел в культурное сознание современного человека как город воинской славы, город-герой. Именно в таком качестве он появляется на страницах «семейной саги» (так критики называют произведение) «Яд и мед», принадлежащей перу лауреата премии «Большая книга» Юрия Буйды [1]. Действие в произведении происходит в элитном дачном поселке Жукова Гора, где в середине 30-х годов XX века поселился генерал Осорьин, принадлежащий к старинному княжескому роду. Под героическую историю нескольких поколений Осорьиных, во все времена свято хранивших представления о воинском долге и бесконечно преданных идее служения Отечеству, «подверстывается» героическая история Руси-России, включающая такой ее эпизод, как нашествие Тамерлана. При этом отсылка к истории страны осуществляется в повести Ю.Буйды не прямо, а косвенно, через описание хранящихся в доме произведений каби-

нетной бронзовой скульптуры, создателем которой является Е.А. Лансере, отец знаменитого художника Е.Е. Лансере: «В углу приемной на низком столике были расставлены бронзовые фигурки скачущих всадников – из-за них эта комнатка называлась в обиходе Конюшней. Фигурок было двенадцать. Это были легендарные всадники Осорьиных. По преданию, сыновья князя Никиты Осорьина поссорились из-за наследства, развязали войну и погибли в братской междоусобице. После этого старый князь с двенадцатью верными дружинниками удалился в лесной скит, где и умер от горя. Земли его отошли великому князю Московскому, а об Осорьине скоро забыли. Однако спустя несколько лет, когда на Куликовом поле сошлись русские и татарские войска, осорьинские всадники вдруг появились в гуще битвы. Двенадцать исполинских всадников в черных одеждах, расшитых белыми крестами, бились с татарами яростно и бесстрашно, а когда Дмитрия Донского сбили с коня, образовали вокруг великого князя живое кольцо, защищая его от врагов. Когда же битва закончилась, всадники исчезли, и отыскать их так и не смогли. Эти же всадники в 1395 году спасли Россию от нашествия Тамерлана. После разорения Рязани Тамерлан с огромным войском двинулся на беззащитную Москву, но 26 августа неподалеку от Ельца увидел перед собой двенадцать всадников в черном, которые, как говорит предание, «со свирепым спокойствием» ждали приближения врага. Тамерлан “устрашился и приказал повернуть назад”» [2].

В контексте интересующей нас проблемы безусловно интересным кажется факт подмены широко распространенной легенды о чудесном спасении Ельца [3] авторской версией о загадочных двенадцати всадниках.

В приведенном текстовом фрагменте Елец выступает как носитель целого ряда устойчивых характеристик: «древний город», «легендарный город», «мистический город», «страж Руси», город, навечно вписанный в перечень городов, овеянных воинской славой, начиная с незапамятных времен и заканчивая Великой Отечественной войной: «Всадников Осорьина видели и на берегах Угры, где осенью 1480 года пало трехсотлетнее татарское иго, а в октябре 1552 года осорьинская черная дюжина первой ворвалась в осажденную Казань через Арские ворота, увлекая за собой русские полки. Если верить легенде, эти черные всадники появлялись на полях сражений в критическую минуту, когда судьба России висела на волоске, и воодушевляли русских своим примером. Их видели под Полтавой летом 1709 года и на Бородинском поле в 1812-м, а в последний раз они явились русским войскам поздней осенью 1941 года, когда немцы подошли к Москве так близко, что могли в бинокли разглядеть звезды на кремлевских башнях...».

И, что опять-таки важно в контексте интересующей нас проблемы, Елец воспринимается как город, стимулирующий современных писателей на создание новых легенд о его славном историческом прошлом.

Известно, что в системе укоренившихся в сознании читателей представлений о Ельце особое место занимает представление о нем как об одном из центров российского Православия. Эта актуальная во все времена грань восприятия древнего города воплотилась в книге Александра Архангельского «1962. Послание к Тимофею» [4]. Текст, о котором идет речь, – это автобиографическое произведение; история жизни человека здесь рассматривается в широчайшем историческом контексте. Принципиальная установка писателя такова: без маленького человека нет большой истории. А.Архангельскому удалось найти чрезвычайно интересную жанровую форму: его книга – это «отчет о прожитой части жизни», воспроизведенный «с ненужными подробностями, излишними деталями, случайными полусмазанными кадрами, как в семейном альбоме». Ход повествования определяется замыслом «порезать жизнь на квадраты и прямоугольники, подвергнуть ее раскадровке, в матовом красном свете проявить изображение, рассовать словесные фотографии по прорезям, от предков к потомкам, от нас к нашим детям, от детей к внукам, и так без конца».

В одном из сюжетных эпизодов книги родившемуся в постперестроечном 1987 году адресату «Послания» в ходе рассказа о «потерявшихся в нетях» членах семьи вместо фотографии «сурового елецкого прапрадеда» предлагается взглянуть на фотографию важнейшего визуального символа Ельца. Это Вознесенский собор, где протоиерей Виктор Архангельский «отслужил нелегкое тридцатилетие»: «...Что ждало его на излете жизни – тихая кончина в собственной постели? коммунистический погром? арест? Не знаю. <...> Все в нетях, всех сорвало с семейного древа, унесло в неизвестность» [5].

Еще одна из репрезентирующих Елец рецептивных установок связана с именем и творчеством И.А. Бунина. Наличие такого персонологического измерения небольшого провинциального города стало творческим импульсом для московского писателя, эссеиста и кинодраматурга Кима Бакши, в 2003 году опубликовавшего в двенадцатом номере журнала «Знамя» рассказ «Под синевой небес» [6]. При весьма относительной художественной ценности рассказа «Под синевой небес» он интересен тем, что практически в лабораторном варианте фиксирует механизмы взаимодействия «первичного» текста, каковым является творчество И.А. Бунина, с «вторичным», производным от него, текстом современного писателя.

Тема произведения – *бунинский* Елец – заявлена в первых же его строках. Подобная тематическая установка автоматически обусловила композиционный рисунок рассказа, построенного на сопоставлении «столь волшебного некогда» города, увиденного глазами Бунина, и современного Ельца, увиденного глазами писателя Кима Бакши. Указанное сопоставление осуществляется в рассказе в таких категориальных единицах, как пространство, звук, цвет, свет.

Осуществляемая писателем ориентация на топографическую эмблему бунинского текста избавляет его от необходимости заботиться о сюжетной занимательности произведения, о способах усиления его сюжетной динамики. Динамичность описания в рассказе Кима Бакши создается последовательной сменой пространственных точек (Орловская улица, острог, кладбище, выгон), однозначно и предельно конкретно отсылающих читателя к таким хрестоматийно известным бунинским произведениям, как «Легкое дыхание» и «Жизнь Арсеньева». Основным принципом организации художественного материала становится сопоставление реального с литературным, отражаемого с отраженным, «тогдашнего» с «теперешним», сопровождаемое развернутой системой авторских размышлений, имеющих ярко выраженный публицистический характер. Указанные размышления закономерно подводят читателя к выводу о том, что сегодняшняя Елец, несмотря на связанную с Буниным мировую известность, — это заштатный провинциальный город, ведущий свое неспешное «окраинное житье».

Установка на восприятие Ельца как города, репрезентирующего российскую провинциальную глушь, с очевидной наглядностью воплощена в стихотворении Татьяны Щербины «Жизнь без тебя» (1996) [7].

Жизнь без тебя заброшенна, убога,
недорога и просто недотрога,
кошмарносонна, как ларёк в Ельце,
продрогнута в холодном пальтеце,
бесчувственна, безапелляционна,
и страшный суд, вершимый каждый миг, —
лишь скучная мичуринская зона,
где степь да степь да друг степей калмык.
К чему ни прививайся, к розе или
к советскому дичку,
я всё как лошадь, загнанная в мыле
под стать качку,
который бицепс воли накачает
и терпит вновь
жизнь без тебя, в раздоре и печали,
моя любовь [8].

Появление интересующего нас топонима в указанном контексте, скорее всего, вызвано поисками созвучия к находящемуся в рифменной позиции слову «пальтеце» [9], однако его дальнейшее коннотирование кажется весьма симптоматичным. Вряд ли елецкий ларек радикально отличается от ларьков в других провинциальных и даже непроvincиальных городах (хотя, возможно, таким нестандартным образом автор стихотворе-

ния актуализирует представление о Ельце как о торговом, купеческом городе), но в данном случае его местоположение обозначено предельно конкретно, он – «елецкий», и это значит, что в контексте стихотворения указанная торговая точка становится метонимическим заместителем города, живущего, как кажется автору, невыносимо скучной, бессобытийной, сонной (кошмарносонной!) жизнью [10]. Включенное в многочленную последовательность негативных характеристик («заброшенна», «убога», «недорога») определение «кошмарносонна» отмечено очевидной семантической многослойностью. Оно может восприниматься и как гиперболизированное сгущение признака «сонности», и как ассоциативная отсылка к кошмарам, приобретающими свою ужасающую конкретику и особую эмоциональную остроту именно во сне. Таким образом, пребывание лирической героини в разлуке с любимым человеком воспринимается ею как полная и абсолютная выброшенность из жизни, соотносимая по своим масштабам только с пребыванием в забытой Богом российской провинции, главными показателями которой являются удаленность от всех достижений цивилизации и вызванная этой удаленностью проблематичность человеческого существования.

Представления о расстояниях, отделяющих (отдаляющих) Елец от столицы, но уже без свойственного предыдущему произведению экзистенциального отчаяния, развиваются и в водевиле Надежды Птушкиной «Пока она умирала» [11], известном по экранизации «Приходи на меня посмотреть» (2000). Герои этого «новогоднего» произведения силой обстоятельств вынуждены принимать участие в «маленьком любительском спектакле». Желая успокоить мать (Софья Ивановна), горящую о том, что она умрет, не увидев свою дочь счастливой, героиня (Татьяна) просит случайно оказавшегося в квартире незнакомого человека (Игорь) выступить в роли не только давнишнего поклонника, но и нынешнего реального претендента на ее руку и сердце. По ходу развития водевильного сюжета мать героини начинает тосковать об отсутствии внуков, и тогда дочери, «классической старой деве», приходится срочно «сочинить» внуку, приобщив к этому действу разбитную продавщицу расположенного по соседству овощного магазина (Дина). При этом отведенная герою роль жениха осложняется неожиданно присвоенным ему статусом отца счастливо обретенной взрослой дочери. В этом контексте происходит эмоциональный обмен репликами, в которых содержится упоминание о Ельце:

ИГОРЬ. У меня нет детей. И никогда не было! Ни дочек, ни сыночков.

СОФЬЯ. Моя Таня не умеет врать. Уж вам-то это должно быть известно.

ИГОРЬ. Да, я обратил внимание на это. *(Дине)* Сколько вам лет?

ДИНА. Не надо об этом, папа! *(всхлипывает)*

ИГОРЬ. *(орёт)* Сколько лет?!

СОФЬЯ. Не кричите на ребёнка! Сколько тебе лет, деточка? Ответь папе. Не бойся.

ДИНА. Сорок. Ну и что?

ИГОРЬ. Ничего! Просто я тут не при чём. Сорок лет назад я служил в армии, под Воркутой. Это очень далеко отсюда.

СОФЬЯ. А ты, Танечка, сорок лет назад...

ТАНЯ. Работала в Ельце. По распределению. После библиотечного института.

СОФЬЯ. (*Игорю*) В Ельце были?

ИГОРЬ. Никогда.

ТАНЯ. Я из Ельца ездила в Воркуту.

СОФЬЯ. Ты? Из Ельца в Воркуту? Зачем?

ТАНЯ. На экскурсию [12].

В том же семантическом ракурсе (провинциальная удаленность и провинциальная заброшенность) город Елец упоминается в шуточной сказке Леонида Филатова «Про Федота-стрельца, удалого молодца», опубликованной в журнале «Юность» в 1986 году:

Пощади меня, стрелец!
Я – мерзавец, я – подлец!
Я сошлю себя в Воронеж,
Я сошлю себя в Елец!
Только не на Магадан,
Энто мне не по годам:
Я пока туды доеду, –
Опасаясь, дуба дам! [13]

В данном случае с еще большей наглядностью, чем в анализируемом ранее стихотворном тексте Т.Щербины, срабатывает фактор рифменного ожидания, заставляющий вспомнить о знаменитых пушкинских строках из «Домика в Коломне»: «Две (рифмы – *О.К.*) придут сами, третью приведут». «Приведенный» рифмующимися лексемами *стрелец* и *подлец* топоним *Елец* становится в произведении Филатова обозначением места, хотя и удаленного от столиц, но вполне комфортного для проживания и совсем не опасного для человеческого существования.

Это уточнение кажется необходимым потому, что в романе (сам писатель называет свое произведение «романом в рассказах» или «довлатовской сборкой фрагментов») современного Санкт-Петербургского писателя Андрея Аствацатурова «Скунскамера» [14] Елец косвенно характеризуется как город, не только затерявшийся где-то на бесконечных просторах России, но и потенциально опасный для пришельцев из «другого» мира:

«В квартире издателя Александра Ванина однажды рано утром раздался телефонный звонок.

– Саша, привет, – восторженно закричали в трубку, и Ванин узнал голос своего немецкого приятеля Тома, известного литературного агента. Том говорил по-русски довольно сносно, хотя и с сильным акцентом, лю-

бил Россию, русских девушек и вообще был человеком восторженным и увлекающимся.

– Да, Том, да дорогой... дико рад тебя слышать, – морщась, произнес Ванин. На часах было восемь утра.

– Саша, понимаешь, я вчера решил поехать в город Магнитогорск!

– В Магнитогорск? – без всякого интереса уточнил Ванин. Чтобы не будить жену, он уже успел перебраться в кухню, где лежали сигареты. – Том! Магнитогорск – это дико интересно! Конечно, поезжай. Только скажи, пожалуйста, а почему именно в Магнитогорск? Почему не в город Елец, например, или в город Каменск-Уральский?

– Ты понимаешь, – стал поспешно объяснять Том. – Я вчера открываю атлас России, и мне попадает на глаза слово «Магнитогорск». И я чувствую, оно меня магнитом тянет.

Ванин зевнул.

– Саша! Только я хочу знать... Даже спрашивать неудобно.

– Не стесняйся, Том, спрашивай! Как у тебя вообще дела? Как там наши книги?

– Дела хорошо. Там очень страшно?

– Не знаю. Нет вроде...

– Саша! Там могут убить?

Ванин на секунду задумался.

– Знаешь, Том, – сказал он. – Россия – это тебе не твоя Германия. И не Швейцария, куда ты с женой отдыхать едешь. Это реальный <...>. Тут полно всяких <...>, и убить, в принципе, могут в любую минуту.

– А в Магнитогорске?

– А в Магнитогорске, – продолжал Ванин, – дела обстоят так же, как и везде в России... Только твои шансы быть убитым, наверное, немного возрастут» [15].

Включение Ельца в перечень городов, заведомо неравнозначных по своему географическому, экономическому, социальному, культурному статусам, означает, что для героя цитируемого фрагмента не существует какой-либо принципиальной разницы между провинциальными городами, расположенными далеко от столичных центров. Именно они ассоциируются в его сознании с настоящей, глухой, заповедной Россией, в которой людям, не знающим «волшебного слова» [16] угрожает смертельная опасность.

Рассмотренные примеры дают основание говорить о том, что образ Ельца складывается из целого ряда устойчивых представлений как исторического, так и сугубо бытового характера. Эти устойчивые представления становятся тем, что один из авторитетнейших исследователей городского текста В.В. Абашев чрезвычайно удачно назвал «порождающей матрицей» литературного образа.

Примечания

1. Повесть Ю.Буйды была опубликована в четвертом номере журнала «Знамя» за 2013 год.
2. magazines.russ.ru/znamia/2013/4/b4.html
3. Имеющая духовно-религиозное происхождение легенда объясняет чудесное спасение Ельца заступничеством Владимирской иконы Божией Матери, которая считается покровительницей Москвы.
4. Книга А.Архангельского написана в 2007 году, опубликована в 2008 году.
5. e-libra.ru/read/325545-1962-poslanie-k-timofeyu.html
6. Название этого рассказа позже было вынесено на обложку книги повестей и рассказов автора. См.: Бакши К. Под синевой небес: Повести и рассказы. М.: Голос-Пресс, 2007.
7. Редуцированное название этого стихотворения было распространено на книгу Т.Щербины «Жизнь без», вышедшую в 1997 году в московском издательстве «Золотой век». См.: Щербина Т. Жизнь без. М.: Золотой век, 1997.
8. www.vavilon.ru/texts/shcherbina1.html#41
9. Впрочем, не исключено, что автор стихотворения, настроенный на интертекстуальную игру с источниками (Пушкин, Ходасевич, Есенин), неожиданной заменой стимулирует читательское воспоминание о строках из стихотворения Б. Пастернака «Свидание»: «И прядью белокурой / Озарены: лицо, / Косынка и фигура / И это пальтецо».
10. Ср. бахтинское описание хронотопа провинциального города: «Здесь нет событий, а есть только повторяющиеся “бывания”. Время лишено здесь поступательного исторического хода, оно движется по узким кругам: круг дня, круг недели, месяца, круг всей жизни. День никогда не день, год не год, жизнь не жизнь» (Бахтин М.М. «Формы времени и хронотопа в романе»).
11. Пьеса Н.Птушкиной «Пока она умирала» появилась на театральной сцене в 1998 году.
12. ptushkina.com/piece/poka.htm
13. e-libra.ru/read/226728-pro-fedota-strelca-udalogo-molodca.html
14. Роман в рассказах А.Аствацатурова «Скунскамера» был опубликован издательством «Ad Marginem Press» в 2010 году.
15. e-libra.ru/read/246007-skunskamera.html
16. Так в главе «Волшебное слово», содержащей цитируемый фрагмент, именуется русская неузуальная лексика.

В.Ю. Лебедева
Елец

ОБ ОДНОЙ ОППОЗИЦИИ У И. БУНИНА И В. НАБОКОВА

В статье рассматривается противопоставление двух знаковых в культуре зооморфных образов в рассказах «Красавица» и «Натали». Особое внимание уделяется мифопоэтическому аспекту.

Ключевые слова: зооморфный образ, мифопоэтика, Танатос, хронотоп.

Рассказы «Красавица» (1934) В. Набокова и «Натали» (1941) И. Бунина роднит определенное фабульное сходство. Обе героини в конце повествования обретают мужей (у Бунина – «тайного» после умершего законного), но вскоре умирают при родах. Оба автора сообщают о танатологической ситуации почти одинаково – предельно лаконично и безэмоционально, усиливая эффект «от обратного». Несмотря на различие фигур повествователей и несходство ряда коллизий, произведения также роднит мотив обреченности.

В аспекте обреченности важную роль в обоих текстах как на сюжетном (функция предуведомления), так и на идейно-тематическом уровнях играют зооморфные образы. Основные из них образуют антагонистичные пары и связаны с одной из фундаментальных стихий мироздания – воздухом.

Эта стихия, как и стихия огня, традиционно считается мужской. Вот эпизод из «Натали»: «Когда повернул назад, навстречу тянуло то теплым, то почти горячим ветром и уже светил в небе молодой месяц, не суливший ничего доброго: блестела одна половина его, но как прозрачная паутина видна была и другая, а все вместе напоминало желудь» [1]. В мифологемах, содержащихся здесь, «зашифрована» суть коллизии: два ветра – это возвышенная и плотская влюбленности Виталия; две половины месяца отсылают к Натали и Соне (лунарный образ олицетворяет женский мир).

Надо отметить, что бунинский рассказ чрезвычайно насыщен «летучими» мифологемами, находящимися в непростых отношениях между собой. Среди прочего, там прослеживается явственная оппозиция, которая встречается и в набоковском тексте: «птицы / мухи».

В «Натали» их противостояние обуславливает топос – и сам обуславливается ими. Речь идет о пространственной оппозиции «дом / сад». Традиционно такое противопоставление осуществляется в пользу первого как более защищенного и оберегающего места. Однако в рассказе подчеркивается, что и Мещерский, и Натали в усадьбе – гости, а хозяйкой выступает Соня. Один из рассматриваемых зооморфных образов появляется в эпизоде, где говорится о ее временном недомогании: «Я страдал, скучал, - как нарочно, дня три шел дождь, мерно бежал, стучал тысячами лапок по крыше, в доме было сумрачно, на потолке и на лампе в столовой спали мухи» [1]. Данное насекомое имеет прочные ассоциации с нечистотой, назойливостью, болезнью. «Мушиная» мифологема актуализирует проблему малого, ничтожного, наносящего урон большому и значительному, а также выступает персонификацией сил хтонического мира.

Говоря об образе мухи, невозможно обойти вниманием хронотоп рассказа. Оппозиция возвышенной любви/плотской страсти усиливается оппозициями дня/ночи и сада/дома. Значимость пространства усадьбы в дискурсе Бунина отмечалась многими исследователями, а в данном тексте,

как уже говорилось, примечательно противостояние интерьера и экстерьера. Сад, где происходят самые важные разговоры героя с Натали, предстает относительно свободным и насыщенным природной гармонией местом, а дом – ловушкой, паутиной (см. вышеприведенный отрывок), смертельной зоной, точкой, с которой пошел обратный отсчет.

Однако витальность сада, являющегося наравне с домом частью пространства усадьбы, относительна, на что, опять же, указывает хронотоп – «темные аллеи». В нем поют птицы – в разговоре с Натали Мещерский называет иволгу и дятла, – однако в другом месте упоминается крик грачей: как и другие небезызвестные представители семейства вороновых, они считаются предвестниками бед. Таким образом, сад, отмеченный в тексте различными птичьими образами, в отличие от дома можно считать не до конца замкнутым пространством, местом промежуточным, сквозным.

Аналогичную хронотопическую оппозицию, подкрепленную зооморфными образами, наблюдаем в рассказе «Красавица». Однако если в «Натали» Эрос и Танатос тесно переплетены и одновременно борются между собой, в набоковском тексте реализуется дискурс увядания. Коллизия «Красавицы» не любовного характера – в рассказе представлен ключевой для набоковского дискурса конфликт «личность / социум», а также проблема пошлости, связанная у него с темой метафизической смерти.

Означенная оппозиция возникает при описании «веселой дачки» (В. Набоков), пространства, где произошло маложеланное сватовство главной героини (русской красавицы, угасающей на чужбине), определившее ее окончательный слом. Вот этот эпизод: «В яркий августовский день приехала Ольга Алексеевна, была мгновенно переодета в верочкино платье, перечесана, перекрашена, – она лениво ругалась, но уступала, – и как празднично стреляли половицы в веселой дачке, как вспыхивали в зеленом плодовом саду висячие зеркальца для острастки птиц!» [3]. В отличие от сада в «Натали», населенного разными птицами, в «Красавице» они не туда не допускаются. Напрашивается вывод, что образ птицы, лишенной возможности попасть в метафизически пагубное пространство «дачки», витален и отсылает к связи с высшим началом, возрождению, свободе, творчеству, выступает персонификацией души. Птиц не пускают в сад зеркала, реализующие в тексте такие мифологические смыслы, как пограничный рубеж и зазеркалье, искаженная псевдореальность.

В «Красавице», как уже говорилось, также явлена рассматриваемая зоооппозиция. Мухи возникают в эпизоде ночлега Ольги на «дачке» после малоприятного знакомства с немецким женихом: «Среди ночи перебив сонмище сонных мух в низкой комнате и так накурившись, что уже не могла затягиваться, Ольга Алексеевна, в раздражении, в тоске, ненавидя себя и всех, вышла в сад» [3]. В «Красавице», в отличие от бунинского рассказа, аксиологический подтекст выражен сильнее – благодаря лексеме «сонмище». К слову, в саду, лишенном птиц, и, стало быть, являющимся

не только продолжением дома, но и таким же, как он, герметичным пространством, она полноценного утешения и сил, конечно, не обретает.

Говоря о приведенной зоологической оппозиции в целом, стоит добавить, что она нашла выражение в христианской культуре, где мухе противопоставляется щегол (садовая птица), символизирующий духовность и исцеление.

Можно заключить, что противопоставление столь знаковых в мировой культуре «летучих» мифологем несет в обоих рассказах схожую функцию. И «Натали», и «Красавица» пропитаны мрачными предзнаменованиями, но бунинский взгляд предсказуемо менее рационален, и фатальность происходящего в его тексте словно бы лишена обусловленности (хотя на подтексте угадывается роковая роль темного Эроса – похоти). По словам О. Михайлова, «позднему Бунину близость любви и смерти, их сопряженность представлялась частным проявлением общей катастрофичности бытия, непрочности самого существования» [2, 263]. Набоков же делает акцент на личной ответственности человека за свой выбор и свое развитие – и не-развитие.

Примечания

1. Бунин И.А. Натали [Электронный ресурс] / И. Бунин. – Режим доступа: <http://bunin.niv.ru/bunin/rasskaz/temnye-allei/natali.htm> (дата обращения: 28.10.2016).

2. Михайлов О.Н. И.А. Бунин: Жизнь и творчество / О. Михайлов. – Тула: Приокское книжное издательство, 1987. – 317 с.

3. Набоков В.В. Красавица [Электронный ресурс] / В. Набоков. – Режим доступа: <http://nabokov.niv.ru/nabokov/rasskaz/krasavica.htm> (дата обращения: 28.10.2016).

С.В. Логвиненко
Елец

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА СЛАВЯНСКОГО НАРОДА В РАННИХ ОЧЕРКАХ М.М. ПРИШВИНА

В статье рассматриваются духовная культура славянского народа отраженная в ранних очерках М. Пришвина. Русский Север представляет собой онтологическую модель древней Руси с ее исконными традициями, нравами и культурой, обращенной к правременам прароссианства.

Ключевые слова: М.М. Пришвин, культура, русский народ, православие, язычество.

Писатель, этнограф, путешественник, Михаил Пришвин в своих ранних очерках («В краю непуганых птиц» 1907 г., «За волшебным колобком»

1908 г.) открывает читателю неведомый мир русского севера, мир, где великая духовная культура русского народа, впитавшая в себя христианские основы, сочетает их с верованиями наших прадедов, древнейшими мифолого-языческими представлениями. В Выговском крае мы встречаем леших, наводящих ужас на заблудившихся, картёжника-водяного, который может проиграть или выиграть всю рыбу из принадлежащего ему озера, а «рыбным» и «скотским» колдунам, в свою очередь, вполне по силам «отведать» происки нечистой силы ради спасения людей или скота. Однако в этом «язычески-мифическом мире жива напряжённая религиозная мысль. Не ослабевали духовные подвиги великих старцев-проповедников, в чьи глубоко запрятанные избушки забредают полесники, всю жизнь имевшие дело только с лешими, колдунами и медведями» [Борисова 2004: 155]. Именно здесь, в Выговском крае, как считает Пришвин, эта органичность параллельного сосуществования христианского православия и язычества в его тесном соприкосновении сохранилась в первозданном виде.

Мир народной демонологии вполне реален: это и лесовики, и водяные, и домовые, и лешие, которые воспринимаются как нечто естественное и неотъемлемое в сознании коренного населения Севера. Но, несмотря на языческую основу этих представлений, народ находит им библейское объяснение: «Когда один из ангелов восстал на Бога, а с ним и многие другие ангелы, то Бог прогнал их с неба. Стеснённые на краю, восставшие ангелы полетели вниз. Одни из них, страшно изувеченные, со своим начальником Сатаной упали в подземное царство, в ад, другие пали на землю и поселились, кто в воде, кто в домах, кто в лесу. Так объясняет себе олонецкий происхождение лесовиков, водяников и домовых, в которых он верит беззаветно» [Пришвин 1982: 134].

В этом краю «непуганых птиц» живут носители нравственности и духовности русского самосознания. К их числу относится простая женщина – вопленица Степанида Максимовна, повидавшая немало горя на своём веку. Её талант восходит к языческим обрядам – похоронному ритуалу. Причитания представляют смерть, как чудовище, поражающее человека. Поэтому языческие мотивы заставляют вести напряжённую борьбу со смертью, а не принимать её со смирением, успокоением, как того требует христианская вера. Двоеверие, являясь частью духовной культуры, воплощалось в обрядовых действиях (песни, причитания, магия), восходящих к древнейшей славянской культуре. Традиции столь сильны в народе, что «на Севере, – утверждает Пришвин, – знакомясь с народными верованиями и похоронными обрядами, можно почувствовать себя вдруг среди славян-язычников» [Пришвин 1982:74].

Мир низшей демонологии неотделим от народной жизни. Вот как рассказывает о встрече с домовым вопленица Степанида Максимовна: «Раз я так навопелась, подоила коровушку, да и вошла в избу. Темно, тихо, ребята спят, только слышно, как на печке старичок, странник захожий,

кряхтит и стонет. Хотела я лучинку зажечь, да что-то невозможно стало, и прилегла на лавочку. И забылась. Сплю не сплю, сама не знаю. Слышу, отворилась... вошёл... идёт ближе, ближе... А шевельнуться не могу. Вижу стоит... темно... разглядеть не могу, и так-то он гораздо и горячо дышит. Наклонился ко мне и за руку взял. Шерстной!» [Пришвин 1982: 77].

Отражение двоеверия мы находим и в описании свадебного обряда. После церемонии продажи невесты, «взятой из старинных времён языческого славянского быта» [Пришвин 1982: 84], следует «отдать долг и новейшим христианским временам — повенчаться в церкви» [Пришвин 1982: 84]. Однако венчание тоже сопровождается колдовскими ритуалами, ведь «не так легко язычникам стать христианами. Уже, в то время как отец и мать благословляли Степаниду иконой, принимались всякие меры, чтобы враг не испортил молодых, не бросил бы чего между ними. Был приглашён специально для этого даже колдун с Химьих песков» [Пришвин 1982: 85].

Нельзя не вспомнить людей, способных «отведать» шалости лесных, дворовых и водяных духов. Это «люди знающие», обладающие не только тайными знаниями, но и особой жизненной силой. Только колдунам ведомы правила общения с водяными или лешими, только они могут распознать их хитрости. В народном представлении они являются посредниками между человеком и нечистой силой. В качестве главного средства общения со сверхъестественными силами и воздействия на них колдуны используют «отпуски» или заговоры. Пришвин полностью приводит текст «хорошего отпуска», которым «сто коров отпущено и сорок лошадей», который сочетает не только «заговорную» символику, но и обращение к «Христу небесному» и к «праведному солнцу». Обращение к «праведному солнцу» и «праведному Богу» свидетельствует о синкретизме мифологически-языческого и христианского как в пространстве «отпуска», так и в целом в духовной культуре славянского народа.

Второй очерк писателя 1908 года «За волшебным колобком» продолжает знакомить нас с неведомым миром Русского Севера. Пришвин показывает тяжелые условия жизни поморов, открывая читателю загадочную славянскую душу людей, чья жизнь непосредственно связана с морем. О водной стихии в очерке говорят таинственно, но всегда с восхищением или опаской:

«— Море богаче земли, — слышу я, говорит моряк пахарю. — Зверей там всяких, рыбы...

Чудеса, чудеса, чудеса!..» [Пришвин 1982: 220].

Пришвин, следуя за волшебным колобком, изучает и достоверно описывает суровый быт и нравы поморов. Всё увиденное так волшебным и чарующим, что Русский Север, обретая сказочные черты, кажется воплощением исконной древней Руси: «Я проснулся. Солнце ещё над морем, ещё не село. И всё будто грезится сказка. Высокий берег с большими северными

соснами. На песок к берегу с угора сбежала заморская деревушка. Повыше — деревянная церковь, и перед избами много высоких восьмиконечных крестов. На одном кресте я замечаю большую белую птицу. Повыше этого дерева, на самой вершине угора, девушки водят хоровод, поют песни, сверкают золотистыми, блестящими одеждами. Совсем как на картинках, где изображают древнюю Русь, какой никто никогда не видел и не верит, что она такая» [Пришвин 1982: 197].

Главным для писателя, использующего «этнографический» метод описания, является достоверное изображение менталитета людей, живущих за Полярным кругом. Поморам присуща хозяйственность, расторопность, справедливость, они ценят физическую силу. Этот северный народ сохранил чистоту и простоту нравов: «Все знают, какой я был: справедливый ... не бранился, табаку не курил. И Господь меня возлюбил, счастье давал, девять лет за себя ходил, а на десятом юровщиком выбрали...» [Пришвин 1982: 225]. Поморы нравственны и стыдливы. Даже на слово «любовь» существует своеобразный запрет:

«— А ты, Иванушка? Есть у тебя Марья Моревна?

Глупый царевич не понимает.

— Ну любовь, любишь ты?

Всё не понимает. Я вспоминаю, что на языке простого народа любовь нехорошее слово: она выражает грубо-чувственную сторону, а сама тайна остаётся тайной без слов. От этой тайны пылают щёки деревенской красавицы, такими тихими и интимными становятся грубые, неуклюжие парни. Но словом не выражается. Где-нибудь в песне ещё прозвучит, но так, в обычной жизни, слово «любовь» нехорошо и обидно» [Пришвин 1982: 194].

Отличительной чертой жителей севера является непоколебимая вера в Божий промысел. Примером такого мировосприятия становится старый юровщик Михайло. Верность своему долгу, честность и нравственность, обеты и клятвы — это основа жизни помора, за нарушение которой случаются неудачи и опасности на море. Люди севера — суровый, закаленный народ, не отступающий ни перед чем, даже перед страхом смерти. Поражает сила духа звероловов. В самый трагический момент повествования, когда гибель кажется неминуемой, когда льдину с людьми выносит в открытый океан, Михайло, готовясь к смерти, строго говорит: «Нехорошо, братья, так помирать. Бога обижаете. Наденьте чистые рубашки, помолитесь, проститесь. Так нельзя, братья» [Пришвин 1982: 231]. Тем удивительнее чудесное спасение обреченных на смерть людей, в котором старый помор видит Божий промысел: «Вздремнул маленько, руль не выпускаю... Вижу, стоит предо мной как бы преподобный Зосима. Говорит мне: «Михайло, ты меня забыл». Опамятовался... А вскорости и спохватился! Помолился я тут и дал обещание навеки нерушимое, чтобы возить странников всю жизнь на Святые острова» [Пришвин 1982: 232].

Таким образом, духовная культура славянского народа в ранних очерках М. М. Пришвина представляет собой своеобразный синтез, в котором, «мифическое, органически сочетавшееся с христианством, свидетельствует о глубинах национального духа» [Борисова 2004: 153]. Русский Север – таинственное и влекущее пространство – представляет собой онтологическую модель древней Руси с ее исконными традициями, нравами и культурой, обращенной к правременам прароссианства.

Примечания

1. Борисова, Н. В. Мифопоэтика всеединства в философской прозе М. Пришвина: учеб. пособие / Н. В. Борисова. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2004. 228 с.
2. Пришвин М. Собрание сочинений: В 8 т. М., 1982-1986. Т. 1.

С. А. Ломакина
Елец

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР И.А. БУНИНА В ШКОЛЬНОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ОБРАЗОВАНИИ

Творчество И.А. Бунина с конца XX века входит как обязательный элемент литературного образования и в средних, и в старших классах, что нашло отражение как в «Обязательном минимуме литературного образования», так и в Примерной программе по литературе, и во всех авторских программах. Анализируя сложный, своеобразный художественный мир поэта, необходимо показать школьникам его индивидуальность и многоплановость, «неисчерпаемость эстетического и нравственного потенциала его творчества». Наследие поэта рассматривается в контексте эпохи.

Ключевые слова: И.А. Бунин, художественный мир поэта, ФГОС, биография, анализ, программы.

Русская литература – это всегда нравственный ориентир, который помогает различать добро и зло, честь и подлость, искренность и лицемерие. Именно через литературу осуществляется связь русской души и русского бытия. Поэтому одной из задач современного литературного образования является «знакомство с произведениями словесного искусства народа нашей страны», вписанными в историю мировой культуры «и обладающими несомненной национальной самобытностью». Они расширяют «представления учащихся о богатстве и многообразии художественной культуры, духовного и нравственного потенциала» [2, 3-4].

Произведения И.А. Бунина воспринимаются разными поколениями всегда с живым интересом. Так что же заставляет читателей постоянно

обращаться к художественному миру Бунина? Ответ напрашивается сам: конечно же, неповторимая сила художественного изображения как русской природы, так и жизни народа с его думами, радостями и горестями. Каждое произведение мастера слова не только было выстрадано его душой, но и являлось одной из форм отношения к действительности, к миру, полному тайн и противоречий.

Федеральный компонент государственного стандарта общего образования (2004г.) предлагал для обязательного изучения в средних (5-9) классах два рассказа по выбору [3, 20], а в старших классах три стихотворения и два рассказа по выбору, а также обязательное изучение рассказов «Господин из Сан-Франциско» и «Чистый понедельник». На профильном уровне образования предлагалось уже 5 стихотворений и два рассказа по выбору, а к обязательным рассказам «Господин из Сан-Франциско» и «Чистый понедельник» добавлялись «Антоновские яблоки» и «Темные аллеи» [3, 46].

Федеральные государственные стандарты общего образования второго поколения (2010 г.) углубляют постижение художественного мира Бунина. В примерной программе дается не только перечень произведений, но и предлагается своеобразный план их разбора. Для обязательного изучения в разделе «Русская литература XX века (первая половина)» представлены два произведения. Это стихотворение «Густой зеленый ельник у дороги...». Авторы программы рекомендуют рассмотреть такие вопросы, как: «Особенности изображения природы. Образ оленя и средства его создания. Тема красоты природы. Символическое значение природных образов. Пушкинские традиции в пейзажной лирике поэта». Вторым произведением И.А. Бунина в стандартах второго поколения является рассказ «Подснежник». Составители программы также предлагают обязательные вопросы для рассмотрения на уроках: «Историческая основа произведения. Тема прошлого России. Праздники и будни в жизни главного героя рассказа. Приемы антитезы и повтора в композиции рассказа. Смысл названия». [2, 17] Но ФГОС нового поколения вводит изучение творчества И.А. Бунина еще в двух разделах образовательной программы. В разделе «Тема природы в русской поэзии» для изучения рекомендуется стихотворение Бунина «Листопад» (фрагмент «Лес, точно терем расписной...»), а в разделе «Тема родины в русской поэзии» – стихотворение «У птицы есть гнездо, у зверя есть нора» [2, 24].

Изучая названные произведения писателя, учащиеся должны, прежде всего, научиться выразительно читать эпические и лирические тексты, «выявлять в них характерные для русской литературы первой половины XX века темы, образы и приемы изображения человека» [2, 51]. Кроме этого, на материале художественных текстов Бунина школьники среднего звена учатся соотносить содержание произведений русской литературы первой половины XX века с романтическими и реалистическими принци-

пами изображения жизни и человека, давать общую характеристику художественного мира произведения, писателя, литературного направления.

Работа по изучению произведений писателя, предложенных программой, должна быть связана с материалом исторического и биографического характера. Эти сведения могут опираться на конкретный краеведческий материал. Воссоздавая фрагменты жизни писателя, следует осторожно и вдумчиво отбирать этот материал, чтобы увлеченность сенсационными эпизодами не привела к искажению духовного облика мастера слова. Рассказ учителя не должен быть перегружен датами, послужным списком писателя, перечнем его произведений. Сообщение педагога должно быть ярким, живым, затрагивающим ученика, приводящим его к текстам, вызывающим желание прочитать другие произведения поэта. Учитель, прежде, чем сообщить какой-либо материал, выясняет объем ранее полученных сведений о писателе (возможно на других уроках или внеклассных мероприятиях). Это могут быть ориентировочные вопросы типа: Что вы знаете об И.А. Бунине? Где он родился, жил, учился? Каким образом творчество писателя связано с Ельцом?

Даже если учитель знает, что на вопросы никто из учащихся не ответит, вопросы все равно должны прозвучать. В этом случае они будут выполнять функцию плана, по которому учитель впоследствии изложит материал.

В средних классах на изучение биографии писателя отводится минимальное количество времени. К таким урокам необходимо тщательно подбирать материал о биографии писателя, об истории создания изучаемого произведения, отходить от материала учебника-хрестоматии, использовать справочную литературу и ресурсы Интернета, что рекомендуют ФГОС второго поколения. Короткую справку о писателе целесообразно дополнить описанием какого-либо яркого и важного в жизни писателя эпизода, упоминание о котором будет способствовать лучшему пониманию произведения. Так, например, перед разбором стихотворения «У птицы есть гнездо, у зверя есть нора» (1922 г.) следует рассказать о ситуации в послеоктябрьской России, когда многие известные литераторы покинули родину. Среди них оказался и И.А. Бунин, который очень болезненно воспринял и то, что происходило в стране (смена власти, гражданская война), и свой отъезд. Он понимал, что расставание может затянуться на долгие годы, и эта разлука побудила поэта к написанию данного стихотворения. По ходу анализа художественного текста можно еще раз обратиться к биографии Бунина, обратив внимание учащихся на строки: «Как горько было сердцу молодому, когда я уходил с отцовского двора...». Рассказ о домашнем образовании под руководством брата и уход в 17-летнем возрасте из отчего дома с целью доказательства собственной самостоятельности вызовет искренний интерес к судьбе писателя.

В 11 классе, раскрывая художественный мир писателя, тему природы в его творчестве, также обращаем внимание учащихся на конкретные биографические материалы. Необходимо отметить, что детство Бунина прошло среди лесов и полей русского Подстепья, и красота этого края навсегда осталась в сердце писателя. Природа, то яркая, царственная, то скромная, трогательная постоянно врывается в бунинские произведения, что позволяет их называть стихотворениями в прозе. Достаточно вспомнить несколько строк из рассказа «Антоновские яблоки», чтобы проникнуться величием и ароматом ранней осени, ощутить красоту и нежность бабьего лета: «Помню большой, весь золотой, подсохший и поредевший сад, помню кленовые аллеи, тонкий аромат опавшей листвы и – запах антоновских яблок, запах меда и осенней свежести. Воздух так чист, точно его совсем нет, по всему саду раздаются голоса и скрип телег» [1, 328].

Излагая биографические данные, следует делать упор не на внешние факты жизни писателя, а на его духовный облик, стараясь дать ответы на вопросы: как он жил, как относился к природе, окружающим его людям, какие жизненные переломы претерпел, и как это отразилось на его творчестве.

От биографии писателя к анализу художественного текста путь лежит через чтение, которое является не только переходным этапом в разборе текста, но и непосредственным элементом анализа. Многие методисты (Н. Кудряшев. «Заметки о творческом чтении»; Н. Молдавская. «Воспитание читателя в школе»; Б. Буяльский. «Курс на мастерство» и др.) отмечают, что для того, чтобы развить интерес к чтению, следует, прежде всего, привить навыки вдумчивого, прочувственного чтения. Учитель, разрабатывая урок, сам готовится к выразительному чтению лирического или эпического произведения: анализирует текст, устанавливает отраженные в нем чувства и настроения автора, разбивает произведение на смысловые части, формулирует вопросы для домысливания, подбирает (если это необходимо) фонохрестоматию. Чтение учителя способствует более глубокому пониманию учащимися текста, проникновению в его смысловые глубины, осознанию тематики и проблематики изучаемого текста. Так при чтении стихотворения «Густой зеленый ельник у дороги...» в 5 классе необходимо интонационно показать функцию пейзажа в первой и второй части произведения. Если в первой части текста практически отсутствуют глаголы, все движение сведено к минимуму, поэтому неторопливое чтение помогает воссоздать в сознании учащихся образ гордого животного, поражающего своей первозданной красотой, то во второй части интонация существенно меняется. Быстрота действий и, соответственно, темп чтения (особенно третьего четверостишия) приводят к благополучному финалу – спасению, пробуждению чувства восхищения животным, гордости за него.

Чтение помогает школьникам понять эмоциональный фон произведения, мир авторских чувств. Следующим этапом проникновения в худо-

жественный мир Бунина является разбор самого текста, в основе которого лежит как в средних, так и в старших классах беседа. Следует сказать, что чаще всего в основе беседы в 5-8 классах лежат вопросы, связанные с осмыслением мира детства писателем, его умением создать особое художественное время и пространство, раскрыть тайники человеческой души. Рассмотрим, каким образом можно построить беседу по рассказу «Подснежник». С одной стороны, работу по тексту можно выстроить по эпизодам, опираясь на ключевые слова каждого из них (городишко – гимнастик – глухая усадьба – Елецкое подворье – счастливый день – лазурные детские глаза). В этом случае беседа строится на объяснении ведущих слов, их введения в канву рассказа.

С другой стороны, беседа может развернуться от чисто теоретического материала (пейзаж – портрет – психологический портрет – заглавие). Это вопросы типа: Каким предстает город в описании И.А. Бунина? Каким показан отец главного героя? Опишите его. Что такое психологический портрет? Что узнаем мы о Саше из его описания? Какие ассоциации вызывает слово «подснежник»? Почему И. А. Бунин назвал свое произведение «Подснежник»?

По ходу анализа художественного произведения школьники учатся давать аргументированный (с цитированием) развернутый устный или письменный ответ на вопрос по тексту, характеризуют сюжет произведения, его тематику, проблематику, идейно-эмоциональное содержание. Завершая изучение рассказа (и в средних, и в старших классах), учитель может использовать прием художественного рассказывания – пересказ, помогающий показать особенности стиля изучаемого произведения. Исследуя текст, школьники обращают внимание на яркие речевые обороты, образные определения («райское младенчество, детство, отрочество»), новые слова. Работа в тетрадях (составление плана, цитаты, ключевые понятия) также способствует пониманию своеобразия авторского текста. Данный прием развивает у учащихся чувство стиля, способствует развитию литературного слуха и вкуса. Чем ближе к исходному тексту расскажут учащиеся, тем больше впитают их память и, соответственно, обогатится их речь. Следует помнить, что при рассказывании ученика, нельзя его прерывать с целью исправления слов, фраз. Вмешательство по ходу изложения сюжета может привести к эмоциональному сбою в сознании учащегося, прервать ход его мыслей. Все недочеты должны обсуждаться коллективно после рассказывания. Весь класс принимает участие в обсуждении, это способствует развитию внимания к слову, навыков красивой грамотной речи.

Художественный мир писателя будет неполным без рассмотрения «первоэлемента» произведения, анализа средств его художественной образительности. Учитель-словесник обязан помочь учащимся проникнуть в образную структуру художественного текста. Школьники учатся наблюдать, замечать меткое образное слово, чувствовать его. Язык писателя

способствует развитию и обогащению речи каждого ученика. К. Г. Паустовский отмечал, что «Язык Бунина прост, почти скуп, чист и живописен. Но вместе с тем он необыкновенно богат в образном и звуковом отношениях — от кимвального пения до звона родниковой воды, от размеренной чеканности до интонаций удивительно нежных, от легкого напева до гремящих библейских обличений, а от них — до четкого, разящего языка орловских крестьян» [4, 2]. Для И.А.Бунина характерно редкое «чутье на краски». Поражает то, как тонко он чувствует многообразие цветовой гаммы. Достаточно вспомнить стихотворение «Листопад» или вновь насладиться запахами яблок, дыма и ржаной соломы в «Антоновских яблоках». Автор так точно и смело подбирает краски для своих этюдов, что становишься невольным участником его удивительных картин: «На ранней заре, когда еще кричат петухи и по-черному дымятся избы, распахнешь, бывало, окно в прохладный сад, наполненный лиловатым туманом, сквозь который ярко блестит кое-где утреннее солнце, и не утерпишь — велишь поскорее заседлывать лошадь, а сам побежишь умываться на пруд. Мелкая листва почти вся облетела с прибрежных лозин, и сучья сквозят на бирюзовом небе» [1, 330]. Писатель обладал удивительной способностью чувствовать в простом, житейском основы человеческого бытия и отражать в произведениях ощущение слитности со своей землей, со своими истоками.

И.А. Бунин был необыкновенно требователен к самому себе. Он тщательно подбирал каждое слово, даже каждый звук, добиваясь совершенного, гармонического звучания своей прозы. Его произведения учат обучающихся общению с произведениями искусства слова, полноценному эстетическому их восприятию, пониманию индивидуальной поэтики писателя. Школьники начинают сознательно относиться к процессу восприятия фактов искусства, что реализуется в положительной мотивации по отношению к организации и направленности уроков литературы.

Примечания

1. Бунин, И.А. Собрание сочинений в четырех томах / И.А. Бунин. Т.1. М.: Правда, 1988.
2. Примерные программы по учебным предметам. Литература. 5-9 классы: проект. М.: Просвещение, 2011. (Стандарты второго поколения).
3. Сборник нормативных документов. Литература: сост. Э. Д. Днепров, А. Г. Аркадьев. М.: Дрофа, 2004.
4. http://www.rodovoederevo.ru/family19565/book_record4533

ХОЗЯЙСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ ГОРОДА ЕЛЬЦА В 1620-Е ГОДЫ*

Статья посвящена рассмотрению хозяйственного развития города Ельца в 1620-е годы. В работе показано, что именно в этот период начинается экономический подъем Ельца, связанный с ростом численности посадского населения, которое специализировалось на торговле и ремесле. Статья основана на широком круге архивных источников, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов (Москва). Основными источниками статьи послужили архивные документы Российского государственного архива древних актов. Это оброчные книги 1621 и 1626 гг., где фиксировались сборы с населения, занимающегося торговой деятельностью, а также отдельные делопроизводственные материалы.

Ключевые слова: Елец, посадские люди, хозяйственное развитие, промыслы, Черная слобода.

Хозяйственное развитие городов-крепостей, основанных в конце XVI в. (Воронеж, Елец, Курск, Белгород, Ливны, Старый Оскол), было приостановлено Смутным временем начала XVII столетия. Однако уже в 1615-1618 гг. начинается новый этап в развитии городов, прерванный ненадолго нашествием войск гетмана Сагайдачного летом 1618 г.

Ярким показателем хозяйственных успехов города в это время является рост посадского населения. Под посадским населением понимается часть городского населения, которая существовала за счет торговли и ремесленного производства. Традиционно считается, что от количества посадских людей в том или ином поселении зависит его экономическое развитие и сам процесс урбанизации. Если даже в самом крупном населенном пункте нет представителей торгово-ремесленного слоя, то это поселение не может считаться городом, в его классическом понимании, а остается крепостью. В 2012 г. С.К. Кондратьевой была защищена кандидатская диссертация, посвященная посадскому населению Юга России [4]. Работы С.К. Кондратьевой выполнены в системе общих исследований Юга России, которыми много лет занимаются историки Воронежского университета под руководством В.Н. Глазьева [1; 2; 3; 5; 6; 7]. Социальному анализу Ельца посвящены несколько наших статей [8; 9].

* Статья выполнена по гранту РГНФ и администрации Липецкой области, проект № 16-11-48001 0/Ц.

Основными источниками нашей статьи послужили архивные документы Российского государственного архива древних актов. Это оброчные книги 1621 и 1626 гг., где фиксировались сборы с населения, занимающегося торговой деятельностью, а также отдельные делопроизводственные материалы [10; 11; 12].

Посадское население в 1620-е годы еще не выделилось четко от служилого, поскольку в свободное от службы время стрельцы и казаки предпочитали заниматься промыслами и торговлей. Всего в городе в это время проживало около 6 000 человек, при этом посадское население составляло не более 160 человек. В целом для региона это достаточно хороший показатель, превышающий посады крупнейших городов-крепостей региона Курска или Воронежа.

Посадское население Ельца формировалась вокруг находящихся в городе казенных мельницы, таможни и бани. Эти строения появились в начале XVII в. на левом берегу современной реки Ельчик, следовательно, и слобода посадских людей сформировалась в этом месте, по традиции того времени она получила название Черной. Мельница, баня и таможня обычно давались предприимчивым людям на откуп, однако бедность населения после Смуты делал эту работу не выгодной. В результате в Ельце в 1620-е годы посадские люди организовывали работу этих учреждений и собирали доход в общую казну «на веру», т.е. без установленной государством ежегодной суммы дохода. В 1626 г. ельчане собрали в казну 451 рубль.

Сразу после Смуты ельчане активизировали торговлю с соседними городами, торговали как посадские так и служилые люди. Главными центрами торговли для ельчан были Воронеж и Курск. Затем следуют Ливны, Добрый, Оскол, Данков. К примеру, в Воронеж в 1620-начале 1621 годов приехали из Ельца на торг 59 человек. За декабрь 1622, январь, февраль 1623 годов в Воронеже торговали 13 ельчан. Зимой 1622/23 годов в Курск из Ельца приехали с товаром 10 человек. Зимой 1628/29 годов 17 ельчан приехали торговать в Воронеж [11, 3-38].

В это время основной ассортимент товаров был более или менее одинаков. Это связано с тем, что в Ельце в это время стабилизировалось ремесленное производство определенной направленности. На первом месте стояло кузнечное дело. Уже к середине столетия Елец становится одним из крупнейших центров металлообработки в регионе. В городе было две кузнечных слободы. Одна кузнечная слобода находилась вблизи крепости и Троицкого монастыря [12, 4]. Приходской церковью этой слободы являлась Введенская, которая располагалась, примерно в том же месте, что и современный храм. Вторая слобода размещалась ближе к реке Елец. Ее жители являлись прихожанами Покровской церкви. Елецкие торговцы скупали у кузнецов товары и везли их в другие города. Кузницы и горны, работавшие на заказ или для рыночной торговли, облагались оброком. В 1625 году в Ельце находились 7 горнов, которые платили по пол полтины.

Развитым промыслом в Ельце в это время было изготовление посуды и предметов одежды. Ельчане везли на продажу из посуды миски, блюда, котлы, а из одежды: женские шапки, сапоги, лапти. Все эти вещи упоминаются в таможенных книгах Воронежа, Курска и других городов. Большой размах получило в городе и кожевенное производство. Именно в это время берет начало кожевенный промысел в городе, ельчане ввозили на продажу выделанные лошадиные и говяжьи кожи.

Большое развитие в городе в это время получила Черная слобода. В 1615 году число дворов в слободе не превышало 20, а в 1625 году в ней находились уже 42 двора. За десять лет ее размеры выросла в двое. В ней проживали около 60 человек мужского пола. Почти такое же число дворов и людей сохранилось в слободе и в дальнейшем, а значит 1620-е годы время наибольшего роста слободы посадских людей. В 1625 году с 42 дворов Черной слободы было собрано оброку на 12 рублей и 10 алтын. В мае 1626 года чернослободцы выплатили оброк на 12 рублей и 10 алтын.

Важным показателем хозяйственного развития в городе была лавочная торговля. По данным на 1625 год самая большая лавка была у посадского человека Ивана Самсонова [11, 136-142]. На его лавке было 2 замка, что указывало на ее размеры, и платил с нее Самсонов рубль оброка. Общее количество лавок в Ельце – 31. После перечисления лавок в оброчной книге по Ельцу следует перечисление полок, с которых платили гривну. Общее количество полок в Ельце – 74. С полок торговали казаки, стрельцы, посадские люди. В Ельце находились также три торговых шалаша. С них платили полполтины.

Среди промыслов широкое развитие в Елецком уезде получило рыболовство. Рыбу продавали в основном на внутреннем рынке, в городе. Ловили рыбу на продажу, ставя неводы и сети на определенном участке реки. За это платили оброк в казну: с сети по полтине, да пошлины 5 денег. Это было в общем небольшой суммой, которая быстро окупалась.

Ельчане в больших количествах употребляли рыбу зимой. Рыбный промысел в городе зимой буквально процветал. Возможно, это было связано с зимними православными постами. К примеру, 5 февраля 1616 года в Ельце торговали рыбой 6 человек, объем привезенной рыбы составил 11 возов.

Первые документы об уплатах оброка с рыбной ловли встречаем в апреле 1620 года. Группа крестьян и помещиков поручалась за помещика Мелеха Пономарева, что он будет платить оброк со своих сетей на реке Красивой Мече. Тогда же Пономарев просил разрешить ему поставить сети и на реке Сосне. Его просьба была удовлетворена на тех же условиях оброка. Некоторые уездные жители промышляли рыбой на протяжении многих лет. Например, помещик Осип Каверин ставил сети с 1620 по 1626 годы. Большинство рыбаков были крестьянами, в редких случаях помещики, встречались и жители города стрельцы, казаки, чернослободцы [10].

В 1626 году согласно «Книге оброчных денег с рыбных ловель» было выплачено ельчанами в казну с заповор 15 рублей, с неводов 14 рублей, с сетей 30 рублей и с откупов 7 рублей. Самым дорогим из средств ловли рыбы был откуп – от 2-х до 3-х рублей в год в зависимости от места. Например, помещик С.В. Лобынцов брал на откуп часть реки Семенек и платил 3 рубля. Наум Насонов с реки Сновы платил 2 рубля. Поставить на реке затор или сеть стоило рубль, невод – 25 алтын, сеть – полтина [11].

Кроме рыбной ловли, в уезде были развиты бортничество, сбор орехов. Встречаются упоминания о садовых яблоках, поставляемых на продажу.

Подводя итог, отметим, что хозяйственное развитие Ельца 1620 г. было наиболее успешным за всю первую половину XVII в. В эти годы Елец сделал в своем развитии большой рывок от крепости к классическому городу. Схожие процессы происходили в Воронеже и Курске. Успех хозяйственного развития Ельца был связан с ростом посадского населения после Смутного времени. Уже в 1632 г. начинается резкий экономический спад в развитии Ельца, что было связано с началом войны с Крымским ханством, которая затронула Елецкий уезд.

Примечания

1. Гоголева А.А. Местная власть в Острогожском уезде во второй половине XVII- начале XVIII в.: городские воеводы и черкасские полковники. Воронеж, 2008.
2. Жиброва Т.В. Организация таможенного и питейного управления в Воронежском уезде в XVII веке. Воронеж, 2011.
3. Камараули Е.В. Южнорусская приказная изба как учреждение местного управления во второй половине XVII века. Воронеж, 2009.
4. Кондратьева С.К. Посадские люди юга России в XVII веке. Диссертация на соискание уч.степени кандидата ист. Наук. Воронеж, 2012.
5. Глазьев В.Н. Переписная книга Воронежского уезда 1646 г. как исторический источник // Переписная книга Воронежского уезда 1646 года. Воронеж, 1998. С. 3-26.
6. Глазьев В.Н. Власть и общество на юге России в XVII веке: противодействие уголовной преступности. Воронеж, 2001. 432 с.; Он же. Южнорусские выборные на земские соборы середины XVII века // Общественная жизнь центрального Черноземья России в XVII- начале XX века. Воронеж, 2002. С. 18-36.
7. Глазьев В.Н. Откупщик против мира: конфликт вокруг таможни и кабака в Воронеже в 1668-1671 гг. // Из истории воронежского края. Воронеж, 1998. Вып.7. С. 22-33.
8. Ляпин Д.А., Жиров Н.А. Служилое население городов Юга России в 1650-1670-е годы // Альманах современной науки и образования. 2016. № 5. (107). С. 57-59.
9. Ляпин Д.А., Жиров Н.А. Тяглое население городов Юга России (по материалам переписи 1646 г.) // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 4. Чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы международной научной конференции. Москва, 26 октября – 1 ноября 2015 г. М., 2014. С. 283-288.
10. РГАДА. Ф. 210. Оп. 21. Д. 8.
11. РГАДА. Ф. 210. Д. 78.
12. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 135.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ СРЕДСТВАМИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М.М. ПРИШВИНА

В статье рассматриваются методические приемы работы с произведениями М.М.Пришвина, способствующие осмыслению и полноценному восприятию текста младшими школьниками. Особое внимание обращено на реализацию воспитательных задач в процессе чтения и анализа его сказок, рассказов и повестей.

Ключевые слова: научно-познавательные произведения, изобразительные средства языка, тайны и загадки природы, взаимосвязь, межпредметные связи, нравственные и эстетические качества.

Литературное образование и развитие – одна из основных задач уроков литературного чтения в начальной школе. Младшие школьники учатся понимать содержание прочитанного, находить изобразительные средства языка, определять главную мысль, мотивы и поступки героев, осмысливать авторскую оценку и характеристику, давать собственную оценку о прочитанном. Обучение литературному чтению не может состояться без чтения произведений писателей своего края, одним из которых является М.М.Пришвин

Творчество замечательного русского писателя М.М.Пришвина всегда вызывает интерес, так как в своих произведениях он обращается к вечным ценностям: любви к Родине и природе. Изучение его произведений способствует формированию моральных качеств, эстетического вкуса, развитию эмоциональной сферы младших школьников.

Знакомство младших школьников с произведениями М.М.Пришвина начинается с дошкольного возраста («Лисичкин хлеб», «Дятел», «Еж проснулся»...), а затем на протяжении всех четырех лет обучения в начальной школе. Это научно-художественные произведения, из которых дети узнают много интересного и познавательного о жизни природы и животных. Из рассказов М.М.Пришвина они находят ответы на такие вопросы, как:

- Что такое этажи леса?
- Как рябчики спасаются от ястреба зимой?
- Как белочка находит зимой орешки, припрятанные летом?
- Почему одни птицы улетают в теплые края на зиму, а другие – нет?
- Как олени спасают от врагов друг друга?
- Как деревья лечатся?
- Как выглядит землеройка?

- Когда охотится филин?

- Почему заяц спит днем, а не ночью? И др.

Рассказы М.М. Пришвина помогают младшим школьникам понять, что человек неотделим от мира, в котором он живет, что все в жизни взаимосвязано, как много тайн и загадок хранит природа. В лесу, как у людей, есть свои «этажи», где лесные обитатели живут своей жизнью. Дети узнают, что у зверей и птиц тоже есть мама, которая их любит, защищает и бережет своих детенышей (например, рассказ «Лоси», «Ребята и утята»).

Произведения М.М.Пришвина пронизаны добротой и любовью к своей Родине, ее лесам и полям, восхищением и удивлением чудесами наших братьев меньших, за поведением которых он не уставал наблюдать. Рассказывая о себе, автор обращает внимание маленького читателя на то, что уходил на охоту без ружья, так как его охотой были находки. В самых обычных вещах писатель умел замечать необычное, то, чего раньше не встречал. Звери, птицы, растения у Пришвина становятся олицетворенными. Все, как у людей: дергач дразнит перепелку; животные и птицы издают разнообразные звуки: раки перешептываются, овсянка плачет, трясогузка смеется вслух, шмель гудит, тетерев свистит, бормочет, гаечка попискивает, ворона каркает каждый раз по-особенному, с разными оттенками. Автор передает и «разговор» деревьев: березы перекликаются, осинка зовет осинку, черемуха подает ветку, листья шепчутся, деревья ворчат. Чувство сопереживания вызывают березки, которым зябко в период, когда осень уже закончилась, а зима еще не наступила. (Березкам зябко). Живо представить описание помогают сравнения: осенний лес, как море; полянка в лесу, как остров; дятел, совсем как человек; елочки – старушки, осинки вышли погреться на завалинке и поговорить и др.

Михаил Михайлович не только олицетворяет зверей и птиц в своих описаниях, но и действительно относится к ним, как к людям (детям): «Трех утят я взял себе на воспитание...». Своим героям он дает характеристику: дятел – умный, бодрый, оживленный и деловой; дергач – голоногий насмешник; трясогузка – любопытная.

На этапе анализа текста особое внимание необходимо обратить на изобразительные средства языка, их точность и выразительность.

«Листья, падая, шепчутся, прощаясь навек». (Молодые листики).

«...осенью березки прощаются с нами своим золотом». (Березы).

«Ветер – заботливый хозяин». (Осенние листики).

«Я разглядел птицу такого же цвета, как прошлогодняя листва, с большими выразительными глазами...». (Вальдшнеп).

«И вдруг стало свежо и бодро, как будто вся земля сразу умылась». (Кладовая солнца). И т.п.

Главная тема произведений М.М.Пришвина – взаимоотношение человека с природой. Автор утверждает, что если поздороваться в лесу, то обязательно в ответ тебе закрикают, затэтэкают, зашваркают и закаркают.

Работа над действующими лицами его рассказов формирует нравственные представления и чувства. До детей нужно донести, что человек – часть природы. Правильно организованный анализ текста поможет осознать, каким должен быть человек, как он должен относиться к природе и всему живому. Приведем пример фрагмента работы над рассказом «Ребята и утята». Анализ целесообразно начать с беседы, в процессе которой школьники рассуждают и зачитывают соответствующие отрывки из текста:

- Почему утка устроила свое гнездо далеко от озера, ведь утки любят плавать?

- Почему переход утят в озеро автор называет свободой?

- Для чего мальчишки стали ловить утят?

- Как в это время вела себя утка-мать?

- Какие слова показывают ее состояние и действие?

- Кто прекратил это безобразие?

- Как он назвал ребят? Почему?

- Как автор помог исправить свою ошибку ребятам?

При подготовке к выразительному чтению по ролям ученикам предлагается найти слова, помогающие соблюсти при чтении нужную интонацию: строго, трусили, сердито, хором, приказал, радостно. На этапе синтеза размышление над названием рассказа: «Почему автор назвал рассказ «Ребята и утята?»», зачем он рассказал эту историю, приводит школьников к осознанию идеи и авторской позиции.

В своих рассказах писатель иногда сам делает выводы, поэтому школьников нужно научить внимательно вчитываться в текст произведения и находить предложение, которое является главным. Например, рассказ «Глоток молока» заканчивается следующим:

- Значит, через мою ласку ей силы прибавилось. Может быть, именно эти несколько глотков молока спасли ее жизнь.

А рассказ «Разговор деревьев» заканчивается предложением:

- Если с нами сравнить – мы звуками перекликаемся, а у них – аромат.

В процессе изучения рассказов о природе и животных успешно осуществляются межпредметные связи:

1.С уроками окружающего мира. Совместные экскурсии в природу помогают изучать окружающий мир: учат детей наблюдать за живой и неживой природой, сравнивать свои наблюдения и художественные описания автора, увидеть в них то, что увидел и описал в своих произведениях автор. Книги М.М. Пришвина помогают осознать не только то, как нужно вести себя в природе, но и как можно оказать помощь беззащитным животным: «...Тогда мы взяли тот большой кусок, в котором находилось гнездо, сломали верх соседней берёзы и поставили на него наш кусок с гнездом как раз на такую высоту, на которой находился разрушенный этаж. Только тогда гаечки нашли своих птенцов». (Гаечки).

2. С уроками музыки: слушание звуков леса, пение птиц, дуновение ветерка, шум дождя, журчание ручейка.

3. С уроками изобразительного искусства: школьники с удовольствием делают зарисовки понравившихся им эпизодов.

Лоси

Молодые листики

Таким образом воспитываются нравственные и эстетические качества растущего человека.

Способствует осмыслению произведений и прием словесного рисования. Чтобы школьники не скатывались к пересказу при составлении картины и не перечисляли отдельные детали, проводится эта работа после анализа текста. Учитель должен направить внимание детей определенного эпизода на те художественные детали, которые помогут им воссоздать в воображении словесную картину. Например, рассказ «Медведь». Ученикам предложено составить словесную картину к последнему эпизоду. Школьники перечитывают его и обращают внимание на слова, характеризующие поведение животного: спрятался за выворотень, стоя на задних лапах, наблюдал меня: как я вышел из леса и как садился в лодку. Это помогает им нарисовать словесную картину.

В произведениях М.М.Пришвина встречается достаточно много слов и выражений, значения которых младшим школьникам не всегда понятны. Поэтому необходима работа над лексическим значением слов. Но работа над словом должна проводиться не изолированно, а в контексте. Например, из предложения «Митраша выучился у отца делать деревянную посуду: бочонки, шайки, лоханки» ученикам понятны значения слов: *шайки*, *лоханки* (Кладовая солнца). Значение выражения кладовая солнца ученики поймут тогда, когда прочитают эту сказку-быль.

Полезно использовать в процессе чтения и анализа рассказов М.М.Пришвина художественные картины. Например, рассказ «Остров спасения» иллюстрируется картиной И.Левитана «Большая вода». Дети,

рассматривают на картине весенний разлив, понимают, чем это явление природы грозит животным, отвечают на вопросы:

- Почему картина называется «Большая вода»?

- Чем грозит это явление природы животным?

- Прочитайте, как М.М.Пришвин описывает состояние животных в это время?

- Почему он говорит, что «началась война не на живот, а на смерть»?

- Можно ли назвать некоторых животных сообразительными?

В процессе чтения и анализа рассказа «Осенние листики» школьники сравнивают описание и картину И.С.Остроухова «Золотая осень», определяют, какой период осени изображает каждый художник. Поэтическое описание природы очаровывает маленького читателя, вызывает желание очутиться там, побродить и полюбоваться красотой.

Свои рассказы М.М.Пришвин строит так, как будто ведет душевную беседу с маленькими читателями:

- Раз было у нас – поймали мы молодого журавля... (Журка).

- ...разглядывая на снегу следы зверушек и птиц, вот что я по этим следам прочитал... (Беличья память).

- Плыву на лодочке, а за мной по воде плывет Хромка – моя подсадная охотничья уточка (Хромка).

- Удивляюсь на раков... (О чем шепчутся раки).

Михаил Михайлович – главный герой своих рассказов. Он описывает случаи из своей жизни и служит примером правильного бережного отношения к природе и животным. Из его сказок и рассказов школьники не только узнают много нового и интересного, но и понимают, что природу надо любить и изучать. Своими рассуждениями он пробуждает в детях такие качества, как доброта, жалость, желание помочь тем, кто слабее. Благодаря точным реальным образам, школьники получают представление о добре и зле.

Примечания

1. Пришвин, М.М. Рассказы «Изобретатель» / М.М.Пришвин. М., 2003. 136 с.

2. Пришвин, М.М. Кладовая солнца / М.М.Пришвин. М., 2008. 160 с.

Т.Ф. Новикова
Белгород

НАЦИОНАЛЬНО-МАРКИРОВАННАЯ ЛЕКСИКА В БУНИНСКИХ ТЕКСТАХ

В статье поднимается вопрос о необходимости рассмотрения известных текстов И.А. Бунина с точки зрения представленности в них национально-маркированных слов и выражений, поскольку этот пласт лек-

сики актуален для лингвистического анализа, а бунинские произведения представляют собой неисчерпаемый объект исследования; приведены примеры отдельных групп национально-маркированной лексики (диалектизмы, топонимы, антропонимы), представленных в повести Бунина «Суходол».

Ключевые слова: *Бунин, текст, национально-маркированная лексика, диалектизмы, топонимы, антропонимы.*

Современными филологами всё активнее предпринимаются попытки рассматривать тексты художественных произведений в историко-культурологическом аспекте, в тесной связи с развитием и состоянием культуры. Одним из перспективных путей, позволяющих вскрыть «культурный код» того или иного текста, становится путь выделения и систематизации единиц лексико-семантической системы языка, создающих национальный колорит в произведении, т.е. национально маркированной лексики.

В чем видится нам актуальность и перспективность выбранной темы статьи? С одной стороны, несмотря на неугасающий интерес исследователей к проблематике «язык и культура», лексико-семантическая группа «национально маркированная лексика», как нам представляется, пока еще не приобрела безусловных характерологических черт; с другой стороны, в связи с изучением подобной лексики особый интерес представляет творчество И.А. Бунина. Безусловно, установление специфических черт идиостиля любого автора требует анализа с точки зрения национальной маркированности слова, в особенности – ключевых слов, концентров и текстом.

Национально-культурная специфика слов и текстов формируется в системе ценностей, обычаев, традиций конкретной лингвокультурной общности. В каждом языке имеется своеобразное вербальное выражение материального и духовного мира народа. Изучение сходств и различий в номинативных системах языков приводит к выводу, что сами по себе способности номинации как таковые с точки зрения национальной маркированности или немаркированности индифферентны. Национально маркированными могут быть лишь бóльшая или меньшая предпочтительность выбора языком того или иного способа и формы наречения: «номинативная система любого языка выступает как вербальное выражение и осознание человеком окружающей действительности на том или ином временном отрезке развития общества. Складывается, функционирует и изменяется эта система у каждого народа по-разному в силу специфики формирования родного языка как знаковой системы и общественного явления, в частности, в силу используемых способов номинации и ее деривационного (структурно-словообразовательного) характера. Именно поэтому прежде всего лексико-фразеологическая система – даже в близкородственных языках – всегда

представляет собой национально маркированное явление» [6, 79]. Эту мысль развивала в своих трудах В.Н.Телия, отмечавшая, что «языки отличаются не только грамматикой и лексиконом (лексическими и фразеологическими единицами), но еще и национально-культурной спецификой членения мира – выделения в нем существенных для данного народа и его экологической сферы элементов, свойств и явлений...» [5, 103].

Таким образом, под национально маркированной номинацией языка как процессом наименования понимаются специфические черты данного языка, не характерные для системы номинирования реалий в других языках, которые формируются в системе ценностей и традиций конкретной лингвокультурной общности. В первую очередь, это группы слов, отражающих внешние реалии русского быта, традиции, обычаи, а именно:

- слова, называющие помещения (*горница, светёлка, гостиная, балаган, хоромы, богадельня*); одежду, обувь (*сюртук, кокошник, кацавейка, балахон, телогрейка*); предметы быта (*коник, ручомойник, светец, ларец, авоська*); средства передвижения (*кибитка, возок, дровни*); людей (*дворецкий, стольник, урядник, кулак*); а также:

- фразеологизмы и устойчивые выражения, связанные с народным ремеслом (*вить веревки; бить баклуши; доводить до белого каления*); с бытом и обычаями русского народа (*спустя рукава, перебиваться с хлеба на воду*); с историей отечественной книжности, традиционной русской грамотности (*азбучная истина*); с русской денежной системой (*ни копейки; влететь в копеечку*); с русской традиционной мерой (*коломенская верста; за семь верст киселя хлебать*); с русским застольем (*тертый калач, печь как блины*) и др.

Обозначение содержательных границ данного языкового континуума «Единицы языка с национально-культурным компонентом значения», установление внутрисистемных отношений на сегодняшний день все еще остается актуальной проблемой. На наш взгляд, тематические лексические комплексы, квалифицируемые как «единицы языка с национально-культурным компонентом значения», могут быть сгруппированы следующим образом:

- безэквивалентные слова и устойчивые выражения;
- диалектизмы и регионализмы;
- названия этнографических реалий, некоторых природных явлений, приметы;
- названия явлений и фактов национальной культуры, быта;
- названия реалий, отражающих административно-территориальное устройство, локализмы, топонимы, микротопонимы;
- историзмы и названия исторических событий;
- все типы антропонимов;
- мифонимы, названия и обозначения религиозной культуры;

- термины родства;
- слова, репрезентирующие концепты русской и мировой культуры;
- фразеологизмы, образные выражения, поговорки и пословицы, большинство прецедентных текстов и прецедентных имен;
- элементы и формулы русского речевого этикета и др. [4, 62].

Бунинские произведения представляют собой неисчерпаемый объект для лингвокультурологических исследований. Писателя невозможно по-настоящему понять без ясного представления о некоторых особенностях его мироощущения, без учета сильного воздействия на него окружающей среды. Феномен Бунина – это порождение русской усадебной дворянской культуры средней черноземной полосы, где, по словам известного русского философа И. А. Ильина, «сложилась эта своеобразная духовная атмосфера – независимого творческого созерцания, дерзающего по-своему видеть и честно выговаривать узренное, не считаясь ни с чем, кроме личной религиозной, художественной или познавательной совести...» [2, 27]. Бунин всегда остро ощущал свою «генетическую связь с Россией, с жизнью и бытом ее народа, неброской прелестью родных мест, многовековыми культурными традициями, богатейшим русским языком, народным поэтическим творчеством» [1, 8], изображал в своих произведениях то, что знал «досконально, изнутри» [3, 71].

Изучению творчества И.А. Бунина уделяется достаточно пристальное внимание, особенно в последние десятилетия (среди исследователей представлены и белгородские буниноведы Г.М. Благасова, Е.А. Ширина, Е.Н. Семькина, В.А.Черкасов и др.); однако работ, связанных с системным изучением лексики с национально-культурной спецификой значения, обозначающих реалии русской культуры и создающих мощный культурный фон бунинских текстов, немного (назовем работы Э.М. Левиной, И.М. Курносковой и др.).

Между тем тексты Бунина хранят большой объем национально маркированной лексики, что еще раз подтверждает глубокую органическую связь писателя с Россией, ее национальной культурой. Память сердца, память о Родине в течение всей жизни питала его творческое воображение. Писатель был «наполнен» Россией, все его произведения имеют в своем составе единицы языка с национально-культурным компонентом значения. Это безэквивалентные слова (*б́рага, самовáр, д́еготь*), диалектизмы (*дрóбный, бурóвить, жалковáть*), названия явлений национальной культуры, быта (*самовар, сундук, прялка*), топонимы (*Суходол, Дурновка*), термины родства (*шурин, свекровь*), фразеологические единицы (*бог даст, куры не клюют, хоть в гроб клади*), приметы (*много тенетника на бабье лето – осень ядреная*) и др.

Не касаясь подробно характеристики каждой из групп, обратимся к рассмотрению лишь некоторых из них (в частности, диалектизмов, топонимов и антропонимов).

Диалектные слова присутствуют как в речи героев («*Мы, бывалыча, так-то все ночи напролет прогуливали...*»); так и в авторской речи («*Мы садились на коник, раскрывали окно...*»).

Диалектная лексика, извлеченная из произведений, достаточно разнообразна в частеречном отношении: существительные (*шлык, выгон, трус, татарка, суровец, плахта, налевашиник, мотня, коник, калач, жбан*); глаголы (*выкомариать, допрáвить, жалковáть, жундéть, пристрýть, окоротíть, начередíть*); прилагательные (*будылястый, дрóбный, комóлый, яровíтый, немину́чий*); наречия (*ду́ром*).

Богаче всего представлена лексика, связанная с домашним бытом крестьян: обстановка и утварь (*коник* – в крестьянских избах скамья с находящимся под ней ящиком, *жбан* – деревянный закрытый бочонок с отверстием или краном для питья), одежда и ее части (*шлык* – высокий головной убор русских замужних крестьянок – платок, обвитый вокруг головы, *мотня* – место соединения в шагу половинок брюк, *плахта* – вид юбки – четырехугольный кусок материи, обертываемый вокруг пояса), еда, пища (*налевашиник* – жареный пирожок с начинкой в одном углу, *суровец* – квас, приготовленный из муки) и т.д. Интерес представляет группа глаголов, хотя и не столь разнообразная как перечисленные выше существительные, в тематическом отношении: обнаружены в основном лексемы, называющие особенности поведения и состояния человека (*выкомаривать* – делать что-либо необычное, странное, паясничать, балагурить, *жалковáть* – печалиться, горевать, *начередíть* – натворить что-либо, напроказничать, *жундéть* – надоедливо жужжать; надоедать) и др.

Приведем конкретные контекстные примеры из повести «Суходол», подтверждающие органичность национально-маркированной лексики в бунинских текстах. Подобраны они с опорой на «Словарь диалектизмов художественных произведений И.А. Бунина» И.М. Курносовой [3, 70-107].

Будылястый. С длинными ногами. Герваська *будылястый*, очень широкий в плоской костлявой груди...

Бывалыча. Бывало. Мы, *бывалыча*, так-то все ночи напролет прогуливали... **Выгон.** Участок земли, куда выпускают скот. Этот же участок служит местом для ярмарок, праздничных игр деревенской молодежи. А за двором расстилался бесконечный *выгон* и широко раскидывалась барская деревня...

Жалковáть. Печалиться, горевать. Я иной раз по отцу-матери не *жалкую* так-то, как по хохлам своим...

Налевашиник. Жареный пирожок с начинкой в одном углу. Все сбились с ног, готовясь к празднику... боясь, что не застынет желе, что не хватит вилок, что пережарятся *налевашиники*...

Очеретёный. Камышовый; покрытый камышом. Одна хата хохлацкая чего стоила – ее белизна, ее гладкая *очеретёная* крыша.

Трус. Кролик. В прадедовской бане с провалившимся потолком... жили белые трусы... [по З, 75-99].

Отдельного исследования заслуживают имена собственные в художественных текстах русских классиков. В последние десятилетия усилился интерес к исследованию ономастической лексики. Доказательством тому могут служить многочисленные справочники по топонимике, антропонимические словари. В текстах Ивана Бунина имена собственные встречаются довольно часто. Это названия стран (*Россия, Индия*), топонимы (*Крутые Горы, Чермашиное, Воронеж* и др.), названия ресторанов и гостиниц (рестораны «*Яр*», «*Эрмитаж*» и др., гостиницы «*Мадрид*», «*Метрополь*»), названия рек (*Каменка, Нил, Сена* и др.), названия храмов, монастырей, явлений религиозной культуры (*Архангельский собор, Зачатьевский монастырь, Петров день, Святки* и др.), названия журналов («*Нива*»), названия произведений искусства («*Лунная соната*» *Бетховена*) и др.

Ключевым для исследования бунинских текстов является топоним *Суходол*. Суходол – село в России, в Краснинском районе Липецкой области. Название селу дано по его местоположению в суходоле (суходол – большая балка с широким плоским дном и плоскими склонами, без постоянного водотока): «Для нас *Суходол* был только поэтическим памятником былого». Суходол как название повести и ключевое слово произведения – не просто топоним, это мощный художественный образ, который не в последнюю очередь создается национальной и региональной маркированностью языковой единицы.

Рассмотрение текстов И.А. Бунина с точки зрения представленности в них национально-маркированных слов и выражений актуально как для развития лингвистики и лингвокультурологии, так и обновления методик литературоведческого анализа.

Примечания

1. Благасова, Г.М. Иван Бунин: Жизнь. Творчество. Проблемы метода и поэтики: учебное пособие / Г.М. Благасова. М.; Белгород: Изд-во БелГУ, 2001. 232 с.
2. Ильин, И. О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин. Ремизов. Шмелев / И. Ильин. М., 1991. 216 с.
3. Курносова, И.М. Словарь диалектизмов художественных произведений И. А. Бунина / И.М. Курносова // Лингвистическое отечествоведение: кол. монография. Том 2. Елец: Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина, 2001. С. 70-107.
4. Новикова, Т.Ф. Культурологический подход к преподаванию русского языка в аспекте регионализации образования: монография / Т.Ф. Новикова. Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. – 296 с.
5. Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. М., 1986. 144 с.
6. Шанский, Н. М. О национально-маркированной номинации в русском языке / Н.М. Шанский, Т.А. Боброва // Русский язык в школе. 1997. № 6. С. 79 – 83.

СЕРГЕЙ БОГАТИКОВ – ГЕРОЙ РОССИИ В ДВАДЦАТЬ ЛЕТ

Статья раскрывает факты биографии ельчанина Сергея Богатикова, исполнившего свой воинский долг в Чеченской республике и республике Дагестан. За воинские заслуги он был удостоен звания «Герой России».

Ключевые слова: Елец, воинский долг, герой России.

Мы родились и выросли в мирное время. Не слышали воя сирен, извещавших о воздушной тревоге, не видели разрушенных фашистскими бомбами домов, не знаем, что такое голод, не можем представить, что человеческую жизнь оборвать так же просто, как утренний сон. Окопы и траншеи видели только в кино. Но, несмотря на это, нашему поколению интересно всё, что связано с историей Родины. Особенно занимает то, что связано с военными событиями.

Памятный знак, расположенный на стене нашего учебного заведения, всегда привлекает внимание мальчишек и девчонок. Эта мемориальная доска была открыта в моём родном лицее № 5 в сентябре 2009 года, в канун Дня города Ельца – ГОРОДА ВОИНСКОЙ СЛАВЫ.

Этот памятный знак вновь и вновь будет напоминать нам о войне, о гибели людей, о материнском, человеческом горе. Эта мемориальная доска была открыта в память выпускника нашего лицея Богатикова Сергея Николаевича, исполнившего свой воинский долг в Чеченской республике и республике Дагестан.

Родился Сергей Богатиков 8 января 1980 года в обычной семье. Его мама, Богатикова Ольга Валерьевна, работала тальщицей на трикотажной фабрике, а отец, Николай Викторович, – на железной дороге. Родители разошлись, когда Сергею исполнилось всего восемь месяцев. Уход мальчика стал заниматься отчим, Чернокожих Алексей Дмитриевич. Сергей рос очень спокойным ребёнком. Много внимания и любви он получил от своей бабушки, с которой был близок до самой её смерти в 2000 году.

В то время каждый год проходили демонстрации, посвящённые празднику 1 Мая. Ольга Валерьевна вместе с другими работниками трикотажной фабрики всегда принимала участие в них. Сергей ждал этого собы-

тия с нетерпением. Он не просто шёл вместе с матерью, а обязательно нёс флаг с гордо поднятой головой. Было видно, что от этого шествия он получает огромное удовольствие.

Может быть, уже в это время у Сергея происходило становление личности? Тогда об этом ещё никто не задумывался. Но то, что он как-то особенно относился не только к родным, но и к Родине, не подлежит сомнению.

В 1987 году Сергей стал учеником СОШ №5. С первых лет обучения в школе он не выделялся отличной учёбой, но среди друзей имел непререкаемый авторитет и своё мнение на всё происходящее.

Классный руководитель Сергея Калмановская Светлана Витальевна рассказала о нём интересную историю: мальчишки этого класса были очень шустрými и не отличались примерным поведением. Летом в школе был ремонт. Уже скоро Первое сентября, а линолеум для школьного коридора только привезли. Стелить его некому. Откуда Сергей узнал об этой ситуации, и сегодня остаётся для Светланы Витальевны вопросом. Но на следующий день её ученики во главе с Сергеем Богатиковым предстали перед директором с инструментами и просьбой самостоятельно прибить линолеум. Альтернативы не было. Решили разрешить ребятам попробовать свои силы, но на хороший результат никто не надеялся. Каково же было удивление всех, когда работа, выполненная ребятами, оказалась безупречной! Как выяснилось позже, инициатором этого был Сергей. С раннего детства Сергей Богатиков умел вести за собой, ему верили безоговорочно друзья, и он никогда не подводил их.

Закончив девять классов, Сергей становится студентом Елецкого машиностроительного техникума. В этот период в жизни Сергея появляется заветная мечта: он хочет проходить службу в армии только в войсках ВДВ. Парень чётко идёт к поставленной цели. Он готовит себя к службе в этих войсках. Призыв в армию выпал на пятницу 13 ноября 1998 года, а призывник только подшучивал: «Глупо верить в приметы. На исходе двадцатый век».

А когда Сергей узнал, что он приписан в ВДВ, радости его не было предела. Начал проходить службу он в городе Наро-Фоминске. Всё нравилось Сергею, особенно прыжки с парашютом. Это доказывают письма, присланные домой. Но больше в них поражает даже не это. Каждое его письмо начинается одинаково: «Здравствуйте, мои дорогие мама, папа, Лидушка, бабуля и дедушка». Так мог обращаться к близким только человек с большим сердцем. В каждом письме повторяются одни и те же слова: « У меня всё хорошо. Не волнуйтесь!» А конец каждого письма просто приводит в умиление: «Я вас очень люблю!!!» Всегда именно три восклицательных знака, а слово «очень» подчёркнуто тремя чертами. Человек, так любящий своих родных, не может не любить Родину!

О том, что Сергей по собственному желанию решил поехать служить в Дагестан, его родные узнали спустя три месяца из его письма. Он своё решение объяснил им так: «Заработаю денег, помогу семье». И только зная его натуру, понимаешь, что не только это руководило им.

О службе в горячей точке он ничего не писал, а о подвиге, который совершил Сергей, родные узнали из телевизионной программы. Ольга Валерьевна вспоминает:

Как обычно, в 21 час мы включили программу «Время». Начинается передача, и вдруг вижу на экране лицо моего любимого сыночка. В глазах потемнело. Ничего не понимаю. Стараюсь напрячь слух и зрение, но мало что понимаю. Уловила только одно: Сергей в Дагестане совершил какой-то подвиг, он жив. «Он жив, жив!» – только это было в моей голове. Телефон разрывается, звонят родственники и друзья, все спрашивают, что произошло, а я не знаю, что ответить им, потому что сама ничего не знаю. Самое интересное, что за день до этого получила письмо от сына, а там привычное: «У меня всё хорошо! Я вас люблю!»

Батальон 119 гвардейского парашютно-десантного полка 106 гвардейской воздушно-десантной дивизии, где Сергей проходил срочную службу, был дислоцирован в относительно спокойной республике Дагестан.

Свой первый бой гвардии старший сержант Богатиков, временно исполнявший тогда обязанности командира, запомнил на всю жизнь. Взвод, состоявший из двадцати одного необстрелянного солдата, напоролся на засаду, как говорят в таких случаях, многократно превосходящих сил противника. Около сотни вооруженных до зубов боевиков окружили десантников в горной расщелине и открыли огонь на поражение. Гибель наших солдат казалась неминуемой, но произошло чудо. Через пять часов боя, прорвав кольцо окружения, Сергей вывел взвод к

своим и не потерял при этом ни одного солдата! Все остались живы – никто не был ранен!

За этот бой старший сержант Богатиков был представлен к званию Героя России. Указ о присвоении высокого звания был подписан ещё Б.Н. Ельциным, бывшим президентом России, а получил «Золотую Звезду» Героя Сергей уже из рук следующего президента – В.В.Путина.

Говорят, чудес не бывает. И вот тут сам собой напрашивается вопрос: каждый смог бы сделать то, что сделал Сергей?

Такой поступок может совершить только настоящий командир, настоящий человек, который любит свою Родину, ценит и уважает людей, находящихся рядом, умеет в короткое время принимать единственно правильное решение. Но не только это характеризует Сергея. Ему поверили двадцать солдат, они пошли за ним! Вот это уже настоящая характеристика человека.

Из писем, которые приходили позже, мать так и не получила никакой информации от сына о событиях в Дагестане, хотя очень просила его об этом. Сергей всякий раз писал: «Ничего серьезного. Так поступил бы каждый».

Это много говорит о человеке. Каким скромным и застенчивым надо быть, чтобы не написать даже самому близкому человеку, своей матери, о подвиге, не постараться сделать так, чтобы тобой гордились. А ему это, наверное, было и не нужно, что доказывает и заметка в газете «Красное знамя» от 29 апреля 2000 года. Автор В. Голубев просит прощения у читателей за то, что не может подробно описать события того боя, потому что «слова из Сергея приходилось буквально вытягивать». Сфотографироваться его тоже приходилось уговаривать. В. Голубев в этой публикации приходит к выводу, что не испортило бремя славы простого русского парня, Героя России в двадцать лет. Действительно, для него тот поступок – это норма жизни, а не героизм.

Из воспоминаний Ольги Валерьевны, мамы Сергея: 23 февраля 2000 года встала как обычно, хлопочу по дому. В обед все собрались за столом, подняли тост за благополучное возвращение Сергея. Вдруг телефонный звонок. Слышу голос подруги, которая спрашивает: «Смотришь телевизор? Там Путин твоему Серёге орден вручает!» Ноги сделались ватными, ничего не понимаю, не верю своим ушам. Кладу трубку, начинаю понемногу соображать. Получается, что сын в Москве, а там у нас только одни родственники. Звоню им, сестра говорит, что Сергея у них нет. Я подумала, что моя подруга просто ошиблась или что-то напутала. Через полчаса снова звонок. Беру трубку, снова слышу голос сестры из Москвы: «Сейчас с тобой будет говорить сын!» В трубке до боли знакомый голос Сергея.

«Мамочка, привет, как дела?» – спрашивает он. «У нас все хорошо. Как у тебя? Почему ты в Москве?» – спрашиваю я. «Буду дома, тогда всё расскажу», – отвечает он. Потом сын спросил про сестру, бабушку, отца, а о себе не рассказал совсем ничего.

Самое интересное, что никакой информации о его подвиге от него самого мы так и не узнали. Приехал, показал орден, фотографию с Путиным, и больше ни слова.

Каким сильным должен быть человек, чтобы держать всё это в себе! Каким любящим сыном, чтобы не травмировать свою мать! Как сильно должно быть развито чувство любви к людям и Родине!

Мирная жизнь Сергея почти ничем не отличалась от многих других, если не считать, что он встречался с призывниками в военкомате, помогал ребятам, которые вернулись из Чечни, получать квартиры и положенные им льготы. Но одно было странно в его поведении: каждый год 22 сентября он уезжал из дома на несколько дней, никогда не говоря, куда едет. Об этих поездках мать узнала незадолго до смерти Сергея. Оказывается, в Задонске живут приёмные родители командира Сергея. Того самого Михаила, которого заменил Сергей Богатиков в бою в Дагестане. 22 сентября – это день смерти Михаила. Именно в этот день Сергей всегда приезжал к родителям погибшего друга, помогал им материально.

Сергей Богатиков умер 30 июля 2006 года. Последние дни своей жизни он провёл в больнице. Мама, сестра были всё время рядом. Но самое интересное, как мне кажется, – то, что рядом с ним всегда были его друзья. В последний день жизни в палате Сергея собралось около сорока человек. Наверное, это является доказательством того, что, если человек совершает великодушные поступки, добро всегда возвращается и к нему.

Сергей Богатиков всегда останется в памяти родных, друзей, всех жителей Ельца. И это не только потому, что он Герой России, а потому, что он был настоящим человеком. Не все эпизоды его жизни сегодня могут вспомнить его родные, друзья, учителя, но даже те, которые мне удалось узнать, доказывают, что Сергей Богатиков был достойным человеком. Тот геройский поступок, совершённый им в Дагестане, не импульсивный, а осознанный. Все эпизоды из его жизни доказывают, что Сергей всегда умел принимать правильные решения, вести за собой, не боясь ответственности, не боясь трудностей.

Именно такой человек смог совершить подвиг и стать Героем России.

ПЕЧАТЬ КУРДИСТАНА О ПРОБЛЕМАХ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В статье рассматриваются проблемы национальной идентичности, нашедшие отражение на страницах печати Курдистана. Отмечается тематическое многообразие проанализированных материалов, затрагивающих вопросы истории, традиций, обычаев, языков и культуры народов Курдистана - всего, что лежит в основе национального самосознания.

Ключевые слова: национальная идентичность, Курдистан, печать.

В каждой стране существуют свои национальные традиции и обычаи. Исследователь Г.Т. Тавадов, замечает: «Национальное – неизбежная форма и неизбежный продукт общественного развития, одна из сторон каждой сферы общественной жизни: экономической, социальной, политической, духовной, языка и культуры, сознания и психологии, морали, быта, традиций. «Национальное», «национальный», «национальная» - производные от термина «нация». Материальные и духовные богатства народов, их социально-политическая и идейно-культурная жизнь, национальные особенности складываются из специфического, созданного непосредственно ими, и из заимствований от других наций. В национальном есть и национально-специфическое, и интернациональное, а часто еще шире – общечеловеческое» [1].

Развитие информационных технологий XXI века способствует активной межнациональной коммуникации, которая включает в себя не только политические, экономические и социальные контакты элиты, но и национальные особенности коммуникативного процесса. Изучая тенденции в развитии мировых отношений, сохранения национальных особенностей народов, исследователи справедливо отмечают: «Сегодня современный мир определяется глобализационными и интеграционными тенденциями, которые охватили все без исключения сферы его жизни. Естественно, что закономерной характеристикой XXI века является поиск универсальной модели развития общества, позволяющего гармонично сочетать знания и высокоэффективные технологии, традиции и инновации, национальные особенности и глобальные тенденции» [4]. В современном мире СМИ являются одним из важнейших способов позиционирования значимости проблем идентификации разных народов, сохранения и укрепления национальных особенностей в условиях растущей глобализации. Отсюда проистекает актуальность нашего исследования, касающегося освещения

различных сторон национальных особенностей на страницах печати Курдистана.

В настоящее время в Курдистане издается около 818 газет и журналов, хотя не все они официально аккредитованы (данные на декабрь 2015 г.). Мониторинговый период включает последнее четырехлетие (2013-2016 гг.). Для анализа отобрано более 800 материалов, в которых освещались различные аспекты национальной идентичности.

На страницах печати Курдистана часто встречающимися являются публикации, связанные с национальными языками, их особенностями, древней историей, обычаями и культурами народов Курдистана.

Курдский язык, относящийся к индоевропейским группе, распространен в основном в историческом районе Курдистана, разделенного между Турцией, Ираком, Сирией и Ираном. Общее число говорящих на курдском языке составляет более 20 млн. человек.

Курдский язык представлен многочисленными диалектами. По одной из существующих классификаций, диалекты делятся на две большие группы: северную – курманджи и южную – сорани. Имеется два варианта литературного языка: в Ираке на основе сорани и в Армении на основе курманджи. СМИ публикуют статьи, которые ратуют за поддержание курдского языка, сохранение его особенностей на всех территориях Курдистана. Например, в одном из материалов отмечается: «Начиная с этого года азербайджанский и курдский языки будут преподаваться в вузах Ирана. Об этом сообщил представитель национальной организации тестирования образования Ирана (National Organization for Educational Testing), передает агентство IRNA. Курдские языки – группа языков курдского народа, одна из групп индоевропейский северозападной подгруппы иранских языков в составе индоевропейской языковой семьи. Распространены в регионе, неофициально называемом Курдистан. Различия в фонетике и корневом составе между ними незначительны, однако имеются значительные различия в морфологии, поэтому взаимопонимание между носителями указанных языков почти полностью утрачено. Это связано с морфологической перестройкой, которой подверглись в Средние века большинство иранских языков» («Kurdstani nwe», 14 августа 2016 г. № 7044)

Размышляя о проблеме курдского языка в качестве официального, автор обращается к историческим фактам, сопоставляет их и приходит к выводу о том, что курдский язык был исконным языком, его знали все представители курдского народа. Показательно, что в настоящее время, курдский язык предлагают сделать официальным в Иране.

Наиболее важным компонентом национальной идентичности являются традиционные фестивали, о которых достаточно подробно рассказывают авторы публикаций газет и журналов. Прежде всего, большое внимание уделяется одному из самых популярных праздников - «Навруз» или «Новруз» (равноденствие). Авторы материалов неизменно обращаются к

истории праздника и знакомят читателей с традициями, уходящими корнями в далекое прошлое. Истоки Навруза связаны с именем основателя религии зороастризма, пророком Заратустра, а также с культом огня и Солнца. Наиболее древний источник, где упоминается этот праздник, священное писание зороастризма Авеста. Именно в нем говорится о том, что весной необходимо отмечать появление жизни.

Праздник Навруз-байрам связывается и с правлением шаха Джамшида. Этого легендарного правителя стихотворцы воспели в поэме «Шахнаме». Считается также, что именно в этот день похоронили героя Сиявуша, убитого туранцем Афрасиябом. С ним связано начало ежегодного празднования Навруза, который торжественно отмечается в Курдистане двадцать первого марта. Это день весеннего равноденствия. Кроме того, по астрономическому солнечному календарю, который официально используется в Курдистане, Навруз является первым днем в наступившем новом году.

Этот праздник имеет свои традиционные символы: по существующей традиции, перед Новым годом устраивается огненный фестиваль. Проходит он довольно необычно. В последний вторник уходящего года после захода солнца на улицах разжигают костры. Через огонь, по традиции, прыгают все – дети и взрослые. Во время празднования на столе должны быть вазы с цветами и свечи, зеркала и фрукты, а также разнообразные блюда, например, плов. По существующей традиции, во время празднования Нового года поминают умерших, а в первые дни Навруза посещают друзей и родителей.

Один из журналистов пишет: «Более миллиона людей собрались сегодня в городе Амед столицы Курдистана для того, чтобы встретить Навруз, праздник весны и наступления нового астрономического года. Это главный праздник для курдов всего мира. Он не только знаменует наступление весны и начало новой жизни, он овеян множеством славных событий в истории нашего народа. Надежды курдов всех частей Курдистана связаны с Наурузом. Мы надеемся на счастливые перемены, которые наступят с этим праздником» («Kurdstani nwe», 20 марта 2015 г. 6634). Подобная информация, на наш взгляд, крайне важна для читателей, так как воспитывает чувство гордости за свой народ, сопричастности с его древней историей и культурой.

Немало интересного можно узнать из печати о праздниках новой истории Курдистана. Так, большое внимание уделяется датам, связанным с восстанием, произошедшем в 1991 году.

Журналисты часто рассказывают читателям о курдских партиях, объединившихся в 1987 году в «Национальный фронт Иракского Курдистана», и о том, как они шли к победе. Массовое восстание в Курдистане началось 5 марта, а уже 7 марта была освобождена Сулеймания, 11 марта – Эрбиль, 13 марта – Дахук. С освобождением Киркука (20 марта) пешмерга

контролировали уже весь этнический Курдистан. В это же год произошли выборы в «Национальную Ассамблею», которая учредила праздник Дня освобождения Курдистана – 4-5 марта.

В эти дни люди надевают национальную одежду и собираются на улицах для того, чтобы выразить свое мнение, поделиться сладким, как символом «создания Свободного Курдистана». В одном из материалов читаем: «4-5 марта в Курдистане объявлены праздничными днями в память восстания 1991 года, которое в конечном итоге привело к объявлению "зоны безопасности" и созданию Свободного Курдистана. Восстание против режима Саддама Хусейна началось 5 марта 1991 года в городе Рания под воздействием победы международной коалиции над Ираком в ходе первой Войны в Заливе. В течение двух недель восставшие овладели всем Иракским Курдистаном» («Kurdstani nwe», 5 марта 2015 г. № 6621)

На страницах печати Курдистана активно обсуждаются проблемы сохранения культурного наследия страны как основы национальной идентичности.

Но свобода по-прежнему главный смысл ожиданий всего курдского народа. Стремление курдов к свободе и независимости в течение многих лет как в зеркале было отражено курдской периодической печатью. Поэтому тему свободного Курдистана можно встретить во всех журналах и газетах, издающихся как на родине, так и за ее пределами.

Одной из характерных особенностей подачи материала является общий подход: события рассматриваются с точки зрения единого Курдистана. Поэтому в СМИ не принято говорить, что события произошли в Иране, Ираке, Турции или Сирии. Обычно отмечается, что событие связано с южной, западной, восточной, северной частью Курдистана. К примеру, в одном из материалов читаем: «Иранское правительство недавно возобновило полуофициальные границы между севером и югом Курдистана. Как сообщает предприниматель Гаджи Омаран, его компания использовала для перевозки грузов из Курдистана в Иран многие контрольно-пропускные пункты, но сейчас некоторые из них запрещены Ираном, и торговцы должны были вернуть грузы в южный Курдистан» (Hawler, 15 май 2016 г. №, 2369)

Проанализированные материалы позволяют сделать вывод о том, что газеты и журналы Курдистана уделяют серьезное внимание вопросам национально-культурной идентичности, публикуют различные материалы, связанные с историей, традициями, обычаями, языками, литературой и культурой народов. Весь массив духовной составляющей национальной идентичности Курдистана находит освещение на страницах печати.

Примечания

1. Тавадов, Г.Т. Этнология: учебник. М.: Проект, 2004. С.352, с. 272-266.

2. Рахматуллаева М.А. Образовательная стратегия Таджикистана в условиях трансформации общества // Ученые записки ХГУ им. академик Б. Гафурова. 2014. №2 (39). С. 199 – 209.

3. Газета «Kurdstani nwe» 2013-2016 гг. Веб сайт: [http://www.knwe.org / Zaniari.aspx?Jimare=1](http://www.knwe.org/Zaniari.aspx?Jimare=1)

4. Газета «Hawler» 2013-2016 гг. Веб сайт: <http://www.hawler.in/archive-hawler.htm>

Н.Н. Саппа
Украина, Харьков

ИВАН БУНИН И ХАРЬКОВ: КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье с краеведческих позиций рассматриваются поездки И. А. Бунина в г. Харьков в 1889 году. Целью работы является представление некоторых обстоятельств, связанных с его пребыванием в Харькове, и характеристика местной интеллигенции, окружавшей молодого писателя в то время, что оказало определённое влияние на развитие его как личности. Приводится ряд краеведческих фактов, связанных с Харьковом, ранее не рассматриваемых в буниноведении.

***Ключевые слова:** Иван Бунин, Юлий Бунин, Общественная библиотека, Украина, революционеры-народники, Пащенко, Бибиков, путешествия.*

Творческий путь писателя – это, по сути, повествование о его путешествии по жизни: о мыслях и чувствах, что появлялись в этом путешествии, рассказы о разных событиях на его жизненном пути, о городах и людях, с которыми он встречался, осмысление и творческое описание пережитого в жизни. Немало среди писателей было людей, влюблённых в путешествия. И неважно, где они путешествовали – пусть это владимирские просёлки В. Солоухина или военные дороги Э. Хемингуэя – их повествования полны обостренного внимания к прошлому и настоящему, любви к людям, к жизни, к её временному и пространственному разнообразию.

Среди известных писателей-путешественников достойное место занимает и Иван Алексеевич Бунин. Он побывал во многих странах на разных континентах, его впечатления и размышления, связанные с увиденным, отражены в его произведениях. Но первой на этом пути писателя была Украина. В 1889 – 1897 годах И. Бунин жил в Харькове и Полтаве, много путешествовал по украинским землям. «Я в те годы был влюблен в Малороссию, в ее села и степи, жадно искал сближения с ее народом, жадно слушал песни», – вспоминал он на Капри в 1913 г. (рассказ «Лирник»).

Это чувство писатель пронёс через всю свою творческую жизнь, неоднократно возвращаясь к своим украинским впечатлениям [10]. Елецкий

исследователь Л. Юрченко отмечала, что многие ранние рассказы И. Бунина «украинской» тематики большей частью вошли в состав романа «Жизнь Арсеньева», написанного в 1927 г. в эмиграции. Она пишет: «В «Жизни Арсеньева» Бунин показывает Украину почти сказочной, в описаниях природы заметны проявления традиций романтизма. Ее картины скуповатый на эпитеты Бунин рисует яркими красками, создает поэтический, живописный мир. Пейзажные зарисовки в романе многолики, обильно наполнены звуками, запахами. Романтизированный природный колорит создает атмосферу лирической взволнованности и приподнятости. Земля Украины предстает роскошной страной, где все превосходит обычные размеры. Описания пестрят определениями типа: необозримые (просторы), великий и богатый (край). Пейзажные зарисовки отмечены не только силой подробностей, но и подчеркнутой поэтичностью, богатством тропов. Фразы открыто передают авторский восторг» [16, 14].

А началась любовь к Украине в 1889 г. в Харькове, когда Иван Бунин – девятнадцатилетний юноша – попал в новый, практически неведомый для себя мир, известный ему только по рассказам брата Юлия. Именно в Харькове значительно расширяется спектр его чтения и, следовательно, его кругозор. Там же, в новом для него социальном окружении, Иван Бунин знакомится со взрослыми и в целом симпатичными ему людьми, взгляды и поведение которых были совершенно непохожи на то, что он видел прежде.

В. Н. Муромцева-Бунина написала: «За время пребывания в Харькове он очень изменился и физически, и умственно, и душевно. Он обогатился знаниями по украинскому вопросу, почувствовал и полюбил серьезную музыку, в спорах о литературе он глубже понял Толстого, Чехова» [9, 98]. Все эти перемены в жизни юноши, очевидно, и способствовали его решимости отправиться из Харькова в одиночку в своё первое путешествие, путешествие по Украине. Обратив внимание исследователей на краеведческие обстоятельства, среду пребывания Ивана Бунина в Харькове, повлиявшие на его мировоззрение, и является целью работы.

Прибыв в начале 1889 года в Харьков, Иван Бунин провел несколько месяцев у брата Юлия. Харьков поразил его настолько, что это впечатление он пронёс через всю свою жизнь. В. Н. Муромцева-Бунина так рассказывает о его приезде в город: «Его поразил воздух, еще более мягкий, чем в Орле, а главное – свет. Свет был гораздо сильнее, чем тот, к которому он привык. Он нанял извозчика и поехал к брату. Извозчики в Харькове были парные с глухарями бубенчиками. Они разговаривали друг с другом, к его удивлению, на «вы». Поразили его своей высотой безлистные тополя. <...> Харьков поразил его и великолепием магазинов, и высотой каменных домов, и огромностью площадей, и собором» [9, 93]. Это впечатление он запомнил надолго и отразил в романе «Жизнь Арсеньева».

Старший брат И. Бунина Юлий Алексеевич в студенческие годы был одним из руководителей чернопеределевского кружка в Москве, затем он за подпольную работу весной 1881 года был выслан в Харьков, где закончил курс физико-математического факультета в университете. В Харькове Юлий активно участвует в народническом движении: в подпольной типографии в Харькове издается написанная им в 1883 году под псевдонимом Алексеев брошюра «Несколько слов о прошлом русского социализма и задачах русской интеллигенции», он составляет «Проект организации народной партии» и другие революционные документы. В Харькове Ю. Бунин привлекался к следствию [8, 460 – 461]. Исследователь В. Власов, ссылаясь на документы из архива харьковской полиции, установил адрес Ю. Бунина в апреле 1889 года – в то время, когда к нему приезжал брат Иван: «Скрипницкая ул., в доме Панченко – № 12, 700. Мирского» [6, 118].

Заметим, что Скрипницкая улица и Скрипницкий переулок – старейшие улочки Харькова, ровесники города. Со времени его образования они в конце XVII – начале XVIII века были «дорогами жизни», по которым в Нагорный район – центр города подвозили воду из Белгородской криницы (располагалась на набережной р. Харьков в самом начале современной ул. Шевченко). Утверждают, что скрип телег водовозов разносился на всю округу, и поэтому эти улочки до начала XX века заслуженно именовались Скрыпницкими. Впоследствии Бунин в полуавтобиографическом романе «Жизнь Арсеньева» так отозвался об этой улице, где жил его герой: «В какой-то тихой улочке, идущей под гору, в каменном и грязном дворе, густо пахнущем каменным углем и еврейскими кухнями, в тесной квартирке какого-то многосемейного портного Блюмкина...» [4, 164]. Сейчас эта улица и переулок носят имя ак. В. П. Воробьева. Старый дом по ул. Воробьева 20 сохранился до настоящих пор.

В. Н. Муромцева-Бунина пишет, что И. Бунин в Харькове времени зря не терял: «По утрам проводил несколько часов в библиотеке, где стал знакомиться и с литературой по украиноведению, читал и перечитывал Шевченко, от которого пришел в восхищение, но больше всего его увлекало «Слово о полку Игореве», которое он изучал. Оценив «несказанную красоту» этого произведения, решил побывать во всех местах, где происходила эта поэма. Многие он запомнил наизусть и часто читал целые куски Юлию, когда они после обеда отдыхали в их каморке, особенно восхищаясь «Плачем Ярославны». Размышлял и о «Думах» Драгоманова» [9, 97]. В то время Общественная библиотека (сейчас это крупнейшая в Украине Государственная библиотека им. В. Г. Короленко), которую посещал И. Бунин, размещалась в нескольких комнатах дома купца Ломакина. Это было одно из наилучших в то время капитальных зданий Харькова, в нём при приезде в Харьков дважды останавливался император Александр I. (Сейчас этого здания нет, на его месте – пл. Конституции 10 – выстроенного многоэтажный дом).

В 1889 г. Юлий Бунин в Харькове поддерживал связи с местными кружками народников. В автобиографической заметке И. Бунин сообщал: «Брат Юлий переселился в Харьков. Весной 1889 года отправился и я туда и попал в кружки самых завзятых «радикалов», как выражались тогда...» [3, 260].

В. Н. Муромцева-Бунина пишет, что Иван Бунин легко вошёл в их среду: «...Его приняли с распростертыми объятиями, как своего, <...> полюбили, но он был юноша непокладистый, не скрывал своего отрицательного отношения к тому, что ему не нравилось, бросался в споры со всеми, несмотря на возраст и уважение, которое окружало того или другого человека. С некоторыми он подружился, в том числе с Босяцкими, присяжным поверенным и его женой Верой. Много позднее мы с Иваном Алексеви-чем один раз были у них в Москве; действительно, милые, умные, приятные люди. Сошелся с семьей Воронеж. <...> Все отнеслись к младшему, еще совсем желторотому брату Юлия очень приветливо, сразу приняли его в свою среду и говорили в его присутствии обо всем» [9, 94].

Упомянутый здесь Босяцкий – это, скорее всего, один из тех воронежских друзей Ю. Бунина, с которыми он жил в Москве, входивший в так называемый «воронежский», или «бунинский» кружок народников [6, 105]. В Био-библиографическом словаре «Деятели революционного движения в России» приведены сведения о бывшем студенте Московского университета Николае Ульяновиче Босяцком, арестованном за революционную пропаганду в 1878 г. и высланном затем из Москвы в Архангельскую губернию [13, 138].

В основном в компании брата были люди старше И. Бунина лет на 10 – 15, хорошо образованные, много пережившие и, что, наверное, было немаловажным для молодого Бунина, большей частью из дворянского сословия. В этой среде, как пишет В. Н. Муромцева-Бунина, «...кое-что его раздражало, но многое было приятно. Он уже полюбил некоторых...» [9, 97]. А. К. Бабореко в примечаниях к первой публикации её книги называет имена народников, бывших в то время в окружении Юлия Бунина, общавшихся с И. Буниным и оказавших на него определённое влияние: «Эммануил Дмитриевич Воронеж — искусствовед. В конце 1880-х гг. жил в Харькове и входил в народнический кружок, членами которого были Ю. А. Бунин, железнодорожный служащий Федор Александрович Ребинин, отбывший ссылку в Вятской губернии, Василий Павлович Лепешинский (дядя балерины Ольги Васильевны Лепешинской), а также Литошенко и Позен (сведения о них найти не удалось). В кружке бывал И. А. Бунин, приезжавший к брату в 1889 г.» [2, 220].

Расскажем о этих людях подробнее.

Э. Д. Воронеж – харьковский дворянин, был в 1878 г. признан политически неблагонадёжным и выслан в Олонецкую губернию. Спустя 3 года

его отправили на пятилетнее поселение в Западную Сибирь. Затем он вернулся в Харьков [13, 228].

Когда в следующий приезд в Харьков в ноябре 1889 г. И. Бунин заболел, то Воронцы взяли его к себе и выходили. После событий 1905 г. они эмигрировали в Италию и Бунины, путешествуя, встречались с ними в Неаполе [9, 107 – 108].

Во второй, ноябрьский приезд в 1889 г. И. Бунин жил в Харькове по другому адресу. Он сообщал родным: «Живем мы на квартире у одного знакомого. Адрес такой: Рубановский переулок, дом Булатникова, № 8, квартира Федора Алексеевича Ребинина, для передачи И. А. Бунину» [2, 28 – 29]. В настоящее время по этому адресу располагаются два очень старых жилых дома – одноэтажный и двухэтажный, возможно, оба принадлежали домовладельцу Булатникову. Интернет подсказывает, что от дома № 8 по Рубановскому переулку до железнодорожного вокзала и Управления железной дорогой, где, очевидно, и служил А. Ф. Ребинин, расстояние – 600 метров.

Однако в словаре «Деятели революционного движения в России» Федор Александрович Ребинин и Федор Алексеевич Ребинин не были обнаружены. Но указан Федор Алексеевич Рябинин, который обучался в Харьковском университете, был близок к харьковским революционным кругам. В 1879 г. он участвовал в организации освобождения политических заключённых, направляемых в Ново-Белгородский каторжный централ. Рябинин был арестован в Петербурге и вследствие политической неблагонадёжности и за хранение запрещённой литературы его выслали в Вятскую губернию. В 1882 году он вернулся в Европейскую Россию [15, 1380 – 1381].

О В. П. Лепешинском известно, что в 1875 г. он вместе с братом Андреем и другими добровольцами из Одессы и Киева отправились в Герцеговину, причем не только для того, чтобы помочь славянам освободиться от турецкого рабства, но и «с целью познакомиться поближе с условиями борьбы мелких партизанских отрядов с регулярными войсками и приобретенные там познания употребить с пользою в минуту народного восстания на родине» [12, 53]. Причём в Одессе, откуда отправлялись Лепешинские, вербовкой добровольцев в Сербию и Герцеговину руководил А. Желябов. В России В. П. Лепешинский был членом одесского революционного кружка (кличка «Василек»), примыкал к «южным бунтарям» и участвовал в освобождении из Киевской тюрьмы ряда революционеров. Был арестован в конце 1879 г., а в июле 1880 г. Одесским Военно-окружным судом был приговорён к 2-недельному тюремному заключению [14, 766]. Балерина Ольга Лепешинская с уважением относилась к своему деду и ставила ему в заслугу то, что он основал в своём именье школу и обучал в ней грамоте крестьянских детей [11].

Литошенко, упоминаемый А. К. Бабореко, – это, возможно, Литошенко Николай Абрамович из дворян Воронежской губернии – студент Технологического института, который в 1874 г. снабжал харьковские кружки запрещёнными изданиями и вёл пропаганду среди крестьян Воронежской губернии. В 1874 г. он был арестован в Харькове и находился в заключении. Обвинялся «в составлении противозаконного сообщества и участии в нём», но в 1878 г. был признан невиновным и выслан на родину в Воронеж под гласный надзор полиции [14, 791 – 792].

Тогда же, в ноябрьский приезд в Харьков в 1889 г., Иван Бунин побывал и в окрестностях города – в селе Малая Даниловка на берегу р. Лопань. Он ходил проведать своего друга Арсения Бибикова. В. Н. Муромцева-Бунина рассказывает об этом так: «В праздничные дни он ходил к Арсику, который учился в земледельческой школе под Харьковом. Замечательно: в подобные школы в стране земледельческой больше всего поступали ученики непреуспевающие. Арсик был юноша одаренный, у него оказался сильный голос, он удачно играл в любительских спектаклях, писал стихи, но учиться не хотел. Внешность у него была хорошая: высокий рост, красивый, татарского типа, брюнет. Он всегда провожал своего друга до самого города. Приходилось идти лесом, и его густой бас жутко звучал: «Восстаньте из гробов»... Иван Алексеевич вспоминал это и признавался, что ему бывало действительно не по себе в такие минуты...» [9, 107 – 108].

Если быть точным, то А. Бибилов обучался не в земледельческой школе, а в земледельческом училище. Харьковская Земледельческая школа была создана в 1855 г. на основе учебной земледельческой фермы, но через год школа уже приобрела статус училища. В 1878 г. училище было приравнено к разряду среднего учебного заведения со сроком учебы 5 лет и годом практики. Училище уже во время учёбы там Бибикова было окружено рукотворным лесом – преподаватели и ученики училища (в том числе и Бибилов) высаживали саженцы деревьев и ухаживали за ними, чтобы остановить подвижные пески, среди которых располагалось училище. Видимо, по этому лесу и шли Иван Бунин со своим другом. От земледельческого училища, где побывал И. Бунин, ведёт свою историю Харьковская Государственная Зооветеринарная Академия, расположенная сейчас на этом месте.

В заключение обратим внимание на письмо И. Бунина к брату Юлию от 28 августа 1890 г., где он упоминает Харьков. В письме, рассказывая брату о знакомстве с Варварой Пащенко, Иван Бунин пишет: «... Мать у ней тоже была актрисой, а отец прежде держал оперу в Харькове. Прожился и стал уже специально заниматься докторством» [5, 44 – 45]. Действительно, уездный елецкий врач Владимир Егорович Пащенко, в середине 70-х годов XIX в. жил в Харькове и вполне вероятно, что с ним в то время жила и его дочь Варвара Пащенко, первая жена И. Бунина. Примечательно, что её отец тогда прочно вошёл в историю харьковского театра: харьков-

ские хроники отмечают, что военный врач В. Е. Пащенко, был так увлечён оперным искусством, что в 1874 г. на свои деньги построил оперный, или, как его тогда называли, «лирический» театр. Это было большое деревянное сооружение с чугунными лестницами и четырёхъярусным залом на 935 человек (арх. Б. Г. Михаловский). Спустя год после открытия театра в связи со смертью антрепренёра труппы Ф. Г. Бергера антрепризу взял на себя В. Е. Пащенко, но уже в 1876 году «прогорел» [7, 80], его объявили несостоятельным должником [1]. В 1891 г. деревянное здание оперы сломали. Не исключено, что Иван Бунин видел это здание, проходя в 1889 году вдоль Лопанской набережной.

Примечания

1. Ар-монь. Харьковский театр // Утро (Харьков). 1912. 2 декабря.
2. Бабореко А. К. Предисловие и публикация: В. Н. Бунина. Беседы с памятью // Литературное наследство. 1973. Т. 84. Кн. 2. С. 159 – 220.
3. Бунин И. А. Автобиографическая заметка / Собр. соч. в 9-ти т., Т. 9. М.: Художественная литература, 1967. С. 253 – 266.
4. Бунин И. А. Жизнь Арсеньева / Собр. Соч. в 9-ти т., Т. 7. М.: Художественная литература, 1966. 339 с.
5. Бунин И. А. Письма 1885 – 1904 годов. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 767 с.
6. Власов В. Старший брат // «Собеседник»: Портреты. Этюды. Исторические повествования. Очерки. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1973. С. 102 – 127.
7. Дьяченко Н. Т. Улицы и площади Харькова. Харьков: Прапор, 1977. 272 с.
8. Клевенский М. М., Кушева Е. Н., Шилов А. А. Деятели революционного движения в России: Био-библиографический словарь: От предшественников декабристов до падения царизма. – М.: Всесоюз. Общество полит. Каторжан и ссыльно-поселенцев, 1927 – 1934. – Т. 3: Восьмидесятые годы: Вып. 1. 1933. 690 стб.
9. Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М.: Сов. Писатель, 1989. 512 с.
10. Саппа Н. «Я был влюблён в Малороссию...» // Красное знамя (Харьков). 1983. 27 марта.
11. Соломонов А. Ольга Лепешинская: «Я сказала Берии: если мой муж виноват – наказывайте, не виноват – выпускайте» // Известия. 2004. 9 апреля
12. Троицкий Н. А. Царские суды против революционной России. Политические процессы 1871. – 1880 гг. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1976. 386 с.
13. Шилов А. А., Карнаухова М. Г. Деятели революционного движения в России: Био-библиографический словарь: От предшественников декабристов до падения царизма. М.: Всесоюз. Общество полит. Каторжан и ссыльно-поселенцев, 1927 – 1934. Т. 2: Семидесятые годы: Вып. 1. 1929. 406 стб.
14. Шилов А. А., Карнаухова М. Г. Деятели революционного движения в России: Био-библиографический словарь: От предшественников декабристов до падения царизма. М.: Всесоюз. Общество полит. Каторжан и ссыльно-поселенцев, 1927 – 1934. Т. 2: Семидесятые годы: Вып. 2. 1930. Стб. 407 – 836.
15. Шилов А. А., Карнаухова М. Г. Деятели революционного движения в России: Био-библиографический словарь: От предшественников декабристов до падения

царизма. М.: Всесоюз. Общество полит. Каторжан и ссыльно-поселенцев, 1927 – 1934. Т. 2: Семидесятые годы: Вып. 3 – 1931. Стб. 837 – 1384.

16. Юрченко Л. Н. Диалектика образа Украины в творчестве И. А. Бунина: историко-культурный и структурно-поэтический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Елец, 2000. 17 с.

Т.М. Свиридова
Елец

А.М. СЕЛИЩЕВ – СОЗДАТЕЛЬ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ В ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

А.М. Селищев участвовал в составлении учебного плана славянского отделения с целью подготовки квалифицированных преподавателей в сфере славянских языков, высказывал свое представление об эффективной реализации цикла южных и западных славян в соответствии с современным состоянием лингвистических исследований. Цель статьи – репрезентировать славистическую деятельность А.М. Селищева, которая способствовала решению насущных образовательных задач и расширению рамок филологических исследований.

Ключевые слова: *Афанасий Матвеевич Селищев, учебный план, цикл южных и западных славян.*

Деятельность Афанасия Матвеевича Селищева, крупнейшего филолога-слависта, была чрезвычайно разнообразной.

Афанасий Матвеевич активно участвует в организации учебного процесса на этнологическом факультете этнографического отделения I-го Московского государственного университета. Учебный план по циклу южных и западных славян утвержден Государственным ученым советом. Этот план включает такие дисциплины, как:

- 1) «Старославянский язык» (курс и практические занятия, 4 часа);
- 2) два южных и два западных славянских языка – по 2 часа каждый (8 часов);
- 3) «Сравнительная грамматика славянских языков» (2 часа);
- 4) курс «Славянские древности» (2 часа);
- 5) «Литература южных и западных славян» (для двух курсов по 2 часа каждый).

Учебный план по циклу южных и западных славян был известен и деканату этнологического факультета. Для полной реализации учебного плана требовался второй славист-лингвист, против привлечения которого выступал доцент Ю.М. Соколов.

А.М. Селищев пытался объяснить в своей докладной записке от 10 июня 1927 года необоснованность возражения Ю.М. Соколова относи-

тельно второго слависта с преимущественной специализацией в области лингвистики. Ю.М. Соколов высказывал свое мнение и в деканате, и на заседании этнографического отделения 3 июня 1927 года о том, что появление на этнологическом факультете второго слависта-лингвиста будет излишним дублированием.

А.М. Селищев писал:

«На 2-м и 3-м курсах, открываемых в следующем году, предстоит провести 10 часов научных курсов славянского языкознания и 1 курс (2 ч.) славянских литератур. Я могу взять на себя 4 или в крайнем случае 6 часов лингвистических курсов и «Введение в славяноведение».

С открытием IV курса присоединятся еще 4 часа лингвистических курсов и 2 часа «Славянских древностей».

Итак, на долю второго профессора придется 8 часов лингвистических предметов и I курс (2 часа) славянской литературы. Другой курс славянских литератур я хотел бы оставить за собой. Эта справка в учебном плане обнаруживает вне всяких сомнений и туманностей, что другой профессор должен быть преимущественно славистом-лингвистом. По одному курсу славянских литератур (полагаю, литератур более нового времени) я и другой профессор-славист осуществил в форме и объеме научных университетских курсов» [1, 12].

Несмотря на то, что по штату в связи с открытием четвертого курса рекомендуется учредить одну ставку доцента, все-таки о ее замещении предполагается вести речь только в следующем году. Таким образом, высказанное замечание Ю.М. Соколова представляется совершенно необоснованным.

Конечно, А.М. Селищев ни в коей мере не отрицал и не приуменьшал значение изучения ни славянских литератур, ни славянской истории. Он, первый и единственный среди коллег, предлагал при составлении плана славянского отделения ввести, кроме цикла этнолингвистического, литературоведческий и общественно-исторический циклы.

Однако это предложение Афанасия Матвеевича было не поддержано и определено как несвоевременное. В результате было рекомендовано реализовать сначала план первого цикла – этнолингвистического, - подготовить преподавателей, которые бы были хорошо осведомлены в сфере славянских языков и в современном состоянии славянских народов.

А.М. Селищев вполне согласился с таким пожеланием. К тому же составленный и утвержденный учебный план преподавания по циклу южных и западных славян в достаточной мере соответствует избранной цели. В этом плане основная роль отводится изучению лингвистических предметов, которое требует больших затрат времени и энергии.

По мнению А.М. Селищева, поверхностное прохождение лингвистических предметов чрезвычайно вредно отражается и в нашей жизни, и в научной деятельности. Это хорошо известно педагогическим работникам.

Поэтому Афанасий Матвеевич настаивал на том, что помимо необходимых курсов славянского языкознания, должны быть осуществлены лекторские курсы по практическому усвоению славянских языков. Ведь, кроме изучения славянских языков, студенты получают знания и в области быта, культуры, государственного строя южных и западных славян.

На занятиях по «Введению в славяноведение» студенты будут знакомиться с основными задачами славистических исследований, с общим обзором культурной истории всех славянских народов, с характеристикой их современного состояния. Изучение таких предметов, как «Государственный строй славянских стран», «География славянских стран», «Славянская этнография», «Славянские литературы», «Славянские древности», позволит составить представление о разных сторонах жизни этих народов.

А.М. Селищев отмечал:

«Я напомнил значение учебного плана по циклу южных и западных славян потому, что доцент Соколов своими замечаниями обнаружил отсутствие ясного представления о содержании этого плана и о надлежащих средствах его осуществления.

Курсы «Государственного строя» и «Славянской географии» осуществлены будут со следующего же года специалистами. Это два курса славянских литератур «Славянские древности» будут прочитаны мною или тем профессором, которого представляю я и профессор Д.Н. Ушаков.

«Славянская этнография» (на 4-м курсе) будет поручена лицу, в достаточной степени научно подготовленному в области этнографии южных и западных славян, а также вообще в области славяноведения.

Другое замечание доцента Соколова: на происходящем славянском съезде в Польше В.П. Волгин встретит заграничных славистов и, может быть, подыщет специалиста в Московский университет.

И это замечание – результат недостаточной осведомленности доцента Соколова в области славистики. Все слависты заняты по европейским университетам и институтам. Да их и немного. Германские университеты и города спорят из-за них, стараясь обеспечить наилучшим образом приглашаемого слависта. Нет ли малейшего основания серьезно думать о переезде того или иного специалиста-слависта из-за границы на кафедру в Россию» [1, 13].

Доцент Ю.М. Соколов безосновательно возражал в связи с предложенной кандидатурой Г.А. Ильинского, проявив свою недостаточную осведомленность в весьма ответственном деле.

Оказывается, Соколову неизвестно содержание всех научных работ профессора Ильинского, которые относятся и к области лингвистики, и филологии, и также к истории литературы.

А.М. Селищев писал далее:

«Рецензии новых трудов по славянским литературам, напечатанные им в “Известиях Отд. Рус. яз. И слов. Академии Наук”, обнаруживают интересы проф. Ильинского и в области истории литературы.

Кроме того, как явствует из его биографии, он был приглашен в свое время в Харьковский университет с обязательством читать курсы славянских литератур и истории славянских народов. Вне сомнения, единственный двухчасовой курс славянской литературы профессор Ильинский осуществит» [1, 13].

А.М. Селищев считал, что проф. Ильинский – единственный славист, который по праву может быть профессором по кафедре славяноведения в I Московском университете, и что другого кандидата нет.

Афанасий Матвеевич отмечал:

«Всякая попытка провести в число профессоров и доцентов этнологического факультета лицо неподготовленное должна встретить решительный отпор и порицание.

Наконец, я не могу умолчать еще об одном замечании, которое делается некоторыми лицами этнологического факультета: говорят о «засилии» лингвистики на славянских циклах. Это замечание оскорбительно для лингвиста.

Я, как профессор-лингвист, ничего не буду иметь против, если лингвистические предметы будут исключены из учебного плана. Но, пока они существуют и некоторые из них факультет поручает мне, я выполняю возложенные на меня поручения, - выполняю в строгом соответствии современному состоянию лингвистических изучений, а также в применении к нашей аудитории.

В результате же – замечания в «засилии» лингвистики, - замечания, раздающиеся не из среды моей аудитории, а из среды преподавателей факультета.

Прошу Этнографическое отделение передать деканату об этом необоснованном, но тяжелом обвинении, направленном по адресу профессоров-лингвистов» [1, 13].

К докладной записке прилагался учебный план цикла южных и западных славян Этнографического отделения этнологического факультета I МГУ [1, 14-15].

I-й курс

Общий со всеми остальными циклами.

II-й курс

Предметы, общие с остальными циклами

1. Исторический материализм (4 ч.).
2. Введение в экспериментальную психологию (2 ч.).
3. Общая этнография (2 ч.).
4. Новейшая история Запада XIX и XX вв. (2 ч.).
5. Палеоэтнология (2 ч.).

6. Семинарий по этнологии (2 ч.).
7. Экономическая география (2 ч.).
8. Новый язык (2 ч.).

Предметы специальные

9. Введение в славяноведение (2 ч.).
10. Старославянский язык (4 ч.).
11. Новый славянский язык (2 ч.)
12. Государственное устройство славянских стран (2 ч.)

Рекомендуемые предметы

1. Древний язык (2 ч.).
2. Музыкальная этнография (2 ч.).
3. Восточный язык (2 ч.).
4. Демографическая статистика славянских стран (1 ч.).

III-й курс

Предметы, общие с остальными циклами

1. История ВКП и основы ленинизма (4 ч.).
2. Советское хозяйство и экономическая политика СССР (2 ч.).
3. Этнография СССР (2 ч.).
4. История древней Европы и Передней Азии (2 ч.).

Предметы специальные

5. Экономическая география славянских стран (2 ч.).
6. Новая и новейшая история Австро-Венгрии (2 ч.).
7. История русского языка (2 ч.).
8. История России до XIX в. (2 ч.).
9. Специальный семинарий по славяноведению (2 ч.).
10. История славянских литератур (южных и западных) (2 ч.).
11. Южный славянский язык (2 ч.).
12. Западный славянский язык (4 ч.).

Рекомендуемые предметы

1. История Византии или История Турции.
2. История международной политики новейшего времени.
3. Русский фольклор.

IV курс

Предметы, общие с остальными циклами

1. Национальная политика СССР (2 ч.).
2. История колониальной политики эпохи империализма (2 ч.).

Предметы специальные

3. Этнография славян (южных или западных) (4 ч.).
4. История славян (южных или западных с включением истории новейших славянских государств) (4 ч.).
5. Славянские древности (2 ч.).
6. Новый славянский язык (южный или западный) (6 ч.).

7. Семинарий по истории взаимоотношений славянских стран с Россией (2 ч.).
8. Сравнительная грамматика славянских языков (2 ч.).

Рекомендуемые предметы

1. Семинарий по славянской филологии (2 ч.).
2. История русской литературы (2 ч.).
3. Славянский фольклор (2 ч.).
4. Один из курсов по индоевропейскому языкознанию (литовский язык, готский язык и т.п.) (2 ч.).
5. Русская диалектология (2 ч.).

Примечание 1-е: По истории славян читается отдельно история западных и история южных славян. Для этих курсов, читающихся через год, для каждого студента обязательным является *один* слушаемый на III или IV курсе. Таким же порядком происходит слушание соответствующих курсов по истории славянских литератур.

Примечание 2-е: На II, III и IV курсах должны быть прочитаны четыре славянских языка: два южных (сербский или болгарский и славянский) и два западных (польский и чешский). Из этих четырех языков каждый студент выбирает для изучения – *три*.

По инициативе Комиссариата иностранных дел и Главпрофобра с 1926-1927 академического года на этнологическом факультете I-го Московского государственного университета активизируется преподавание славяноведения. Разработанный в 1926 году учебный план по славяноведению не отражал полностью целей преподавания, не располагал определенными реальными данными, которые позволяли бы обеспечить надлежащим образом учебный процесс по славяноведению.

Поэтому первоначально был открыт только цикл по изучению южных и западных славян в рамках этнографического отделения. Хотя следует иметь в виду, что цели учебного процесса этнографического отделения и обозначенного цикла южных и западных славян совсем не совпадали.

Цель этнографического отделения заключалась в том, чтобы подготовить работников по этнографии и краеведению в области знаний, касающихся Советского Союза.

Цель цикла южных и западных славян – подготовить специалистов, достаточно сведущих в культурной, экономической и политической жизни славян и владеющих языками этих народов. Эти специалисты должны быть в курсе вопросов политической, экономической и культурной жизни южных и западных славян, находящихся за пределами СССР. Кроме того,

предполагалось, что данные специалисты будут оказывать квалифицированную помощь сотрудникам Комиссариатов иностранных дел и торговли.

Работа по циклу южных и западных славян была организована в полном соответствии с научными требованиями. Все предметы славистики преподаются специалистами, имеющими звание профессора. В учебный план введены новые и вместе с тем крайне необходимые предметы: практикумы по изучению славянских языков, лектуры по сербохорватскому, польскому, чешскому и болгарскому языкам.

В результате представленный цикл обнаруживает необходимость выделить его из плана работы этнографического отделения. Об этом Афанасий Матвеевич пишет в докладной записке, адресованной декану этнологического факультета I-го Московского государственного университета [1, 18-19].

Цикл, находящийся в учебном плане этнографического отделения, соответственно должен включать в свою структуру такие общие предметы, как антропология, палеоэтнология, общая этнография, этнография СССР и др., которые необходимы для работников по этнографии и краеведению в пределах СССР, но которые не являются необходимыми для достижения цели в рамках преподавания цикла южных и западных славян. Данный цикл направлен на подготовку специалистов по обозначенным вопросам, относящимся к тем сферам, которые находятся за пределами СССР.

А.М. Селищев писал:

«Между тем, ряд этнографических и этнологических предметов весьма обременяет план славяноведческой группы: для студентов этот план чрезвычайно затруднителен, почти невыполним надлежащим образом. Много времени требуется на практическое изучение славянских языков, чтобы свободно пользоваться ими, а времени для такого изучения у студентов совсем недостаточно.

Кроме того, настоятельная потребность побуждает ввести в план славяноведческой группы несколько новых предметов, которые ближе поставили бы наших слушателей к работе в Комиссариатах иностранных дел и торговли.

Наконец, следует предоставить возможность желающим на третьем и четвертом курсах специализироваться в той или иной области славяноведения. Такая возможность будет служить подготовительной стадией к открытию в будущем разных отделений, специальностей в Институте славяноведения» [1, 18].

Высказанные А.М. Селищевым предложения побуждали видоизменить план цикла южных и западных славян и превратить в самостоятельное отделение славяноведения на этнологическом факультете.

В учебном плане отделения славяноведения должно быть два цикла – южнославянский и западнославянский – с преобладанием дисциплин каждого из них. Например, при изучении южнославянского цикла следует

практически овладеть двумя южнославянскими языками и выбрать два научных курса южнославянских языков, пройти на первом курсе западнославянские языки, южнославянские литературы и историю южных славян, а также курс по экономическому и политическому положению Балканского полуострова, введение в Албановедение.

При изучении западнославянского цикла надо овладеть практически двумя западнославянскими языками, пройти два научных курса западнославянских языков, первый курс южнославянских языков, западнославянских литератур, историю западных славян, а также курс по экономическому и политическому положению Польши и Чехословакии.

А.М. Селищев отмечал:

«Как в далеком, так и не в далеком прошлом и в наше время весьма важное значение, экономическое и политическое, представляет Албания. И для историка культурной и языковой жизни, и для современного общественного деятеля эта страна полна глубокого интереса.

Научные сведения об албанцах весьма мало распространены. Зато мы являемся свидетелями той сложной связи элементов экономической и политической жизни, - связи, которую представляет Албания в международном отношении. Албанцы издавна находятся в тесной культурной связи с соседним народом, с славянами (болгарами и сербами).

Считаем целесообразным ввести на отделении славяноведения курс по албановедению. Иметь хотя бы общие сведения об этой стране весьма будет полезно лицу, работающему по вопросам Балканского полуострова.

То же значение представляет и другая страна, издавна соседящая со славянскими областями, - Румыния. Для СССР необходимо ввести на этнологическом факультете курс румыноведения. Открыть их целесообразно пока на отделении славяноведения. В качестве обязательного предмета обоих циклов полагаем, что необходим курс «Введение в румыноведение».

В группу вспомогательных предметов помещаем «Румынский язык». С течением времени можно будет открыть особый цикл – румыноведческий. Поставить надлежащим образом предметы румыноведения этнологический факультет может: в лице профессора М.В. Сергиевского он имеет солидного специалиста в этой области» [1, 18-19].

К докладной записке А.М. Селищев прилагал примерный учебный план для отделения славяноведения и примечание относительно специализации.

Итак, А.М. Селищев принимал непосредственное участие в организации славянского отделения, определив таким образом общие закономерности развития славянских языков в нашей стране.

Примечания

1. Российский Государственный архив литературы и искусства // Фонд № 2231. Опись № 1. Единица хранения № 136.

ЧЕРТЫ ТВОРЧЕСТВА ТУРГЕНЕВА

Статья посвящена выявлению черт творчества Тургенева в построении образов. Рассматривается высокая нравственная чистота, искреннее и задушевное чувство к русской природе и русскому народу в произведениях Ивана Сергеевича Тургенева – знаменитого русского писателя поэта, мастера русского языка.

Ключевые слова: мастер языка, мастер изображения, мастер творчества

Иван Сергеевич Тургенев – знаменитый русский писатель и поэт, мастер языка и психологического анализа, он оказал существенное влияние на развитие русской и мировой литератур. Тургенев создал изображение главных героев в их сложной и тонкой душевной и умственной жизни. Он написал ряд повестей, в которых очень ярко сказалось лермонтовское влияние. Несомненный успех, выпавший на долю Тургенева на первых порах его литературной деятельности, не удовлетворял его, и он имел твердое намерение совсем оставить литературное поприще. Тургенев занял первое место среди литературной молодежи того времени, потому что направил всю силу своего высокого таланта на самое больное место дореформенной общественности — на крепостное право. Произведения Тургенева исполнены высокой нравственной чистоты, искреннего и задушевного чувства. Каждый художественный образ, созданный писателем или поэтом, включает в себя портретную характеристику героя.

Тургенев не только знаменитый русский писатель и поэт, но и мастер языка и психологического анализа. Первые литературные поэтические и драматические опыты Тургенева носили подражательный романтический характер. Но в его прозаических произведениях данного периода уже прослеживалось стремление к реалистическому изображению действительности. Тургенев обладал удивительной способностью видеть в современности самое актуальное и мгновенно откликался на это. «Таинственные» повести не оказались исключением в ряду его произведений. Они тоже явились откликом на актуальные проблемы времени. По единодушному мнению тургеноведов, об усиливающемся интересе Тургенева к иррациональным стихиям, к явлениям внутренней жизни человека и возможности их словесной передачи свидетельствует наглядно и та авторская правка, которую он вносил в произведения. Тургенев в большинстве своих произведений воссоздает центральную коллизию его времени – драматическое столкновение личности с неблагоприятными общественными условиями ее

развития. В этом противопоставлении, а также в печальных финалах многих тургеневских произведений отразились драматические судьбы лучших людей русского общества его времени. Отсюда и грустный лиризм, разлитый во всех произведениях Тургенева. Моральный и литературно-эстетический авторитет великого критика был для Тургенева непререкаемым. Он не поднялся до революционно-демократических устремлений Белинского, но его великий друг развил и укрепил и нем непримиримую вражду к крепостному праву, помог Тургеневу найти себя как писателя. В это «замечательное десятилетие» он формируется и как человек и как писатель. Здесь истоки философского и эстетического мировоззрения Тургенева, его демократических, антикрепостнических взглядов.

Одной из самых мучительных загадок для Тургенева всегда была Природа, ибо она для писателя являлась истинным Божеством. Но Природа и ужасала его – своего певца – равнодушием и отсутствием видимой цели в творимой ею жизни: «...она заставляет кровь обращаться в моих жилах без всякого моего участия, и она же заставляет звезды появляться на небе, как прыщи на коже, и это ей одинаково ничего не стоит, и нет ей в том большой заслуги. Это штука – равнодушная, повелительная, прожорливая, себялюбивая, подавляющая – это жизнь, природа или Бог; называйте ее как хотите, но не поклоняйтесь ей... Ибо в акте творения заключается не больше славы, чем есть славы в падающем камне, в текущей воде, в переваривающемся желудке...» - писал И. С. Тургенев. Тургенев – прекрасный лирик, его и прозаические произведения изобилуют описаниями картин природы. Причем природа в них созвучна настроениям героев или выступает в контрасте с ними, главными для героев не только повестей, но в конечном счете и романов Тургенева становятся коллизии и драмы не социальные, а онтологические, и в их числе драматическое взаимоотношение с Природой. Не господство одной природной особи над другими, а одновременная готовность каждой и к самосохранению, и к самоотвержению – вот принцип, позволяющий природе не просто бесконечно поддерживать свою общую жизнь, но и гармонически объединить ее. Человек тянется к природе, но она в отношениях с ним стремится всецело овладеть им, безраздельно подчинить своей стихии, на что человек отвечает протестом, ибо при всей очарованности природой не согласен раствориться в ней, хотя и упрекает себя за не преодоленный эгоцентризм. Тургенев бережно и осторожно относился к той стихии чувства, которая, по его убеждению, составляет наиболее глубинное и живое начало в человеке. Убежденный в невозможности найти для этой капризной и трудноуловимой стихии адекватное словесное выражение, он обратился к физически наглядному изображению нравственно-психологических состояний человека.

И.С. Тургенев – настоящий мастер глубокого и достоверного изображения народных характеров. В рассказе «Бирюк» перед нами ярко раскрывается психология бедных и бесправных мужиков. Суровый лесник

Фома по прозвищу Бирюк – гроза всех сельских воришек, потому что «вязанки хвороста не даст утащить». Поэтому понятна злоба и ненависть со стороны мужиков, намеренных «добраться» до него и «сжить со свету». Но Фома – подневольный человек, крепостной. Героиню романа «Дым» можно было бы назвать «несостоявшейся тургеневской девушкой». По задаткам характера, по свойствам натуры Ирина подходит именно под тип «тургеневской героини», но, в отличие от своих предшественниц, она полностью подчиняется среде. Личность Ирины измята и искорежена внешними обстоятельствами. Героиня ненавидит, презирает окружающее общество, но не имеет воли выйти из-под его власти. Тургенев создает прекрасные, художественно совершенные творения – повести, стихотворения в прозе, а их почти единогласно величают «пустяками», «безделками», «ничтожеством». Но Тургенев был верен себе, своему таланту. И время все расставило на свои места. Мы восхищаемся его романами, начиная от «Рудина» и заканчивая «Новью» и «Вешними водами».

Символика природы в романе «Отцы и дети», символ дерева, описание пейзажа, характеристики героев через отношение к природе – все это занимает большое место в произведениях Тургенева. Тургенев с детства любил природу родного края. Часто убежал он с одним из дворовых в глушь сада, который был для будущего писателя совершенно особым миром. «Эти деревья, эти зеленые листья, эти высокие травы заслоняли нас от всего остального мира», - писал он. Местные лесники и охотники рассказывали мальчику о жизни и повадках птиц, брали его с собой на охоту. Так постепенно укрепилась в будущем писателе страсть к охоте. Любовь к природе и частые обращения к ней в произведениях сделали автора знатоком пейзажной характеристики. Любовь и природа победили его холодность и равнодушие, и над его могилой мы видим две прекрасные елки, посаженные заботливыми руками его родителей. Мотив леса и дерева прослеживается на протяжении практически всего романа и имеет немаловажное значение. Это средство характеристики персонажей, и средство выражения авторской позиции. Надо обладать большим мастерством, чтобы, казалось бы, небольшие детали сделать значимыми. И Тургенев, обладая этим даром, вложил неоспоримый по важности и необходимости смысл в описания и упоминания леса и дерева, политическая обстановка, личные обстоятельства и научный прогресс подготовили почву для появления произведений. Новая тематика, в свою очередь, дала толчок Тургеневу для разработки новых жанровых форм, которые воплотили в себе различные жанры.

И. С. Тургенев – большой мастер творчества. Главным героем рассказа «Бирюк» является лесник Фома. Фома – очень интересная и необычная личность. Сначала автор рассказа увидел во время надвигающейся грозы его высокую фигуру и услышал зычный голос. Зная, что гроза не скоро пройдет, Фома спокойно и уверенно довел автора до своего дома. Изба у

лесника была бедная: закоптелая, низкая и пустая, с печально горящей лучиной.

Особое место в творчестве Тургенева занимают повести и рассказы. Они как бы сопутствовали его романам, окружали их. Если в основе романа лежал широкий охват жизни, художественное отражение того или иного исторического момента с центральным «героем своего времени», то в основу повести или рассказа ложился частный жизненный случай, вскрывавший интимный мир сложных душевных переживаний: Его герои и героини вошли в ряды классических русских литературных образов, стали художественными обобщениями большой познавательной силы – отражением этапов одной из самых замечательных эпох русской жизни. Его роман «Отцы и дети» начинается точной датой. Это позволяет читателю вспомнить события, происходившие в это время. В эти годы, после Крымской войны, несколько оживилась русская общественная жизнь, обнажился кризис крепостнической системы, обострилась борьба между революционерами-демократами и либералами. Тургенев показывает конфликт поколений. Он представляется перед нами мастером деталей, портретов и пейзажей.

Тургенев был одним из лучших прогрессивных представителей своего бурного и сложного «переходного» времени. В его сочинениях всегда — открытая, искренняя мысль, правда (как он её понимал, страшись «проклятой идеализации действительности») и подлинная, умная любовь к человеку, родине, природе, красоте, искусству. Его произведения вошли в сокровищницу мировой литературы, в них – индивидуальность автора, его характер, мировоззрение, чувства и переживания. При чтении его произведений возникают четкие ассоциации со временем, в которое жил и творил писатель, он как бы доносит до нас события, новые течения в современной ему жизни, пропуская через призму собственных ощущений и взглядов на различные проблемы.

Примечания

1. Аюпов. С.М. Эволюция тургеневского романа 1956-1862 гг.: Соотношение метафизического и конкретно-исторического. Казань ; Изд-во Казанского ун.та, 2001.
2. Осмоловский О.Н. Принципы символаобразования в романе Тургенева «Дым» // Творчество И.С. Тургенева. Курс : КГПИ 1984.
3. Тургенев И.С. Полн. 86ОБР. Соч.и писем : в 30 т. М.: Наука, 1978.
4. Манн. Ю.В. Два последних романа Тургенева // И.С. Тургенев. Собр.соч.: в 12 т. М. Наука, 1976.
5. Достоевский Ф.М. Полн. 86ОБР. Соч.в 30-и т. Л., 1973.
6. Блок А.А. Собр. Соч.в 6 т. М.: Огонек, 1971.

ЭЛЕМЕНТЫ УСТНО-РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ В ТЕКСТАХ ДНЕВНИКОВ М.М.ПРИШВИНА

Статья посвящена исследованию роли элементов устно-разговорной речи в организации текста дневников М.М. Пришвина. Выявлены основные черты стилистической манеры писателя, среди которых отмечаются: тенденция к инверсионному порядку слов, использование канцелярских и архаичных фразовых конструкций как стремление к возрождению синтетичности русского языка, использование различных видовременных глагольных форм на уровне одного предложения.

Ключевые слова: *дневниковые записи, синтаксис разговорной речи, инверсионный порядок слов, устно-разговорные элементы.*

В начале XX в. становится заметным стремление писателей к поиску новых средств художественного изображения, новой манеры организации слов в повествовательном тексте. Наряду с традиционными формами словоупотребления, используются такие, которые представляют собой определенный отход от привычного классического повествования, это время языкового «бунта». Художественный текст становится более экспрессивным, броским, насыщенным разнообразными изобразительно-выразительными языковыми средствами, в том числе и устно-разговорными элементами.

Для М. М. Пришвина такой подход к словесной ткани произведения был вполне органичным, поскольку одна из основных идей «стихийной филологии» писателя, то есть, его филологических и литературных воззрений, легших в основу его языкового творчества, была идея усиления разговорного начала в произведениях. Стремление М. М. Пришвина «писать как говоришь», писать так, как будто говоришь с другом, было его своеобразным стилистическим кредо, особенно отчетливо этот принцип проявляется в его дневниковых записях, где невозможно отделить Пришвина-художника от Пришвина-публициста, это художественный текст, несмотря на то, что предметом внимания писателя неизменно оказываются события каждого дня.

Использование устно-разговорных элементов проявляется в дневниках М.Пришвина на разных языковых уровнях. Однако наибольшую функциональную роль выполняют здесь синтаксические средства, которые и являются предметом нашего рассмотрения.

Наиболее выпуклый элемент синтаксиса М. М. Пришвина – инверсированный порядок слов в предложении. Практически все наиболее

распространенные типы инверсии можно встретить в дневниковых записях писателя. Пришвинские рамочные инверсии (разъединение однородных членов (определений) определяемым словом, разъединение составного определения, разъединение определяемого словосочетания определением, разделение подлежащего – атрибутивного словосочетания) характеризуются тем, что «экспрессивно выделенными оказываются не один, а два компонента, которые образуют акцентную рамку» [2, 128]. Такое смещение фразового ударения, его раздробление создает эффект волнообразной, неравномерно распределенной интонации, очень характерной как раз для разговорной речи, а в языке художественной литературы – для орнаментального типа прозы: «Было уже около десяти вечера, а закат горел костром за деревьями уже совсем *черными по красному*» (3 июля, 1953 г.); «Леса шоколадные, от земли поднимается марево; *хозяйственно*, не делая ни одного лишнего движения, цапля *летит* над полями» (19 мая, 1953 г).

Дневниковые записи М. Пришвина наполнены различными модификациями устоявшихся, клишированных выражений, а также разговорно-просторечными формами предложно-падежных согласований вместо принятых литературных. Нередко в тексте встречаются чисто просторечные синтаксические формулы: «И *прошлый год* было страшно, казалось тогда, что весь исход революции зависит от урожая,— голод мог задавить ее» (25 апреля, 1918 г.); «*Прошлый год* этот бор возле самой деревни был нам вместо сада...» (25 августа, 1929 г.); «Снег не только проваливается, но стал такой слабый, что *по нем* можно двигаться, будучи по пояс, свободно раздвигается коленками стена, и под стенами вода – это все вода» (18 апреля, 1926 г.); «Озеро все намокло и выглядит, как настоящее озеро, и *по нем плывут* подводры» (20 апреля, 1926 г.); «И все время в душе моей жила болезненная тоска *по простом добром народе*, товарищах и учителях юных дней ...» (11 июня, 1947 г.). Все это создает иллюзию непосредственного говорения, построения фразы на ходу.

Одной из особенностей прозы в текстах дневников М. Пришвина является употребление разговорной и просторечной лексики (слов, словоформ, грамматических форм слов, словосочетаний): «То *опогаживается*, то опять дождь. Мама радуется: самая лучшая погода!» (6 мая, 1905 г.); «Снег в эту зиму необыкновенный, выходу нет, неуберимая сила, давно того не было» (1 января, 1914 г.); «Прасковья Сергеевна *стоснула* по мужу» (13 января, 1914 г.); «Рожь цветет, травы цветут, время васильков. По утрам чисто, росисто и *зарно*» (13 июня, 1914 г.); «Тихо, тихо: земля под ногою, как пустая, *бунчит*.» (22 сентября, 1918 г.); «Необычайная трудность этих рассказов состоит в том, чтобы добиться той *глупинки* или наивности среды, единственно в которой только и может плавать шлак мысли» (13 января, 1938 г.); «Все звери на *лавине* потому и присмирели, что чувствовали «страх божий» перед ведущим их человеком» (26 августа, 1945 г.).

Отталкивание от аналитичности и стремление к наибольшей синтетичности языка – вот та основная тенденция, которая прослеживается при анализе языковых средств, как лексических, так и синтаксических, использовавшихся писателями того времени. По мнению Л.М. Бицилли, «...последний период истории русского языка следует определить как время разрыва с классической языковой традицией...» [1, 252]. Отсюда – частая архаизация синтаксического строя речи, обращение к приказному языку петровской эпохи у таких писателей, как Андрей Белый, А. Ремизов, Е. Замятин. В творчестве М. Пришвина, в том числе и в Дневнике, это проявилось в употреблении писателем отглагольных существительных на –(н)ие, субстантивации, нанизывании падежей и в собственно канцелярских предложно-падежных согласованиях. Причиной этого было стремление писателя к простоте языка, к сближению своего речетворчества с простым народным словом.

Как проявление синтетизма в дневниковых записях писателя можно рассматривать случаи использования клишированных канцелярских предложно-падежных согласований, а также нанизывания одного на другое слов в одном и том же падеже. Доля подобных конструкций в тексте велика: «Может быть, неправда войн состоит в том, что враждебные личности вовлекают в свой спор других лиц, непричастных, и расходуют на это общенародные средства к жизни. Следовательно, надо войну объявить личным делом, а не государственным, как это уже принято относительно религии» (15 марта, 1926 г.); «Я понимаю науку в отношении к жизни против художества, вроде того как законный брак и свободные отношения» (3 мая 1926 г.); «Каждое, даже маленькое, изобретение есть в отношении личности изобретателя осуществление Прометеева подвига, и человек, прикосновенный к психологии этого «чуда», трепещет душой, встречая что-нибудь вновь открытое» (2 марта, 1923 г.).

С точки зрения разговорного построения фразы особое значение в пришвинском синтаксисе имеют модальные слова и словосочетания, типа *вот и, даже, можно думать, как же, не, должно быть*, самостоятельная частица *же* и др. Причем, если подобные слова и словосочетания выступают как приметы сложного синтаксического целого, то употребляются тогда, как правило, в начале предложения или даже в начале абзаца. Если же их функция ограничивается лишь демонстрацией разговорного характера речи, то они могут быть расположены и традиционно – в начале предложения и – в середине. При этом часто интерпозиция подобных слов и словосочетаний влечет за собой разделение синтаксически связанных элементов. «Но случилось так, что брат ее, обожаемый ею и действительно прекрасный человек, вдруг переменил свои убеждения максималиста и явился в Россию работать. *Вот и* Марфинька тогда поняла, что ее личная жизнь кончена, сожгла корабли за собой и выстроила школу на свое приданое» (22 сентября, 1923 г.); «Зима дружна была, без оттепели: *вот и* вес-

на» (29 марта, 1923 г.); «Конечно, каждый образованный естествоиспытатель знает, что с происхождением от обезьяны дело не так просто, никто из нас не представляет себе так просто, что вот была обезьяна и стал человек.

Я сам видел одну книгу по химии, изданную когда-то народником, на обложке было напечатано: «Популярная **хвемия** для народа», и в тексте атомы назывались **ахтоми**, за руки ахтоми держатся, например, Н-Н-О-5-О-О-О = Н₂5О₄ – серная кислота.

Ну, *вот и* эта обезьяна преподносится совершенно так же, как **хвемия**» (23 сентября, 1923 г.); «Узнав мое мнение о Ленине, мне говорят: а не могу ли я о всем нашем Ленину рассказать, не вникнет ли он в положение по-человечеству.

Как же не вникнуть по-человечеству: вот обезумевшая мать... (5 нрзб.)» (14 июня, 1918 г.). Основная функция у всех этих слов сводится к экспрессивно-коммуникативному акценту на разговорный характер фразы.

Еще одной чертой композиционно-синтаксической организации текстов писателя является совмещение видовременных форм глаголов в рамках одного предложения. Основа такого рода совмещений – в переплетении разных временных планов прошлого и настоящего в контексте пришвинских повествований: «После раздумья я *отвечаю* себе, что это не совсем я *писал*, что со мной *сотрудничали* неведомые мои друзья, и оттого у нас вместе получилась такая страница...» (1947г.); «Хорошо *помню*, что когда она *пришла*, и я, еще не поняв ее, *пришел* в лес и *смотрел* на милые мне следы на снегу, то вдруг *застал* себя на следах, что не о них *думаю*...» (1947 г.). Специфика дневниковых записей требует перебивов, своеобразных «неправильностей» в речи повествователя, что опять-таки создает эффект непосредственно сиюминутного создания текста.

Из всего вышеизложенного можно сделать следующие выводы относительно тех особенностей формы и смыслового выражения, которыми обладают дневниковые записи М. Пришвина. Четко выявляются такие характерные для почерка Пришвина структурные явления, как тенденция к инверсионному порядку слов, использование канцелярских и архаичных фразовых конструкций как стремление к возрождению синтетичности русского языка, использование различных видовременных глагольных форм на уровне одного предложения в качестве журналистского приема, «перебивов» повествования. В основном, все приведенные выше примеры вписываются в линейные принцип организации фразы, свойственный синтаксису устной разговорной речи. Именно он наиболее рельефно выступает как стилистическая манера М.М.Пришвина за счет своего устойчивого характера.

Примечания

1. Бицилли П.М. Заметки о некоторых особенностях развития русского литературного языка / П.М. Бицилли // Годичник на Софийския университет. Филологически факултет 1953/54. 1954. Т.48. С.250-268
2. Мальцев В.А. Параллелизм, его взаимосвязь с повтором и роль в организации художественного текста / В.А. Мальцева // Романское и германское языкознание. 1976. Вып.6. С. 126-138

Н.А. Трубицина
Елец

ЕЛЕЦКИЙ МИФ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ТВОРЧЕСТВЕ МЕСТНЫХ ПОЭТОВ-ПЕСЕННИКОВ

В статье рассматриваются произведения елецких поэтов-песенников, в тексте которых нашли свое воплощение мифопоэтические константы локального городского текста.

Ключевые слова: *локальный миф, елецкий текст, мифопоэтика.*

Локальная мифология занимает ведущее место в структурировании городского пространства как текста. По мнению Д.Н.Замятина, именно локальный миф дает возможность той или иной территории утверждать себя как «Центр мира». Для этого необходимо «пусковое» мифологическое событие, вокруг которого объединяются большинство парадигматических и синтагматических ресурсов городского текста. На наш взгляд, для Ельца таким событием стала легенда о явлении Богородицы хану Тамерлану во время нашествия на Русь в 1395 году. Несмотря на то, что в летописи Елец впервые упоминается в 1146 году, именно это время можно считать тем мифологическим первовременем, «золотым веком», когда город становится сакральной точкой на карте мира, городом, находящимся под покровом Святой Девы Марии.

Основные культурные коды пространства города – Елец православный, Елец купеческий, Елец – военно-исторический – так или иначе, корреспондируют с этим центральным событием локальной мифологии. Как сакральное место, город просто обязан был закрепить этот факт в культовой архитектуре. Более 30 храмов, несколько часовен и два монастыря насчитывал уездный Елец на начало XX века. Эта религиозно-православная составляющая городского пространства напрямую соотносится с его «купеческим» кодом. На купеческие средства возводилось большинство местных церквей, а об особой приверженности елецкого купеческого сословия к церкви замечательно написал Николай Лесков в рассказе «Грабеж»:

«Разве ты не понимаешь, что я нынче ктитор, а у нас на самый первый день праздника дьякон оборвался. <...>

– Умер?

– Нет. Купцы не допустили: лекаря наняли. Наши купцы разве так бросят? Лекарь говорит: может еще на поправку пойти, но только голоса уже не будет. Вот мы и приехали сюда с нашим с первым прихожанином хлопотать, чтобы нашего дьякона от нас куда-нибудь в женский монастырь монашкам свели, а себе здесь должны выбрать у вас промежду всех одного самого лучшего.

– А это кто же ваш первый прихожанин и куда он отъехал?

– Наш первый прихожанин называется Павел Мироныч Мукомол. На московской богачихе женат. Целую неделю свадьбу праздновали. Очень ко храму привержен и службу всякую церковную лучше протодьякона знает. Затем его все и упростили: поезжай, посмотри и выбери; что тебе полюбится – то и нам будет любо. Его всяк стар и мал почитает. И он при огромном своем капитале, что три дома имеет, и свечной завод, и крупчатку, а сейчас послушался и для церковной надобности все оставил и полетел» [1, с. 181]. Этот разговор елецкого купца с кузиной из губернского Орла как нельзя лучше передает ту особую атмосферу «елецкого мира», которую позже, в автобиографическом романе «Жизнь Арсеньева», Иван Бунин называет «особой гордостью».

Военно-исторический код города хоть и берет свое начало с момента защиты Руси от набегов кочевников, «дикого поля», впервые материально-мемориально запечатлевается в часовне-усыпальнице в форме богатырского шлема, возведенной в память погибших воинов в кровавой битве с Тамерланом. Присловье «в Ельце били всех – от Тамерлана до Гудериана» также «узаконивает» это мифическое первовремя.

В художественных творениях целого ряда современных елецких поэтов-песенников доминируют пресуппозиции городской мифологии. Мысль о Ельце как некоей сакральной точке на карте России и мира авторы выражают с помощью контаминации всех культурных кодов городского текста.

Над городом сгустились облака,
Кварталы в дождевом тумане тают.
Над городом, где властвуют века,
Российский дух и русский дух витает.
Здесь купола плывут в небесной сини –
История купеческих родов.
Сверкай Елец – провинция России –
В созвездии старинных городов!

В этом стихотворении Александра Силаева мифология города имплицитно присутствует за счет введения в текст эмоционально-ценностных пресуппозиций исторического плана. Власть веков, российский и русский

дух, «история купеческих родов» – все это парадигматические ресурсы елецкого текста, инспирированные локальным мифом.

Более явные пресуппозиции, претендующие одновременно на роль фактуальных, мифологических и эмоционально-ценностных, представлены в стихотворении Л.Лобова, положенном на музыку С.Погореловым, «Былина о Ельце».

Колокольный звон вдоль реки плывет:
Это храм Ельца на Руси живет,
Город сам Елец на горе стоит,
А великий храм в небеса глядит...

Мысль о Ельце как городе «на горе» напрямую корреспондирует с высказываниями Ю.М.Лотмана о городах «концентрического типа»: «Концентрическое положение города в семиотическом пространстве, как правило, связано с образом города на горе (или на горах). Такой город выступает как посредник между землей и небом, вокруг него концентрируются мифы генетического плана (в основании его, как правило, участвуют боги), он имеет начало, но не имеет конца – это “вечный город”» [2, с. 33]. Вечность, вневременность елецкого городского пространства местные поэты стремятся передать через такой звуковой феномен, как колокольный звон, выступающий в качестве мощного эвокативного символа.

Над Сосной-рекой есть чудный град:
Колокольный звон разливается,
Купола церквей в небеса глядят
И к лучам зари поднимаются...

Свое стихотворение Л.Янкина назвала «Песнь о Ельце». Стилизация под старину, как и у Л.Лобова, назвавшего свое творение «былиной», подчеркивает важность устной народной традиции, источником которой является миф.

Богатые парадигматические ресурсы елецкого текста, одной строкой обозначенные темы елецких исторических и легендарных сюжетов, мы находим у известного елецкого поэта, барда, автора многочисленных произведений, посвященных Ельцу, Юрия Ширяева в стихотворении «Жил я, братцы, налегке...»: «Жил я, братцы, налегке / В древнерусском городке, / Вражьей силою ранимом, / Богородицей хранимом, / За святую Русь стоявшем, / Много бедствий воспринявшем / В ратоборствия венце... / Жил когда-то я в Ельце. / Был я, братцы, еще мал, / Но уже тогда внимал / Всем прадедовым былинам / По отеческим долинам: / Об Олене и о Ели, / О славянской колыбели, / О набегах половецких, / О богатырях елецких, / О ходах сырых подземных, / О сокровищах туземных, / О Воргольских скалах старых, / О казаках, о татарах, / Атаманах, воеводах, / О прошедших здесь народах, / О несущем смерть «Хромце»... / Жил когда-то я в Ельце. / Был я, братцы, уже крепок, / За присест съедал шесть репок, / И родные мне края / Обходил с любовью я. / Под ногой – дорожек ленты, / В сердце – были и

легенды: / О татарском аргамаче, / О лже – Дмитрие-собаке, / О проезжем Патриархе, / О гостившем здесь монархе, / О пирах великих брачных, / О боях в Ельце кулачных, / О церквях, монастырях / С нищей братьей при дверях, / Об источниках целебных, / О торжественных молебнах, / О монашках терпеливых, / О блаженных прозорливых, / О пророках-чудотворцах, / О дворянах-однородцах, / О героях Шипки, Плевны, / О торгах на бирже хлебной, / О железных первых конях, / О заливистых гармониях, / О народных песнях славных, / О ремеслах наших главных, / О богатых ярмарках, / О медовых яблоках, / Об Орловских рысаках, / О Елецких кружевах, / Сказ о Бунине-певце...» [3].

Все перечисленное в поэтических строках Юрия Ширяева в настоящее время является мифопоэтическим «словарем» елецкого текста русской культуры. Местные поэты-песенники активно используют этот арсенал для создания собственного «люблю-текста» родного города.

Примечания

1. Лесков С.Н. Грабеж // Собр. Соч.: в 12 т. М.: Правда, 1989. Т.5. 512 с.
2. Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Семиотика города и городской культуры. Петербург: тр. По знаковым системам. XVIII. Учен. зап. Тарт. ун-та. Вып. 664. Тарту, 1984. С.30-45.
3. Ширяев Ю.В. Сборник стихотворений №21.
<http://www.chitalnya.ru/work/1151695/>

Н.А. Чистякова
Елец

ПРАВОСЛАВНАЯ КУЛЬТУРА ЕЛЬЦА к. XIX – н. XX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ПЕЧАТИ)

*Да ведают потомки православных
земли родной минувшую судьбу.
(А.С. Пушкин)*

Данная статья посвящена вопросам региональной православной журналистики. Автор стремится показать дореволюционную жизнь Орловской епархии на примере Ельца и Елецкого уезда. Впервые в статье приводятся архивные материалы газетного фонда Елецкого краеведческого музея.

Ключевые слова: региональная православная журналистика, Орловская епархия, газета «Орловские Епархиальные ведомости», церковная жизнь дореволюционного Ельца.

Липецкая область является одним из православных центров России. Христианская культура и церковная жизнь дореволюционного Ельца, одного из лучших уездных городов, – яркий тому пример.

В середине XIX века православная церковь переживает эпоху своего расцвета. Появляются новые епархии, задачами которых являются, с одной стороны, совершенствование самообразования духовенства, а с другой стороны – «прочим сословиям просвещаться чтением...» [1, с. 642].

Впервые программа Епархиальных ведомостей была составлена в 1853 году Херсонским архиепископом св. Иннокентием (Борисовым). «Орловские Епархиальные Ведомости» относятся к местным официальным церковным периодическим изданиям, которые выходили в 63 епархиях Российской Православной Церкви в период 1860-1922 годов. Газета была призвана «оживить» всё епархиальное управление и сблизить его с паствой. Выходили «ОЕВ» с января 1838 г. до конца 1917 г. Издавались они при орловской духовной консистории, а номера №№ 17 и 18 за 1910 г. – при Орловской духовной семинарии.

Официальный отдел газеты возглавлял священник Афонский М., № 38 за 1906 г. – архимандрит Митрофан. Неофициальный отдел в газете курировал Смирнов М., кафедральный протоиерей. Печатались «ОЕВ» в орловской типографии В.П. Матвеева.

Автору данной статьи удалось изучить хранящиеся в фондах Елецкого краеведческого музея комплекты газет за 1865, 1906, 1910-1914 годы. Анализ имеющихся номеров «ОЕВ» позволяет получить репрезентационную историческую информацию о положении Орловской епархии, а также степени её участия не только в местной, но и в общероссийской жизни. Газета постоянно информировала своих читателей обо всем происходящем в родной губернии и епархии.

В нашу задачу не входит подробный пересказ содержания этих газетных выпусков. Однако выяснить, насколько полно и подробно «ОЕВ» отражали события Ельца и Елецкого уезда*, было бы весьма полезно и интересно, учитывая характер провинциального издания, ориентированного в основном на примеры местной жизни.

Материалы газет с точки зрения и тематики, и жанровой специфики очень разнообразны. Здесь печатались статьи на богословские, исторические (историко-краеведческие), «образовательные» темы; сообщения о «замечательных событиях»; о перемещениях по службе духовных лиц; некрологи; о пожертвованиях священников и простых горожан; о крестных ходах; визитах в наш город представителей РПЦ и т. д.

Так, в «ОЕВ» за 1865 год можно отметить несколько интересных рубрик. Например, в разделе «Известия» сообщаются следующие факты:

* Орловская губерния включала в себя 13 уездов, среди которых был и Елецкий.

1) «Преподано благословение Св. Синода Елецким купцам – Димитрию и Николаю Валуйским и Николаю Криворотову, за спасение от пожара Рождество Богородичной церкви г. Ельца» [2, с. 77];

2) «В селе Чернавке Елецкого уезда разрешено вновь построить церковь, каменную, теплую, без прихода...» [2, с. 27].

В этом же выпуске появляются рубрики, которые в последующих номерах газет определяются как традиционные: «О пожертвованиях», «Некрологи», «Освящение новых храмов» и др.

Нужно заметить, что духовенство города, купечество, именитые граждане, равно как и представители всех социальных слоёв общества, проявляли заботу о духовном образовании и быте воспитанников училищ, семинарий, жертвовали значительные денежные средства. Например, читаем:

1) «Потомственный почетный гражданин Елецкий, 1-ой гильдии купец, *Сергей Дмитриевич Русанов*. В 1860 году – почетный блюститель при семинарии и в эту должность определен Св. Синодом. В 1861 году пожертвовал – 600 рублей, 221 аршин сукна на пошитьё теплой одежды казённо-коштным воспитанникам – (на 250 рублей)...» [2, с. 7].

2) «*Иван Вуколов* – ученик Орловской семинарии. Ему выделить – 10 рублей пособия...» [2, с. 2].

Две другие заметки тоже сообщают интересные факты:

1) «Тамбовские Епархиальные Ведомости» извещают о кончине преосвященного Николая, бывшего епископа тамбовского и шацкого. Покойный преосвященный (Никанор Васильевич Доброхотов) был сыном священника Орловской губернии, Малоархангельского уезда, села Дубки. В первых классах училища он имел товарищем своим *приснопамятного пр. Иннокентия* (Борисова), архиепископа Херсонского» [2, с. 8].

2) «Орёл, 1865 г. состоялось освящение храма в Орловском Александринском институте благородных девиц...» [2, с. 159]. Кстати заметить, что автор размышляет о женском воспитании, подчеркивая при этом, что «цель воспитания – образование ума, сердца и воли, вообще – всестороннее развитие человека...» [2, с. 160].

В последующие годы «ОЕВ» продолжают обращаться к высоким духовным ценностям Православия как основы нравственности и душевной гармонии человека. В номерах за 1906 год значительно больше места отводилось вопросам деятельности орловского и елецкого Попечительского совета. В числе таких материалов можно выделить два. Первый напечатан в рубрике «Объявления» (№ 1, 1906 г.), второй – (№ 4, 1906 г.).

Под заголовком «*От Орловского Епархиального Попечительства о бедных духовного звания*» сообщалось: Попечительство объявляет, что в Доме Призрения для лиц мужского пола духовного звания имеется в настоящее время 6 мест для лиц, нуждающихся в призрении, с полным содержанием.

Имеющие нужду в призрении священно-церковнослужители приглашаются подавать прошения на имя Его Преосвященства с представлением медицинского свидетельства о неспособности к труду и удостоверения от Благочинного о беспомощном состоянии и добром поведении» [3, с. 21].

Второй материал напечатан под заголовком «Попечительство при Елецком градском Казанском кладбище» [4]. Статья подписана – «И.К.» Как нам удалось выяснить, она принадлежит церковному старосте И. Касаткину. Мы уже писали о Казанском кладбище, поэтому здесь только приведем небольшой фрагмент: «... На обсуждение Елецкой городской управы, 7 августа 1902 года церковным старостою Казанской кладбищенской церкви Касаткиным было представлено ходатайство об учреждении «Кладбищенского Попечительства» в целях поддержания внешнего порядка и благоустройства состоящего при сей церкви кладбища. Городская дума, рассмотрев проект устава, составленный о. Касаткиным по образцу устава попечительства о Тверском кладбище, одобрила его и представила Епархиальному Начальству на утверждение. После некоторых дополнений и исправлений устав Казанского кладбищенского попечительства вылился в следующую форму...» [3, № 6, с. 199].

В рубрике «Хроника» нашли отражение сообщения о приезде в Елец Орловского Епископа. – «Серафим, Епископ Орловский и Севский прибыл в Елец, и направился в Троицкий мужской монастырь, был в Елецком Вознесенском соборе, при соборе посетил 2-х классную соборную школу... В обед встречался с ельчанами» [3, № 4, с. 357].

XIX век – по справедливости считается золотым веком в истории духовного просвещения России. В связи со всеобщей реформой гражданского просвещения в России, в 1867 году была проведена реформа духовного образования. Эта реформа широко обсуждалась в сфере ученых богословских кругов, иерархии и духовенства. Количество учащихся в церковно-приходских и монастырских школах Ельца и Елецкого уезда постоянно увеличивалось, что свидетельствовало о всеобщем состоянии духовного просвещения. На страницах «ОЕВ» за 1911 год появляются заметки следующего содержания:

1) «Список церковно-приходских школ по городу Ельцу за 1911 год: Знаменская, 2-х классная; Соборная, 2-х классная; Спасовская, Сретенская, Троицко-Засосенская; Троицкая, при мужском монастыре, Участковая и др.» [5, № 3, с. 324];

2) «Существовала школа для обучения истинам веры и правилам иноческой жизни в Троицком Елецком мужском монастыре...» [5, № 3, с. 795].

О потребности эстетического воспитания в духовных школах посвящен материал статьи в «ОЕВ» (№ 46, ноябрь, с. 1292). Автор подписался – «Православный».

В январском номере газеты за этот год появляется рубрика «Архипастырское послание». Вот пример такого послания:

«Самым выдающимся проявлением святительской деятельности Преосвященного Александра служит его известное *Архипастырское послание* к пастырям и пасомым Орловской епархии.

Преосвященный стремился к оживлению в народном сознании памяти просветителя Орловского края *св. священномученика Кукуши*. Он видел в этом залог духовной связи современных поколений с драгоценными наследиями древности и очень удивлялся, что орловская страна так мало чтит своего небесного покровителя...» [5, № 3, с. 68].

Газета постоянно уделяла внимание вопросам образовательного процесса. Важно отметить, что мы можем восстановить фамилии педагогов различных Елецких школ того времени (псаломщической, церковно-приходских, монастырских и т.д.), назвать учебные дисциплины. В газете появляется даже специальная рубрика «*Архипастырское благословение*», которая информирует читателей об успешной работе учителей. Приведем несколько примеров следующих заметок в «ОЕВ» за 1911 и 1914 годы:

1) Архипастырское благословение.

«По журнальному представлению Школьной комиссии Епархиального Училищного Совета от 14 декабря минувшего года нижепоименованные лица награждены Архипастырским благословением с выдачею установленных грамот за усердную и полезную церковно-школьную деятельность в 1910 году по Елецкому уезду: 1) Настоятельница Елецкого Знаменского монастыря *Игуменья Рафаила*, за деятельность по званию попечительницы монастырской двухклассной школы; 2) Заведующий церковно-приходской школой при Троицком мужском монастыре иеромонах Тихон» [5, № 4, с. 40].

2) Архипастырское благословение.

«По журнальным определениям Епархиального Училищного Совета от 6 декабря-10 декабря минувшего года нижепоименованные лица награждены Архипастырским благословением с выдачею установленных грамот за усердную и полезную церковно-школьную деятельность в 1913 году.

По Елецкому уезду:

- попечительница Введенско-Вороновской церковно-приходской школы вдова купца Агния Павловна Лопухова,
- учитель Соборной, г. Ельца ц.-пр. школы Николай Суздальский,
- учительница той же ц.-пр. школы Мария Васильевская,
- учительница Чернавской ц.-пр. школы Ольга Рязанова,
- учительница той же ц.-пр. школы Елисавета Нецветаева,
- учитель Извальской ц.-пр. школы Михаил Сиротинин,
- учительница Участковой, г. Ельца, ц.-пр. школы Екатерина Бутягина,

- попечитель Чернавской двухклассной ц.-пр. школы дворянин Николай Иванович Подлинёв,
- попечитель Участковой, г. Ельца, ц.-пр. школы купец Николай Васильевич Дмитриев,
- попечитель Афанасьевской ц.-пр. школы крестьянин Василий Владимирович Фаустов,
- попечитель Роговской ц.-пр. школы дворянин Владимир Иванович Шаталов» [6, № 2, с. 22].

Новые преподаватели в псаломщической школе при Елецком Троицком монастыре.

«Его преосвященством назначены преподавателями в псаломщической школе по *церковному уставу*, катехизису, чтению избранных мест св. писания, церковному письмоводству с каноникою и по церковно-славянскому языку священник Михаило-Архангельской церкви г. Ельца Иоанн Красовский, а преподавателем русского языка, краткой русской истории, церковной и гражданской, географии, арифметике диакон Владимирской, что на Черной слободе, церкви Михаил Тихомиров» [6, № 2, с. 49].

В перечень газетных материалов входят так называемые – «речи». Они красноречиво свидетельствуют об умении духовных лиц доносить до простых граждан суть важных вопросов и проблем. Ельчане не раз становились свидетелями такого факта. Например, в одном из номеров читаем: «Начали говорить речи, читать адреса и подносить иконы. Первым говорил речь Преосвященный Епископ Митрофан, с поднесением иконы св. священномученика Кукши, просветителя Орловской страны. Равноапостольный Иоанн Кукша, священномученик Кукша одним словом исцелял недужных вятчан и проливал из многотучных облак живительный дождь на неплодные нивы «вятичей», предков современных жителей Орловского края и вообще древней страны Вятчей. «Вятчане» лишили света белого своего благодетеля-проповедника, усекнув мечем главу (это наш страсто-терпец)...» [5, № 3, с. 102].

Надо отметить, что церковь имела огромное влияние на общество. На страницах епархиальной хроники поднимался вопрос о нравственном состоянии русского народа. Духовенство с горечью отмечало, что за период 1911-1914 гг., религиозно-нравственное состояние жителей епархии (как и по всей стране) очень понизилось – дарованная царем свобода лишь усилила «пьянство в воскресные и праздничные дни...» «ОЕВ» не раз обращались к этой важной проблеме. Стали появляться заметки: «Страшнее холеры и чумы», «Об устройстве лечебниц для алкоголиков», «О задачах и программах обществ трезвости», «О трезвости» и др.

Интересный материал церковной жизни дают «ОЕВ» за 1914 год. Здесь отмечаются успехи Елецкого аргамаченского общества трезвости, приводятся примеры новых служебных назначений (церковных старост), а

также случаев присоединения граждан к православию. Например, в январском номере газеты, в рубрике «Местные сообщения. Елецкое аргамаченское общество трезвости», сообщается:

«Елецкое аргамаченское общество трезвости, заявившее себя плодотворною деятельностью в борьбе с алкоголизмом, в конце истекшего 1913 года получило за свои экспонаты, выставленные на итальянской выставке в Турине, большую золотую медаль за целесообразную и высоко полезную организацию борьбы с алкоголизмом» [6, № 2, с. 48].

В следующем выпуске печатается заметка такого содержания:

Присоединение к Православию.

«Священником Покровской г. Ельца церкви Василием Хлебтовским присоединена к Православию из иудейского вероисповедания мещанка г. Туккума, Курляндской губ., Шейне-Малер 46 лет с наречением имени ей «София» - 5 сентября [6, № 2, с. 7].

И далее читаем: «Утвержден в должности церковного старосты по Елецкому уезду: при церкви с. Паниковца крестьянин Конон Шуринов...» [6, № 2, с. 21].

Не можем обойти вниманием и те важные события 1913 и 1914 годов, происходившие в нашем городе и имеющие большое значение в целом для истории Ельца. В «ОЕВ» им отводится значительное место. Речь идёт о чествовании Архиепископа Иннокентия в 1913 г., о чествовании иконы Елецкой Божией Матери (январь 1914 г.), о проведении святочных праздников (1913-1914 гг.). Позволим себе привести эти материалы полностью.

Чествование Архиепископа Иннокентия (Борисова) Ельчанами 15 декабря 1913 года в старом Ельце.

«В воскресенье 15 декабря, по случаю годовщины дня рождения (в 1800 г.) знаменитого ельчанина Архиепископа Иннокентия Херсонского, сына священника Успенской градской церкви, Преосвященный Митрофан Епископ Елецкий священнодействовал Божественную литургию в Покровской церкви г. Ельца, где учреждена в память иерарха витии церковно-общественная библиотека, имеющая ныне более 5000 названий книг и 30 000 ежегодных читателей (требований).

За всенощным бдением и ранними обеднями в градских церквях произносились проповеди-извлечения из поучений святителя-земляка. Владыке сослужили законоучителя гимназий с певчими воспитанниками и любительским хором о. о. диаконов и псаломщиков-почитателей приснопамятного уроженца Елецкого края. Проповедовал о жизнедеятельности Архиепископа Иннокентия протоиерей В. Соловьев. На панихиду явились те из городского духовенства, которым дорога по собственному самосознанию важность поминовения наставников, глаголивших слово Божие и желание подражать верному служению их, не ставя во главу угла только житейских прибытков. Преосвященный Митрофан кратко беседовал о хри-

стианском долге посещать храм для молитвы за живых и умерших. А особенно молодёжи надо поступать по указаниям старших.

В Народном доме в три часа по-полудни состоялось чтение А.П. Бутягина о жизни Архиепископа Иннокентия и его заветах русскому народу, священник же о. С. Левин говорил о последних днях предсмертных Архиепископа Иннокентия, а хор И.М. Зизюкина исполнял церковные песнопения, особенно любимые Преосвященным Иннокентием. Для избранной публики вечером в зале Городской Думы продолжалось чествование памяти знаменитого уроженца г. Ельца Церкви слободы Аргамач, священник Николай Брянцев искусно, красноречиво предложил доклад: Архиепископ Иннокентий, как проповедник гомилет, а хор пропел церковные песнопения. Присутствующим г. А.П. Бутягиным раздавалось стихотворение Владыки Иннокентия под заглавием «Не унывай...».

Нельзя не порадоваться такой отзывчивости мирянина, устроителя чтений в Народном доме г. Ельца, ибо несомненна истина, что устная речь близь только слышится, а печатная грамотка во все концы земли доходит и в хату и во дворец!

В сем случае Кружок добротворцев памяти о. Иоанна Елецкого уже издаёт религиозно-нравственные листки, но пока ему не придут на помощь прочие просветительные и благотворительные учреждения г. Ельца – благое начинание не может получить достойного развития, местной же газете «Елецкому Дневнику» конечно нет возможности уделять много строчек назидательно христианским и душеполезным сообщениям и хроник церковно-общественных событий. В виду сего благовременно было бы появление, хотя ежемесячных выпусков Елецкой Старины и новизны, как вестника названных учреждений и обществ» [6, № 1, с. 14-16].

Хроника

«После поздней обедни 11 января Преосвященный Митрофан, Епископ Елецкий, служил соборный молебен по случаю чествования иконы Елецкой Божией Матери, образ коей есть в летнем соборе Троицкой обители, в воспоминание бытия оной на месте прежнего стояния упраздненного монастыря, при впадении р. Ельчика в р. Сосну, где главною святынею была Елецкая Богоматерь, находящаяся теперь в Вознесенском соборе.

В пятницу вечером 17 января Преосвященный Настоятель читал акафист Царице Небесной пред чудотворным ликом Пречистой.

Пред вечерней в пятницу 24 числа Архипастырь присутствовал «на соборовании» старца недужного иеромонаха Геронтия (Турбина), внезапно тяжело заболевшего» [6, № 2, с. 95].

*Хроника.
Церковная летопись святочных праздников
в г. Ельце на рубеже 1913-14 годов*

«Поминовением достославных по праведной жизни честных отцов иерея Иоанна Елецкого и протоиерея Иоанна Кронштадтского, совпавшее с днем предпраздненства во плоти Рождества Христова, в Троицком Елецком монастыре ознаменовано было, по примеру прежних лет, Архиерейским священнослужением Божественной литургии Епископом Митрофаном (сослужил святителю между прочим родственник о. Иоанна Елецкого священник Засосенской церкви о. И.Д. Руднев, а маститый старец Чернослободской церкви диакон Д.А. Жданов – правнук – по нездоровью не прибыл), накануне же правился парастас.

Перед панихидою Преосвященный напомнил предстоящим, что имя Иоанн означает благодать Божию. Сия спасительная сила, как печать дара Духа Святого, присуща всем христианам-помазанцам...

После обедни, ради годовщины смерти о. Иоанна Жданова, на монастырском дворе нашей братии и бедным раздавались по давнему обычаю хлеб (булки) и деньги (пяточок) более чем 500 человекам, подходившим по очереди, всем без изъятия, а богомольцам вручались грамотки: Знамена милости Божией по молитвам о. Иоанна Елецкого и листки о нем же, как образцовом христианском пастыре. Таким образом по силе помощи Кружок добротворцев и ревнительниц милосердия памяти о. Иоанна Елецкого из набожных ельчан, выполнял глагол Спасов о питании алчущих и жаждущих телесно и духовно (Л. IX-13) с пособием и от обители, издающей листки религиозно-нравственного содержания, во исполнение указаний духовного начальства.

В день Рождества Спасителя Иисуса Христа Преосвященный Митрофан позднюю Божественную литургию священнодействовал в Троицком монастыре и пред молебным воспоминанием избавления Церкви и Державы Российской от нашествия двадцати иноплеменных язык, поучал народ православный покаяться гласу Вседержителя Бога...

Под новый 1914 год в Троицком Елецком мужском монастыре после всенощного бдения совершалось Преосвященным Митрофаном, Епископом Елецким, соборне с братиею благодарственное Богу молебнопение, пред которым Владыка призывал славить Господа.

В новолетие 1 января 1914 года Преосвященный Митрофан священнодействовал позднюю Божественную литургию в обители и пред молебном советовал исполняться духом Господним евангельского учения, ради духовной жизни посредством подражания Христу в добрых делах...

В предпраздненство просвещения 2 января, Преосвященный Митрофан, Епископ Елецкий, посетил псаломщическую при Троицком монастыре школу, где происходила святочная религиозно-просветительная вечеринка для учащих и учащихся с чтением и пением. Большой угол, с тепля-

шейся лампадой пред образом Спаса мира, возглавлялся красивою рождественскою «звездою», вместо елки. (Были прочтены легенда о рае и аде из Отдыха Христианина и сказание о чудных событиях Рождества Христова. Преосвященный рассказал кратко обычаи празднования святочных дней и новолетия из истории мирной и старорусской, когда при мерцании света «тепла лампадного» на семейной трапезе царила в домах тишина до полуночи, до благовеста колокольного, зовущего к заутрени. Воспитанник Хмелёв произнес стихотворение об уповании знаменитого ельчанина Архиепископа Иннокентия «Не унывай».

Ученический хор в промежутках исполнял церковные песнопения с многолетиями придержащей власти и гимнами «Коль Славен» и «Боже Царя Храни»).

Воспитанники были одарены гостинцами и книжками и по видимому радовались скромному развлечению в стенах обители.

В Крещенский сочельник после вечерни в Троицком Елецком монастыре Преосвященный Митрофан творил соборне с братством (шесть иеромонахов) последование великого освящения воды святых богоявлений, а в 6 день января священнодействовал в 9 часов позднюю Божественную литургию, предворив исхождение на водосвятие поучением о благодатных свойствах «агиасмы».

Дай же Боже, закончил Епископ поучение, да все почерпавшие, запаасающие для хранения домашнего и причащающиеся богоявленскою водою, получать здравие, чудодейственное исцеление, от страстей душевных и телесных и всякую пользу изрядную с Божиим благословением для собственного благополучия в текущем 1914 году.

Так в Свято-Троицкой обители в старом князем граде Ельце прошли святки, *служба уроком религиозно-нравственного просвещения братии, учащим и паломникам-богомольцам* [6, № 2, с. 89].

Учитывая ограниченные рамки статьи, в заключении скажем.

Православие является неотъемлемой частью исторического и культурного наследия России. Поэтому невозможно воспитывать подрастающее поколение без учета этой составляющей.

Церковная дореволюционная печать – оригинальный источник по истории Орловской епархии, конкретно Ельца и Елецкого уезда. Мы можем отметить актуальность и практическую пользу газеты «Орловские Епархиальные Ведомости». Материалы, публиковавшиеся в ней, рассматриваются как важнейший источник для реконструкции приходской церковной жизни.

Пользуясь случаем, как автор статьи, выражаю слова благодарности коллективу ЕКМ за предоставленные архивные источники.

Примечания

1. Лопухин А.П. История Христианской Церкви в XIX веке. 1901. Т. 2.
2. Орловские Епархиальные Ведомости. Орёл, 1865.
3. Орловские Епархиальные Ведомости. Орёл, 1906.
4. См. нашу ст. Чистякова Н.А. Старое кладбище города Ельца в творчестве И.А. Бунина // Литературное краеведение Липецкой области. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2011. С. 22-27.
5. Орловские Епархиальные Ведомости. Орёл, 1911.
6. Орловские Епархиальные Ведомости. Орёл, 1914.

Т.В. Яковлева
Белгород

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ КОММЕНТИРОВАНИЕ ИЗУЧАЕМЫХ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И.А. БУНИНА

Статья посвящена актуальной проблеме – лингвокультурологическому комментированию произведений И. А. Бунина, изучаемых в начальной школе. Обращается внимание на научные основы лингвокультурологического комментария, его роль в становлении личности младшего школьника. Цель работы – обосновать необходимость лингвокультурологического комментирования, определяются его задачи. Описывается методика лингвокультурологического комментирования (на примере произведения И. А. Бунина «Детство»). Результатом исследования является разработка методики лингвокультурологического комментирования. Методические рекомендации могут использоваться учителями начальных классов и студентами педагогических направлений подготовки во время практики.

Ключевые слова: лингвокультурология, лингвокультурологическое комментирование, курс литературного чтения, младший школьник.

Курс литературного чтения в начальной школе призван ввести ребенка в мир художественной литературы и помочь ему осмыслить образность словесного искусства, посредством которой художественное произведение раскрывается во всей своей полноте и многогранности. Литературное чтение пробуждает у детей интерес к словесному творчеству и к чтению художественных произведений. Но очень часто предметом рассмотрения на уроке становится лишь сюжетно-информационная сторона текста, художественный текст рассматривается вне связи с культурой.

В последние годы XX и в начале XXI века активно развивается новая языковедческая дисциплина – лингвокультурология. В 1994 г. была опубли-

ликована работа В. В. Воробьева «Культурологическая парадигма русского языка». В этой и последующих публикациях В. В. Воробьев рассматривает вопросы межкультурной коммуникации и формулирует задачи лингвокультурологии, определяя ее как аспект языкознания. Лингвокультурология, по мнению автора, это аспект языкознания, изучающий проблему отражения национальной культуры в языке, раздел семасиологии, так как определяет и описывает национально маркированные языковые единицы [2, 56].

Таким образом, лингвистическая культурология – это научная дисциплина, изучающая процесс осмысления и отражения в национальном языке элементов материальной и духовной культуры народа (предметов и явлений объективной реальности, содержательных и динамических аспектов человеческой деятельности, артефактов).

Основная задача лингвокультурологии – моделирование знаний о материальных и нематериальных объектах культуры того или иного этноса посредством всестороннего анализа его языка, в частности – словаря.

Несомненным является тот факт, что при проведении лингвокультурологических изысканий невозможно ограничиться только синхронным анализом, а следовательно, приоритет в изучении эволюции «культурной» лексики должен принадлежать историкам языка и этимологам, поскольку «никакая другая лингвистическая дисциплина не собирает такую полноту информации о значении слова, как этимология, объединяющая в целях своего исследования современные данные, письменную историю, дописменную реконструкцию и семантическую типологию» [4, 18].

Мы считаем, что изучение литературного произведения должно базироваться на культурном контексте, рассматриваться как составная часть общекультурного процесса. Для ликвидации односторонности при изучении художественного произведения следует использовать лингвокультурологическое комментирование, которое является эффективным способом приобретения знаний и формирования умений.

Лингвокультурологическое комментирование – это рассмотрение художественного текста в контексте культуры.

Задача лингвокультурологического комментирования – помочь воспитанию «человека культуры», сформировать лингвокультурологическую компетенцию младшего школьника, а для этого ученику необходимо знать особенности эпохи, которой посвящено или в которую было написано конкретное произведение, историю его создания; отражение в произведении авторского миропонимания, связанного с особенностями личности писателя или поэта, то есть знать общекультурный фон.

Лингвокультурологическое комментирование погружает личность ребенка в пространство культуры, подводит его к высшим ценностным смыслам, помогает обрести самосознание, вмещающее в себя века, эпохи [4].

В основу методологической базы лингвокультурологического комментария положены следующие идеи:

1. Рассмотрение текста как текста культуры со своей «биографией», жизнью, своими кодами, символами, образами, мотивами.

2. Отражение в конкретных лексемах, составляющих художественный текст, определенного типа сознания, духовного, социально-психологического климата своей эпохи и вечных жизненных проблем.

3. Внедрение в школьное литературоведение лингвокультурологической интерпретации

Программы по литературному чтению для начальной школы, в частности, по УМК «Школа России» предусматривают знакомство с некоторыми произведениями И. А. Бунина [3].

Хутор Бутырки Елецкого уезда Орловской губернии, где в полном одиночестве (без сверстников) в непосредственном общении с сельской природой прошло детство писателя, стал для него своеобразной точкой отсчета для восприятия красоты окружающего мира. «Тут, – вспоминал впоследствии писатель, – в глубочайшей полевой тишине, среди богатейшей по чернозему и беднейшей по виду природы, летом среди хлебов, подступавших к самым нашим порогам, а зимой среди сугробов, и прошло все мое детство, полное поэзии печальной и своеобразной». Эта глубинная Россия, жизнь ее народа, природа, культурные традиции нашли отражение в творчестве И. А. Бунина.

В воспоминаниях И. А. Бунина о детстве и ранней юности – восхищение русской природой, красотой родного края и одновременно с этим – гордость, вызванная дворянским происхождением, древностью рода. Любовь к России, родине, к ее удивительной природе, к простому человеку навсегда определила одну из самых сильных особенностей бунинского дарования. Безусловно, все это нашло свое отражение в произведении «Детство».

Детство И. А. Бунина было овеяно духом минувшего века с его устоявшейся, расцветшей в покое культурой. Уже в ранней пейзажной лирике поэта много мудрости, прослеживается глубокое проникновение в душевное состояние русского и человека, тонкое выявление особенностей его характера, отношения к миру [1].

Его лирика отражает сущностные черты самого поэта. Он говорит о себе, вспоминает свои впечатления, например, о прогулках в лесу. Взрослый человек, созерцая столетние огромные сосны, перед величием природы чувствует себя вновь ребенком, для которого мир представляется светлым и беззаботным, всё вокруг – прочным и незыблемым.

И. А. Бунин всегда создавал картины совершенно реальные, поражающие гармонией красок, звуков и запахов. Читая завораживающие строки, читатель как бы переносится в давно минувший день, в тот сад, поле или лес, которые остались навсегда запечатленными в стихах.

Разные картины природы вызывают чувство отрады и покоя: «смолистый аромат», «солнечные палаты», «песок – как шелк», «ствол – гигант, тяжелый, величавый», «повсюду блеск». Мир, предстающий перед читателем, несет в себе радость, дает ощущение слитности с природой.

Природа для И. А. Бунина – живое существо. Создавая светлый образ, связанный с воспоминаниями о детстве, поэт использует слова «солнечный», «солнце», «свет», «блеск». Они помогают передать красоту и яркость солнечного дня в сосновом бору.

Лес похож на царские палаты. Он такой же пышный, богатый, красивый. Возникает образ дворца. Сосновый бор похож на храм. Поэт ощущает глубокое и счастливое чувство сопричастности к красоте мира.

Его восхищает завораживающая гармония цвета в природе.

Образ солнца – неотъемлемая часть общей живописной картины мира. Из исторических памятников нам известно о поклонении славян солнцу, земле, воде, некоторым животным. Русские люди были земледельцами и с древнейших времен отмечали солнцеворот, связанные с ним явления. Эти наблюдения представляют собой систему верований и трудовых навыков. Для того, чтобы облегчить тяжелый труд, способствовать богатому урожаю и приплоду скота, люди совершали обрядовые действия. Все обряды образовали годовой календарный цикл. Самые важные праздники были приурочены к зимнему и летнему солнцестоянию. В народной поэзии солнце имело эпитет «ясное» и представлялось радостным и веселым. Народ верил, что солнце «играло» утром в воскресные дни, особенно в день Пасхи.

Рассвет и восход солнца представлялся славянам особенно веселым, они сравнивали его с веселым гуляньем.

Самый запоминающийся образ – образ сосны («ствол – гигант, тяжелый, величавый», «кора груба, морщиниста, красна»). Описание коры дерева напоминает натруженные руки старого человека. Автор, сравнивая кору дерева с руками труженика, показывает, что природа и человек являются неразрывным целым. Поэт одухотворяет, очеловечивает природу.

Стихотворение наполняет читателей чувством уверенности в том, что окружающий мир полон доброты и прочен.

При изучении произведений И. А. Бунина детей необходимо познакомить с биографией поэта, провести лингвокультурологический комментарий слов *солнце, сосновый бор, аромат*.

Необходимо предложить учащимся такие вопросы и задания, которые помогут им «окунуться» в мир русской культуры, приобщиться к русской природе:

1. Понравилось ли вам стихотворение? Какие чувства, размышления вызвало оно у вас?

2. Как вы думаете, почему стихотворение называется «Детство»?

3. Какой эпизод вспоминается автору?

4. Каким кажется мир лирическому герою?
5. Что чувствует ребенок, прижавшись к стволу огромного дерева?
6. Какие слова подчеркивают радость и торжественность, наполняющие душу героя?
7. Какой образ в стихотворении самый яркий? С помощью каких слов создает его автор?
8. Подготовьте выразительное чтение стихотворения.

Мы показали фрагмент лингвокультурологического комментирования на примере одного произведения И. А. Бунина. Считаю, что необходимо создание методической системы лингвокультурологического комментирования произведений, изучаемых в начальной школе.

Примечания

1. Арзамасцева, И. Н., Николаева, С. А. Детская литература: учебник для вузов / И. Н. Арзамасцева, С. А. Николаева. М.: Дрофа, 2011. 234 с.
2. Воробьев, В. В. Культурологическая парадигма русского языка: монография / В. В. Воробьев. М.: Наука, 2001. 168 с.
3. Голованова, М. В. Литературное чтение: учебник для учащихся 4 класса общеобразовательных учреждений / М. В. Голованова, Л. Ф. Климанова и др. М.: Дрофа, 2016. 138 с.
4. Яковлева, Т. В. Лингвокультурологический комментарий: учебное пособие / Т. В. Яковлева, В. В. Демичева, О. И. Еременко. Германия: Ламберт, 2015. 139 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Астащенко Елена Васильевна, кандидат филологических наук, докторант кафедры русской классической литературы и славистики Литературного института имени А.М. Горького (Москва). E-mail: gedda@inbox.ru

Борисова Наталья Валерьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры всеобщей истории и историко-культурного наследия Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (Елец). E-mail: ivanova@elsu.ru

Голубчик Татьяна Валерьевна, учитель высшей категории МБОУ лицей №5 (Елец). E-mail: klimova_marina@mail.ru

Дякина Анжелика Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры философии и социальных наук Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (Елец). E-mail: anjeloprof@mail.ru

Климова Марина Витальевна, кандидат филологических наук, директор института истории и культуры Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (Елец). E-mail: klimova_marina@mail.ru

Кравченко Алексей Андреевич, аспирант Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (Елец). E-mail: anjeloprof@mail.ru

Крамарь Ольга Казимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории литературы Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (Елец). E-mail: kramol@yandex.ru

Лебедева Виктория Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и методики их преподавания Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (Елец). E-mail: vikkktoria2@yandex.ru

Логвиненко Сергей Викторович, кандидат филологических наук, младший научный сотрудник НИЛ «Бунинская Россия» Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (Елец). E-mail: uaz3153@rambler.ru

Ломакина Светлана Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории литературы Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (Елец). E-mail: samal66@yandex.ru

Ляпин Денис Александрович, доктор исторических наук, доцент кафедры истории и археологии Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (Елец). E-mail: denis-1@mail.ru

Микушова Елена Владимировна, учитель начальных классов высшей категории МБОУ СОШ п. Солидарность. (Елец). E-mail: mikushovvat@mail.ru

Микушова Татьяна Павловна, кандидат филологических наук, доцент Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (Елец). E-mail: mikushovat@mail.ru

Новикова Татьяна Федоровна, доктор педагогических наук, профессор кафедры филологии Белгородского национального исследовательского университета (Белгород). E-mail: Tnovikova@bsu.edu.ru

Разуваев Илья, учащийся 10 класса МБОУ лицей №5 (Елец). E-mail: klimova_marina@mail.ru

Садик Джабар Хусаин, магистрант 2 курса института филологии Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (Курдистан). E-mail: jabarhussin@mail.ru

Санна Николай Николаевич, профессор, доктор социологии, кандидат физико-математических наук, профессор кафедры социологии и психологии Харьковского национального университета внутренних дел (Украина, Харьков). E-mail: smokvi@mail.ru

Свиридова Тамара Михайловна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка, методики его преподавания и документоведения Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (Елец). E-mail: kafedra.tirj@mail.ru

Су Лицзе, доцент Аньшаньского педагогического университета (г. Аньшань, Китай). E-mail: ulya@yelets.lipetsk.ru

Телкова Валентина Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и документоведения Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (Елец). E-mail: telkova.2014@bk.ru

Трубицина Наталия Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой всеобщей истории и историко-культурного

наследия Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (Елец). E-mail: trubicina-nat@mail.ru

Чистякова Наталья Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры всеобщей истории и историко-культурного наследия Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (Елец). E-mail: trubicina-nat@mail.ru

Яковлева Татьяна Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой теории, педагогики и методики начального образования и изобразительного искусства Белгородского государственного национального исследовательского университета (Белгород). E-mail: yakovleva@bsu.edu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Астащенко Е.В.</i>	Готические традиции ирреализации топонимии в ранней прозе И.А. Бунина.....	3
<i>Борисова Н.В.</i>	Елецкое землячество.....	7
<i>Дякина А.А.</i>	Публицистика Е. Назарова в контексте исторического краеведения.....	10
<i>Кравченко А.А.</i>	Образ поэта-самоучки в ранней публицистике Ивана Бунина.....	14
<i>Климова М.В., Голубчик Т.В.</i>	О семантике Елецкой топонимики (на примере годонимии города)	21
<i>Крамарь О.К.</i>	Елец, Ельцу, Ельца, Ельцом... (образ города в современной отечественной литературе).....	25
<i>Лебедева В.Ю.</i>	Об одной оппозиции у И. Бунина и В. Набокова... ..	32
<i>Логвиненко С.В.</i>	Духовная культура славянского народа в ранних очерках М.М. Пришвина	35
<i>Ломакина С.А.</i>	Художественный мир И.А. Бунина в школьном литературном образовании.....	39
<i>Ляпин Д.А.</i>	Хозяйственное развитие города Ельца в 1620-е годы	45
<i>Микушова Т.П., Микушова Е.В.</i>	Литературное образование и развитие младших школьников средствами произведений М.М. Пришвина.....	49
<i>Новикова Т.Ф.</i>	Национально-маркированная лексика в Бунинских текстах	53
<i>Разуваев И.</i>	Сергей Богатиков – Герой России в двадцать лет... ..	59
<i>Садик Д.Х.</i>	Печать Курдистана о проблемах национальной идентичности.....	64
<i>Саппа Н.Н.</i>	Иван Бунин и Харьков: краеведческий аспект.....	68

<i>Свиридова Т.М.</i>	А.М. Селищев – создатель славяноведения в филологическом образовании	75
<i>Су Лицзе</i>	Черты творчества Тургенева.....	83
<i>Телкова В.А.</i>	Элементы устно-разговорной речи в текстах дневников М.М. Пришвина.....	87
<i>Трубицина Н.А.</i>	Елецкий миф и его отражение в творчестве местных поэтов-песенников.....	91
<i>Чистякова Н.А.</i>	Православная культура Ельца к. XIX – н. XX века (по материалам дореволюционной печати).....	94
<i>Яковлева Т. В.</i>	Лингвокультурологическое комментирование изучаемых в начальной школе произведений И. А. Бунина.....	104
<i>Сведения об авторах.....</i>		109

Научное издание

ЕЛЕЦ
В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ
РОССИИ

Сборник научных трудов

Технический редактор – О. А. Ядыкина

Техническое исполнение – В. М. Гришин

Дизайн обложки – И.В. Семенюта

Лицензия на издательскую деятельность

ИД № 06146. Дата выдачи 26.10.01.

Формат 60 x 84 /16. Гарнитура Times. Печать трафаретная

Печ.л. 7,0 Уч.-изд.л. 6,5

Тираж 500 экз. (1-й завод 1-50 экз.). Заказ 115

Отпечатано с готового оригинал-макета на участке оперативной полиграфии
Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»

399770, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1